

ISSN 2307 – 5198

ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛТЕТИ ҲУҚУҚШИНОСӢ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

ҲАЁТИ ҲУҚУҚӢ

№ 1 (13)
2016

ДУШАНБЕ

Научно – информационный журнал «**Правовая жизнь**» (**Ҳаёти ҳуқуқӣ**) создан в 2013г., перерегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан (свидетельство № 0177/МЧ от 25. 01. 2016г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2307 – 5198).

Журнал в 2015г., аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Январь – март 2016, № 1 (13)

Учредитель: Таджикский национальный университет (юридический факультет)

Главный редактор: Ш. К. Гаюров, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Тахиров Ф. Т., академик АН РТ, доктор юридических наук, профессор

Махмудов М. А., академик АН РТ, доктор юридических наук, профессор

Малько А. В., доктор юридических наук, профессор (РФ)

Муртазакулов Дж. С., доктор юридических наук, профессор

Сативалдыев Р. Ш., доктор юридических наук, профессор

Шарипов Т. Ш., доктор юридических наук, профессор

Насурдинов Э. С., доктор юридических наук, доцент

Диноршоев А. М., ответственный секретарь, доктор юридических наук, доцент

Рахмон Д. С., кандидат юридических наук, доцент

Сафаров Б. А., зам. главного редактора, кандидат юридических наук, доцент

Золотухин А. В., кандидат юридических наук, доцент

Раджабов М. Н., кандидат юридических наук, доцент

Научное редактирование и корректура: Холова Н. Р.

Подписной индекс журнала: **77735**

Журнал выходит один раз в три месяца на русском языке

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17.
Тел. и иные координаты связи: (+992 37) 2217711, 2246503, www.tnu.tj,
www.law.tj, www.pravovayazhizn.tj, e-mail: tgnu@mail.tj

©Таджикский национальный университет, 2016

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. Жизнь, общество и государство

Рахмон Д. С.	Некоторые вопросы реализации рекомендаций Комитета ООН по правам человека в связи с рассмотрением второго национального периодического доклада Республики Таджикистан касательно применения Международного пакта о гражданских и политических правах	5
Павленко Е. М.	Культура прав человека: понятие, особенности структуры и типологии	9
Бабаджанов И. Х.	Право на жизнь и правомерность проведения медицинских экспериментов (этико-правовые аспекты)	21
Миралиев И. К.	Взаимосвязь правового государства и прав человека в рамках их доктринальных трактовок	36

II. Вопросы развития конституционного права

Салохидинова С. М.	Право на объединение как средство создания коллективных форм предпринимательства	50
Шеров Ш. З.	Теоретические аспекты конституционно-правовой ответственности в Республике Таджикистан	56
Холова Н. Р.	Роль судебной власти в сфере защиты прав человека в Таджикистане	63
Бойназарова Ш. С.	Понятие и закрепление принципов гражданства в законодательстве Республики Таджикистан	68
Джамshedов Дж. Н., Соибов З. М.	Правовое положение уполномоченного органа по вопросам таможенного дела	74

III. Вопросы уголовного права и криминологии

Гафуров А. Д., Сафаров А. И.	Юридическая ответственность за нарушение валютного законодательства Республики Таджикистан	80
Юлдошева Г. М.	Субъективная сторона незаконного оборота наркотических средств	88
Мирзоахмедов Ф. А.	Уголовно-правовой анализ отягчающих призна-	93

ков состава преступления вымогательства

- Ходжаева Н. Б.** Заключение эксперта как вид доказательства в уголовном процессе **104**

IV. Вопросы трудового права и права социального обеспечения

- Бозоров Р. Б.** К вопросу о трудовых отношениях инвестора с работниками предприятий с иностранными инвестициями **109**

- Диноршоев А. М.** Вопросы реализации права на социальное обеспечение в Республике Таджикистан **114**

- Сангинов Д. Ш.** Правовая характеристика права граждан на социальное обслуживание **117**

V. Проблемы гражданского права

- Гаюров Ш. К.** Гражданско-правовая политика: некоторые проблемы формирования **125**

- Саидов Х. М.** Особенности гражданско-правовой ответственности водоснабжающей организации **137**

- Курбонализода Н. Ш.** Некоторые вопросы защиты прав ребенка в Республике Таджикистан **142**

VI. Поступившие рецензии

- Азизкулова Г. С.** Рецензия на монографию И. А. Мамадалиева «Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начала XX века». Изд-во «Ношир» Худжанд, 2013 г. – 399 с. **147**

- Иброхимов С. И.,
Марифхонов Р. Н.,
Рахматова З. А.** Рецензия на книгу Зеленцова А. Б. «Административная юстиция. Общая часть: теория судебного административного права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Б. Зеленцов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 399 с.» **156**

- VII. Порядок рецензирования статей, предоставляемых в научно-информационный журнал «Правовая жизнь». Правила для авторов** **163**

РАХМОН Д. С.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕКОМЕНДАЦИЙ КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СВЯЗИ С РАССМОТРЕНИЕМ ВТОРОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДИЧЕСКОГО ДОКЛАДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАСАТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

Ключевые слова: права человека, национальный доклад, международные акты, смертная казнь, процессуальные права.

Keywords: human rights, the national report, international acts, the death penalty, the procedural rights.

Республика Таджикистан (РТ) ратифицировала основные международные договоры ООН в области прав человека и должным образом выполняет взятое на себя обязательство регулярно представлять национальные доклады об их выполнении. Международный пакт о гражданских и политических правах также является основным документом в области прав человека, ратифицированным РТ. Первоначальный национальный доклад по данному документу был предоставлен в Комитет ООН по правам человека в 2004 г. Второй же периодический Национальный доклад РТ был рассмотрен Комитетом ООН по правам человека на 2982 и 2983-х заседаниях, состоявшихся 9 и 10.07.2013 г. На своем 3002-м заседании, состоявшемся 23.07.2013 г., Комитет ООН по правам человека принял некоторые заключительные замечания и рекомендации. В целях должного выполнения данных рекомендаций 24.07.2014 г. Председателем Комиссии по обеспечению выполнения международных обязательств в области прав человека при Правительстве РТ и первым заместителем Премьер-министра страны был утвержден Национальный план по выполнению рекомендаций Комитета ООН по правам человека в связи с рассмотрением второго национального периодического доклада РТ касательно применения Международного пакта о гражданских и политических правах на 2014–2016 гг. Процесс реализации данного плана уже начался и осуществляется поэтапно. Так, например, одна из рекомендаций комитета была направлена на то, чтобы в очередном докладе были приведены конкретные примеры, отражающие применение Пакта национальными судами. Указанная рекомендация была отражена в п. 1.3 плана. В целях выполнения этой рекомендации, а также обеспечения единой судебной

---

* Декан юридического факультета ТНУ, к.ю.н, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения

практики и надлежащего выполнения норм международных актов, которые были ратифицированы РТ, в ходе 9-го заседания Пленума Верховного суда, состоявшегося 18.11.2013 г., было принято постановление “О применении судами РТ норм международных актов, ратифицированных Таджикистаном”. Это постановление было разослано судам РТ, Совету юстиции, Генеральной прокуратуре, Министерством юстиции и внутренних дел, Агентствам по финансовому контролю и борьбе с коррупцией и контролю за незаконным оборотом наркотиков при Президенте РТ, Уполномоченному по правам человека в РТ, Национальному центру законодательства при Президенте РТ, Государственному комитету национальной безопасности, ТНУ для руководства и практического применения. Учебному центру судей, в соответствии с п. 17 плана, рекомендовано во время разработки учебных программ, переподготовки судей, судей-стажеров и сотрудников аппарата судов уделять особое внимание вопросу изучения норм международных актов, которые ратифицированы РТ. Вместе с тем учебному центру судей рекомендовано принять необходимые меры для постоянного обеспечения судей материалами из источников международного права, в частности комментариями, монографиями и другой учебно-методической и научной литературой.

Следует отметить, что положение ч. 3 ст. 10 Конституции РТ предусматривает, что в случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов. В дополнении к этому, все действующее законодательство, которое имеет отношение к правам человека, предусматривает порядок реализации международно-правовых актов. Также в постановлениях Пленума Верховного суда даны разъяснения судам касательно реализации международно-правовых актов во время рассмотрения судебных дел. В частности, были приняты постановления Пленума Верховного суда РТ от 2.10.2003 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за терроризм», от 22.12.2006 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел за незаконное пересечение государственной границы и нарушение режима государственной границы» (с изменениями и дополнениями от 23.06.2010 г.), от 25.06.2012 г. «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в борьбе против пыток».

Относительно п. 8 вышеназванного плана о рассмотрении и обсуждении вопроса об исключении смертной казни и утверждении Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах следует отметить, что 8.04.2010 г. в РТ была создана рабочая группа по анализу правовых и социальных основ существования смертной казни в системе национального законодательства. Рабочая группа была уполномочена рассмотреть возможности присоединения к протоколу и определить позицию Таджикистана относительно данного вопроса. Для решения данного вопроса были предложены разные варианты, основными из которых считаются: 1) утверждение протокола с учетом изменения уголовного законодательства в целях исключения смертной казни, за исключением преступлений, совершенных во

время военного положения или во время войны, 2) внесение изменений и дополнений в Конституцию РТ для присоединения к протоколу и аннулирования смертной казни.

Относительно рекомендаций комитета, связанных с вопросами проведения анализа законодательства, связанного с принудительным выдворением и установлением его соответствия со статьями 6 и 7 пакта, запрещения принудительного выдворения из территории РТ беженцев и лиц, ищущих убежище, обобщения практики относительно насильственного выдворения, возвращения и экстрадиции на основании дипломатических гарантий, и принятия мер по беспрекословному выполнению национального и международного законодательства, следует отметить, что с учетом текущей ситуации в регионе в особенности в Исламской Республике Афганистан (ИРА) и с целью защиты национальных интересов от угроз в современном мире, а также реализации постановления Правительства РТ от 26.07.2000 г., № 325, которое запрещает проживание беженцев и лиц, ищущих убежище, в городе Душанбе, центрах приграничных областей, городов и районов и важных стратегических центрах, соответствует цели статей пакта, ибо огромное количество беженцев и лиц, ищущих убежище в РТ, составляют граждане ИРА, а угроза экстремизма и терроризма наблюдается из этой страны.

Касательно выполнения п. 14.2 Плана об усовершенствовании Уголовно-процессуального кодекса в отношении непризнания фактов, которые были получены путем применения пыток, следует отметить, что этот вопрос урегулирован уголовным процессуальным законодательством. Согласно ч. 3 ст. 88 УПК РТ доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами, признаются недействительными и не могут являться основанием для обвинения, а также не применяются при доказывании обстоятельств, указанных в ст. 85 УПК РТ.

Касательно создания механизма предоставления жалоб был принят и действует постановление Пленума Верховного суда от 25.06.2012 г. «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию пыткам». В соответствии с п. 24 постановления судам предоставлено руководство относительно необходимости принятия предусмотренных законом мер в случае представления во время судебного процесса жалобы о применении пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, направленных на скорейшее их рассмотрение.

Если для проведения полноценной проверки жалобы возникнет необходимость принятия мер, которые не входят в компетенцию суда (проведения дознания или следствия и другое), то суд выносит определение, возлагающее проведение соответствующей проверки на прокурора с указанием срока предоставления суду материалов для проверки. Материал для проведения проверки

жалобы и принятые по нему процессуальные решения объявляются во время заседания суда и прилагаются к делу.

Механизм проверки жалобы со стороны сотрудников органов прокуратуры о применении пыток предусмотрен в гл. 4 научно-методического руководства «Правовые основы и организация деятельности органов прокуратуры по предотвращению, раскрытию, дознанию и расследованию пыток».

С целью проведения своевременной проверки заявлений и жалоб о применении пыток и устранения незаконного поведения во время дознания и следствия Министерством внутренних дел (МВД) РТ был организован «телефон доверия» в центральном здании и структурных подразделениях МВД РТ.

Относительно нормы ст. 88 УПК РТ каждые полгода проводятся проверки и анализ выполнения приказов Генерального прокурора РТ за № 20 от 14.11.2008 г. «Об усилении прокурорского надзора и беспрекословного соблюдения законности во время рассмотрения обращения граждан», за № 5-25 от 17.04.2013 г. «Об организации прокурорского надзора касательно тщательного соблюдения и единого выполнения законов органами дознания и предварительного следствия», и по их результатам принимаются соответствующие меры.

Если уполномоченные органы усердно и активно продолжают принимать участие в направлении реализации указанных рекомендаций Комитета ООН по права человека, можно надеяться на то, что до наступления срока следующего периодического отчета по Международному Пакту о гражданских и политических правах РТ выполнит все возложенные на него обязательства.

Рахмон Д. С.

Аннотация

Некоторые вопросы реализации рекомендаций Комитета ООН по правам человека в связи с рассмотрением второго национального периодического доклада Республики Таджикистан касательно применения Международного пакта о гражданских и политических правах

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы реализации рекомендаций Комитета ООН по правам человека в связи с рассмотрением второго национального периодического доклада РТ касательно применения Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор также предлагает некоторые пути решения проблем, связанных с этим вопросом.

Rahmon D. S.

Annotation

Some issues of implementation of the recommendations of the United Nations Committee on Human Rights concerning to the consideration of the second national periodic report of the Republic of Tajikistan on the application of the International Covenant on Civil and Political Rights

This article deals with some issues of implementation of the recommendations of the United Nations Committee on Human Rights concerning to the consideration of the second national periodic report of the Republic of Tajikistan on the application of the International Covenant on Civil and Political Rights. The author also offers some solutions of the problems related to this issue.

ПАВЛЕНКО Е. М. *

КУЛЬТУРА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ТИПОЛОГИИ

Ключевые слова: духовная культура, культура прав человека, элементы культуры прав человека, типы культуры прав человека, уровни культуры прав человека, права человека.

Keywords: intellectual culture, human rights culture, elements of human rights culture, types of human rights culture, levels of human rights culture, human rights.

В современных условиях реформирования государственности, политической и правовой системы в России преобразования затрагивают нормативную основу, правовые институты, правоприменительную практику реализации законодательства, соответственно происходят трансформации и в области духовной сферы, поднимающие в научных кругах дискуссию о необходимости формирования в обществе различных видов духовной культуры (правовой, политической, нравственной, художественной, религиозной и т. п.). Духовная культура предполагает деятельность, направленную на духовное развитие человека и общества, а также представляет итоги этой деятельности. Прежде всего она формирует личность – ее мировоззрение, взгляды, установки, ценностные ориентации. Благодаря духовной культуре, могут трансформироваться и передаваться знания, умения, навыки, идеи от индивида к индивиду, от поколения к поколению. Чрезвычайно важна преемственность в развитии духовной культуры. Пренебрежение общечеловеческими ценностями, ломка традиций, утрата культурного наследия, бездуховность – факторы, способствующие деградации общества, дестабилизации общественных структур.

К духовной культуре можно отнести и новую для юридической науки категорию – культуру прав человека.

Само понятие впервые появилось на страницах информационных материалов ООН в 1989 г., и до сегодняшнего дня в основном фигурировало в документах, посвященных образованию в области прав человека. Так, например, согласно ст. 4 Декларации ООН об образовании и подготовке в области прав человека от 19 декабря 2011 года в качестве важнейшей цели такого образова-

---

* заместитель заведующего кафедрой международного права и прав человека по науке юридического института Московского городского педагогического университета, к.ю.н., доцент

ния провозглашено «развитие универсальной культуры прав человека, при наличии которой каждый человек сознает свои права и обязанности по отношению к правам других...»¹.

Несмотря на активное использование данного термина в международной и национальной практике, культура прав человека до сих пор не была предметом комплексного исследования в науке, в отечественной юридической литературе нет специальных работ, посвященных определению сущности данного сложного общественного явления, его структуре, роли, проблемам становления и развития, поэтому анализ содержания данного понятия, выделение основных структурных элементов, функций представляют особый научный интерес.

Следует отметить, что к анализу содержания и сущности культуры прав человека, а также особенностей соотношения с правовой культурой и конституционным правосознанием автор настоящей статьи уже обращался в рамках подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России», которая была защищена в Диссертационном совете Волгоградской академии МВД России (специальность 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право) в 2006 г., а в 2008 г. в издательстве «Права человека» вышла в свет одноимённая монография².

Безусловно, существенное значение для изучения культуры прав человека имеют достижения отечественной науки в области аксиологии права, теоретического обоснования концепции правовой культуры и ее элементов, исследований в области теории и истории права, конституционного права и современной теории прав человека. Особое значение имеют работы зарубежных авторов: Л. Ш. Белла, Т. П. Гербера, Р. Голдстоуна, И. Дана, С. Е. Мендельсона, А. Михр, Э. С. Насурдинова, Э. Д. Натана, М. Новицкого, Дж. Саъдизода, Дж. Саркина, И. Фалека, Ф. Франциони, Л. М. Фридмана, М. Шейнина и других.

Необходимо отметить, что попытки обратиться к понятию и содержанию культуры прав человека осуществлялись неоднократно различными исследователями в сфере образования в области прав человека, правозащитниками, представителями неправительственных организаций. Ярким примером служит обсуждение этого вопроса в интернете (январь – февраль 2003 г.) в рамках глобального списка рассылки по образованию в области прав человека под эгидой Ассоциации образования в области прав человека (Нидерланды – США)³, в ко-

---

¹ Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека // Документы ООН A/RES/66/137 от 19 декабря 2011 г.

² Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. – М.: Права человека, 2008; Диноршоев А. М., Павленко Е. М. Влияние международных стандартов на формирование института прав и свобод человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4.

³ Online Discussion of January and February 2003 on a Culture of Human Rights. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrea.org/lists/hr-education/markup/msg01188.html> (дата обращения: 15.12.2015г.).

тором приняли участие представители из пятнадцати стран мира. В рамках данного списка участники не только обсуждали, какое определение дать культуре прав человека, но и описали условия своего собственного культурного контекста восприятия данного понятия.

Дискуссия началась сообщением Кевина Чина, специалиста Канадского Фонда по правам человека, который справедливо отметил, что в то время как термин «культура прав человека» используется во всем правозащитном сообществе, его формального определения нет. Гозде Авчи из франко-турецкой неправительственной организации EDUCAIDE также отметил гибкий характер термина и потребность тщательно его определить, исходя из термина «культура» вообще: «Культура прав человека может быть воспринята по-разному, поскольку существуют разные страны, и в них живут разные люди. Это может быть история или ценности, методы или законы, привычки и т. д...».

Все авторы, участвующие в данной дискуссии, в основном обращали внимание лишь на некоторые аспекты понятия «культура прав человека»: на ценностный аспект, практическую составляющую и т. д. Так, например, Джони Макиварта (международный колледж Дулвич, Бангкок) подчеркнул: «Изучение культуры прав человека является суждением о ценностях не в большей степени, чем изучение чего-то еще...». Фаттен Аззам (представительство Фонда Форда на Ближнем Востоке и в Северной Африке) утверждал: «Важное и, возможно, критически важное положение заключается в том, что индивидуумы и сообщества должны иметь возможность знать свои права, чтобы требовать их соблюдения, и это, я думаю, входит в построение культуры прав человека». Хаулей Толл из Мавритании заявил, что культура прав человека для него «означает лишь практику прав человека и образование». А для Суламифь Коенинг из Народного движения за образование в области прав человека культура прав человека «является образом жизни, направляемым рамками прав человека». Итак, были высказаны различные точки зрения, среди которых, например, и такая от Фироуз Манжи (Фахаму, Соединенное Королевство / Южная Африка): ««Культура прав человека» – бессмысленный термин. Культура уважения прав человека – то, что мы должны стремиться строить и что, конечно, не нуждается в определении»; безусловно, автор подходит к определению данной категории только с одной стороны, с точки зрения ценностной составляющей, и это заблуждение.

Так или иначе, все участники данного обсуждения убеждены в необходимости формирования культуры прав человека у населения всей Планеты, как пишет Донна Хабша из Университета Виндзора (Канада), «культура прав человека стремится содействовать высокому уровню сознания и сострадания к неотчуждаемым правам всех существ. Такое растущее сознание в пределах сообществ по всему миру сформирует универсальную призму, через которую мы сможем сообщать наши юридические, политические и моральные решения». А Кристина Сганга из Международной Амнистии (Нидерланды) утверждает, что права человека могут действовать как сила, объединяющая несоизмеримые

культуры, называя права человека «общим знаменателем, который объединяет нас всех в достоинстве, обеспечивая при этом наше разнообразие».

Однако высказывания участников и подходы к определению трудно назвать научными в академическом смысле, скорее это обыденный взгляд на проблему. В то же время понятие и содержание «культуры прав человека» требуют именно научного подхода, так как по сути это очень сложное и комплексное явление.

Как и многие другие исследователи, профессор Фордхемского университета (США), член Совета международной неправительственной организации Human Rights Watch Ричард Голдстоун отмечает важную роль, которую играет просвещение в области прав человека в развитии культуры прав человека общества и отдельного индивида: «Образованию в области прав человека отводится центральная и ключевая роль в становлении культуры прав человека. Культура прав человека – система взглядов людей на окружающий мир сквозь призму толерантного отношения друг к другу, которое является естественным источником, присущим человеку и проявляющимся изначально в отношении к близким, а также знаний, которые способствуют формированию таких взглядов»⁴.

А молодой ученый из университета Магдебурга (Германия), директор исследовательского проекта «Преподавание прав человека в Европе» Аня Михр определяет культуру прав человека через общую категорию «культура». В одной из своих работ она пишет: «Культура понимается как совокупность усвоенных личностью ценностей и значений, носителями которых являются народы и общества, утверждающие определенный образ жизни. Она проявляется в том числе в нормах, способствующих развитию учреждений и трансформации общества в соответствии с ней. В контексте образования в области прав человека это означает, что универсальные нормы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, являются базой для международных и внутренних документов юридического и политического характера. Для того чтобы иметь «живую» культуру прав человека, ценности, закрепленные в этих документах, должны уважаться и поощряться. К таким ценностям относятся, например, уважение к конституции, независимость судов, политическое участие, а также ориентация образовательной системы на осуществление вопросов прав человека через все формальные и неформальные системы. О действительной культуре прав человека можно говорить в том случае, если достигаются цели образования в области прав человека»⁵.

Таким образом, и Р. Голдстоун, и А. Михр являются сторонниками узкого подхода к понятию культуры прав человека, пытаются определить его содержание лишь через ценностные и когнитивные составляющие.

---

⁴ Goldstone R. The Role of Education in Developing a Culture of Human Rights. Fordham, 2004.

⁵ Mihr A. Human Rights Education: Methods, Institutions, Culture and Evaluation. Magdeburg, 2004.

Полагаем, что определять категорию культуры прав человека целесообразно, исходя из аксиологического подхода к культуре в целом, следующим образом: культура прав человека – это составная часть духовной культуры, представляющая собой систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, эмоций и чувств, основанных на признании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите.

Уникальность культуры прав человека заключается в тесной связи ее основных частей. В качестве таких элементов или признаков данной категории можно выделить: знания, мировоззренческие установки или взгляды, эмоции и чувства, навыки и умения, находящиеся в системном взаимодействии. Другими словами, при разработке понятия «культура прав человека» необходимо обратить внимание на несколько важнейших аспектов: рациональный, аксиологический, психологический и прагматический.

Необходимо рассмотреть структурные элементы культуры прав человека более подробно.

Во-первых, знания. Осведомленность человека о своих правах и обязанностях, безусловно, важнейший элемент культуры прав человека как общества в целом, так и каждого индивида. Знание – проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в сознании человека. Знания приобретаются на основе сравнения полученной информации, поэтому недостаточно получить сведения и иметь доступ к какой-либо конкретной информации о правах и свободах человека, необходимо чтобы был практический опыт познания и осмысления часто длительный по времени. По словам исследователя А. А. Требкова, «главной целью обучения должно стать формирование всеобщей культуры прав человека, в основе которой – ознакомление прежде всего с содержанием международных стандартов по правам человека»⁶. Однако нельзя знать только содержание международных документов в области прав человека, необходимо вообще иметь представление о понятии и сущности категории «права человека», ее генезисе, об историко-философских взглядах и подходах, о структуре и классификации, об универсальных и национальных механизмах реализации и защиты прав и свобод.

Безусловно, отдельный человек не в состоянии усвоить весь объем информации, накопленный различными гуманитарными науками, то есть всю систему знаний о позитивно значимых ценностях бытия индивида, групп, государства, человечества в целом, и ненаучными видами знаний. Однако применительно к индивидуальному уровню культуры прав человека речь идет о таком объеме информации в сфере прав человека, который в сокращенно-концентрированной форме актуализирован и доступен усвоению. Общественный уровень культуры прав человека предполагает наличие совокупного исто-

---

⁶ Требков А. А. Знать международные стандарты прав человека // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 143.

рического объема информации в данной сфере, полученного в процессе изучения человека, общества, общественных ценностей.

В процессе передачи и усвоения определенного комплекса знаний в той или иной сфере формируется, прежде всего, уровень интеллектуального развития отдельного индивида, социальной группы, общества в целом. Чем солиднее запас знаний у человека, тем более серьезную опору получает его мировоззрение. В свою очередь, в зависимости от вида знаний (научные, профессиональные, повседневно-практические) мировоззрение подразделяется на научное, профессиональное и обыденное.

Таким образом, знания – определяющий элемент любого вида духовной культуры: художественной, религиозной, политической, правовой и других, в том числе и культуры прав человека. При этом знание человеком своих прав и свобод – важнейший рациональный компонент не только культуры прав человека, но и таких явлений правовой действительности, как правовая культура и правосознание, определяющий сложный характер их взаимодействия.

Как абсолютно верно отмечает Е. А. Лукашева, знания «ставят целью не только воспитывать людей, формировать правильные представления о правах человека как необходимом условии его свободы и равенства, но и создавать правовое общество, в котором права человека являются священными и неотъемлемыми, а уважение и защита прав человека – важнейшим свойством всего уклада государственной и общественной жизни»⁷. Именно поэтому указанная выше Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека в ч. 1 ст. 1 провозглашает: «Каждый человек имеет право знать, запрашивать и получать информацию обо всех правах человека и основных свободах и должен иметь доступ к образованию и подготовке в области прав человека»⁸.

Во-вторых, ценностные ориентации. Особую роль в прогрессе культуры прав человека в обществе играет развитие моральных ценностей, убеждений, отстаивающих права и свободы, а также формирование у человека соответствующих мировоззренческих установок и отношения к процессам общественного развития⁹.

Ценности выражают убеждения и предпочтения, которые не покоятся на эмпирической основе. Ценности, в отличие от знаний, не подлежат логической, эмпирической проверке и обоснованию. Они представляют собой некие интеллектуально и эмоционально воспринимаемые данности, которые побуждают субъектов к их сохранению, к обладанию ими и деятельности на их основе, по-

---

⁷ Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2001. – С. 11; Диноршоев А. М. Права человека. – Душанбе, 2010.

⁸ Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека // Документы ООН A/RES/66/137 от 19 декабря 2011 г.

⁹ Насурдинов Э. С. Правовая культура. – М., 2014. – С. 176; Насурдинов Э. С. Правовая политика в сфере прав человека и ее роль в совершенствовании правовой культуры граждан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. – № 3/3 (136). – С. 82–86; Насурдинов Э. С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (издание РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43). С. 40–45; Диноршоев А. М. Права человека. – Душанбе, 2010.

скольку воспринимаются как разнообразные блага. Как философская категория ценность – это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым из всего и во имя чего проживается жизнь, то, чего человек хочет ради себя самого, а не ради чего-то другого. Ценность выступает как цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, а не ради чисто материального интереса, выгоды или чувственного удовольствия¹⁰.

Как подчеркивает Э. Агацци, «каждое человеческое действие связано с некоторой «идеальной моделью», с тем «как должно быть»¹¹, человек постоянно соотносит свои действия с идеальными образцами и тем самым устремляется к этим образцам, его поведение всегда является ценностно-ориентированным.

Важное значение имеет и классификация социальных ценностей по субъектам на индивидуальные, групповые и общечеловеческие. Индивидуальные (личные) ценности – ценностная значимость предмета, явления, идеи для конкретного человека. Они определяются склонностями, вкусами, уровнем знаний, привычками и другими индивидуальными особенностями человека. Групповые ценности – ценностная значимость предметов и явлений, идей для каких-либо общностей людей. Они имеют большое значение для жизнедеятельности социальных групп, сплачивая входящих в них индивидов едиными ценностными ориентациями. Общечеловеческие (общенародные) ценности – ценностная значимость предметов, явлений, идей для данного общества или в целом для мирового сообщества. Применительно к данной классификации права и свободы человека универсальны, могут быть и являются индивидуальной ценностью как субъективные права, групповой ценностью и, безусловно, ценностью для всего мирового сообщества. В иерархии всех материальных, духовных, социально-политических ценностей права и свободы занимают высшее положение наряду с такими ценностями, как мир, жизнь человечества, справедливость и многие другие.

Признание высшей ценностью прав и свобод человека является большим достижением цивилизации. Как совершенно справедливо писал Ф. М. Рудинский, «культура прав человека, будучи составной частью общечеловеческой духовной культуры, включает все богатства современной цивилизации: ценности европейской, мусульманской, индийской, китайской и других человеческих культур и традиции... Центром культуры прав человека является учение о достоинстве человека и его правах»¹².

Новое тысячелетие требует от людей утверждения нового образа мыслей, новой структуры ценностей, изменения сознания и мировоззрения. Плодотворное взаимодействие национальных культур, их сближение, объединение наро-

---

¹⁰ Философия права / под ред. О.Г. Данильяна. – М., 2005. – С. 256.

¹¹ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 26.

¹² Рудинский Ф. М. Формирование культуры прав человека и духовное обновление общества (из неопубликованного) / Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М.: ЗАО «ТФ «МИР»», 2006. – С. 189.

дов перед лицом глобальных опасностей возможны только на основе базовых ценностей, которые имманентно присущи всем культурам: моральных норм ценности человеческой жизни и достоинства, равенства и уважения прав человека, взаимопонимания, признания многоцветности и многомерности мира, отказа от насилия и т. п. Перефразируя слова А. Н. Аринина, до тех пор, пока культура прав человека в российском обществе не вырастет до необходимого уровня, пока идея прав и свобод человека не станет нравственной потребностью каждой личности, национальной идеей, способной объединить все общество, подвигнуть его на новое правовое, политическое, социальное, экономическое и культурное созидание, не будут реализованы на практике процедуры и институты обеспечения прав и свобод человека¹³.

В-третьих, эмоциональный элемент. Чувства как элемент культуры прав человека также имеют важнейшее значение. Переживание, осознание, осмысление прав и свобод существенным образом влияют на выработку ценностно-мировоззренческой ориентации личности и на регуляцию поведения людей в обществе. То есть процесс познания и формирования мировоззренческих установок, взглядов, убеждений невозможен без психологических моментов. Эмоции – это субъективная реакция человека на воздействие внутренних и внешних раздражений, проявляющихся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д. Жизнь постоянно рождает в людях сложную гамму эмоций. Среди них могут быть отрицательные эмоции: неуверенность, бессилие, печаль, горе и т. д. Вместе с тем людям присущ целый спектр положительных эмоций: радость, счастье, гармония, удовлетворенность жизнью и другие. Мощный импульс мировоззренческим установкам дают нравственные эмоции: стыд, совесть, долг, милосердие.

Переживания и эмоции отрицательного характера, неразвитость чувств могут вызвать нигилистическое отношение к правам и свободам, неверие в идеи прав человека, ненасилия, культуры мира, поэтому, не отрицая огромного значения познавательной стороны культуры прав человека, нельзя сводить к ней всю систему культуры прав человека. Сам процесс реализации прав и свобод и тем более степень активности личности в этом процессе в значительной мере зависят от того, насколько они осознаются и оцениваются личностью.

В-четвертых, навыки и умения. О культуре прав отдельного человека можно говорить постольку, поскольку он знает, понимает, осмысливает, оценивает свои права и свободы, а также реально пользуется ими в практической деятельности, поэтому в процессе формирования культуры прав человека важнейшую роль играет наличие практической составляющей, опыта – умений и навыков по защите и восстановлению нарушенных прав и свобод. Безусловно, этот элемент имеет существенное значение в формировании культуры прав человека как отдельных социальных групп, так и в обществе в целом.

---

¹³ Права и свободы человека в программных документах политических партий и объединений России. XX век / Под ред. акад. РАЕН А.Н. Аринина. – М., 2002. – С. 17.

Только просвещенный человек может осуществить свои права, а также защитить и восстановить нарушенные права и свободы других лиц. Обладая достаточным уровнем знаний и практическими навыками, человек может задействовать весь потенциал механизмов защиты прав на национальном уровне. А в случае необходимости и исчерпания внутригосударственных средств защиты – обратиться к международным универсальным или региональным механизмам. Кроме того, в процессе освоения культуры прав человека вырабатываются навыки конструктивного сотрудничества.

Следует также учитывать многогранный и многоуровневый характер культуры прав человека. Целесообразно подразделить ее по субъектам на следующие типы: 1) культуру прав человека общества в целом; 2) культуру прав человека отдельных социальных групп; 3) индивидуальную культуру прав человека конкретной личности. При этом каждый из указанных типов культуры прав человека представлен совокупностью всех вышеперечисленных элементов.

Так, культура прав человека конкретного общества – это показатель развития его духовной сферы. Она характеризуется состоянием просвещенности населения в сфере теории и практики прав и свобод человека, наличием признанных и одобренных обществом гуманистических ценностей, а также моделей поведения людей, выработанных в обществе навыков решения конфликтов на основе толерантности, диалога и т. п.

Безусловно, культура прав человека конкретного общества может содержать как общие, особенные, так и единичные признаки. В современном мире нет обществ, общностей и народов с однообразным подходом к проблематике прав и свобод. Будучи в целом универсальными, права человека по-разному вписываются в различные культурные контексты и системы ценностей, взаимозависимость и иерархия прав человека также понимается различно.

Культура прав человека отдельных социальных групп требует особого детального исследования. Под социальной группой понимают относительно устойчивые совокупности людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества. В каждой группе воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и с обществом в целом, различного характера этих связей соответствует многообразие социальных групп.

Многообразие элементов, образующих социальную структуру современного российского общества, позволяет говорить о ее сложности и сравнительной динамичности. Так, различают большие, средние и малые социальные группы. Большие социальные группы – это совокупности людей, существующие в масштабах общества (страны) в целом: классы, социальные слои, профессиональные группы, этнические общности (нация, народность, племя), возрастные группы (молодежь, пенсионеры) и т. п. Другой вид социальных групп образуют малые группы – семья, соседские общности, дружеские компании, школьный класс и другие. Производственные объединения работников одного

предприятия и территориальной общности (жители одной деревни, города, района) можно назвать средними (или локальными) группами.

Различные социальные группы не образуют строгой иерархии, но взаимно влияют друг на друга. Каждая социальная группа характеризуется определенным уровнем знаний, представлений о правах и свободах человека, отношением к данной проблематике, особыми мировоззренческими установками и наличием навыков практической реализации и защиты собственных прав, в том числе коллективных. Формирование культуры прав человека отдельных социальных групп является показателем определенного уровня культуры прав человека общества в целом.

Культура прав человека отдельно взятой личности – это часть культуры социальной общности и общества, зависящая от конкретного жизненного опыта индивида и уровня его образования. Как уже было сказано выше, она характеризуется состоянием просвещенности человека в сфере теории и практики прав и свобод человека, наличием специфических знаний и навыков, ценностных установок и эмоциональных переживаний, направленных на уважение достоинства, прав и свобод каждого человека.

Наивысшей формой в идеале является культура прав человека всего человеческого общества (населения земного шара), которая может сформироваться под влиянием повсеместного утверждения общечеловеческих ценностей, выраженных в идее гуманизма и закрепленных в стандартах прав человека, и к воплощению которой должно стремиться все современное международное сообщество. Однако в современных условиях массовых грубейших нарушений прав человека, особенно в ситуациях международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера, при которых обесценивается человеческая жизнь, все чаще звучат заявления экспертов о нивелировании ценности прав человека, и ставится под сомнение сама возможность формирования универсальной культуры прав человека. Именно поэтому следует учесть тот факт, что наоборот, как раз права человека – важнейшая межкультурная ценность, которая имеет сильное объединяющее начало. Как справедливо отмечает Е. А. Лукашёва, безусловно, в настоящее время «трудно прогнозировать возможность формирования единой общечеловеческой цивилизации. Главная задача – уважать иное мироустройство, если даже оно противоречит нашим убеждениям, не пытаться изменить его путем насильственного насаждения демократии, собственных стандартов прав человека, представлений о должных взаимоотношениях людей в обществе»¹⁴.

Рассматривая категорию «культура прав человека», необходимо обратить внимание на следующие ее уровни: обыденный, профессиональный и теоретический, которые формируются в процессе просвещения в области прав человека и социализации.

---

¹⁴ Лукашёва Е. А. Права человека в контексте конфликта культур. // Вестник Российской академии наук, 2007. – том 77. – № 2. – С. 120.

Обыденный уровень культуры прав человека обычно характеризуется отсутствием глубоких обобщений. В современном мире практически все люди имеют определенные знания или отношение к проблематике прав человека, могут высказать суждения в данной сфере, сталкивались с нарушениями и имеют опыт защиты собственных прав и свобод. Именно обыденный уровень культуры прав человека чаще других подвержен влиянию разрушительных идей национализма, нетерпимости, ксенофобии и других антиподов культуры прав человека.

Профессиональный уровень культуры прав человека более высокого порядка. Обычно он характерен для лиц, профессионально занимающихся формальным и неформальным образованием в области прав человека, правозащитников, юристов. Профессиональным уровнем культуры прав человека в идеале должны обладать все без исключения государственные чиновники и муниципальные служащие.

Теоретический уровень культуры прав человека характерен для ученых-теоретиков и исследователей-практиков, работников научно-исследовательских и учебных центров, занимающихся научной разработкой различных аспектов и положений современной теории прав человека.

Таким образом, культура прав человека многогранна, состоит из множества пластов. Как уже было сказано выше, с одной стороны, она представляет собой составную часть духовной культуры, а с другой стороны, пронизывает абсолютно все другие ее части (правовую, политическую, нравственную, художественную, религиозную), отражая в них понятие «права человека». Высокий уровень культуры прав человека представляет собой важнейшую гарантию реализации прав и свобод человека и гражданина, поэтому научная разработка и теоретическое обоснование концепции культуры прав человека в современном российском обществе, ее теоретико-правовых основ и специфики исторической эволюции составных элементов, особенностей становления и формирования в современной России имеют особое теоретико-методологическое и практическое значение.

Литература:

1. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. – 1989. – № 2.
2. Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека // Документы ООН A/RES/66/137 от 19 декабря 2011 г., приложение.
3. Диноршоев А. М. Права человека. – Душанбе, 2010.
4. Диноршоев А. М., Павленко Е. М. Влияние международных стандартов на формирование института прав и свобод человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан. Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4.
5. Лукашёва Е. А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук, 2007. – том 77. – № 2.

6. Насурдинов Э. С. Правовая культура. – М., 2014.
7. Насурдинов Э. С. Правовая политика в сфере прав человека и ее роль в совершенствовании правовой культуры граждан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. – № 3/3 (136).
8. Насурдинов Э. С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (Издание РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43).
9. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. – М.: Права человека, 2008.
10. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2001.
11. Права и свободы человека в программных документах политических партий и объединений России. XX век / под ред. акад. РАЕН А.Н. Аринина. – М., 2002.
12. Рудинский Ф. М. Формирование культуры прав человека и духовное обновление общества (из неопубликованного) / Наука прав человека и проблемы конституционного права. – М.: ЗАО «ТФ «МИР», 2006.
13. Требков А. А. Знать международные стандарты прав человека // Государство и право. – 1993. – № 10.
14. Философия права / под ред. О.Г. Данильяна. – М., 2005.
15. Online Discussion of January and February 2003 on a Culture of Human Rights. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrea.org/lists/hr-education/markup/msg01188.html> (дата обращения: 15.12.2015).
16. Goldstone R. The Role of Education in Developing a Culture of Human Rights. – Fordham, 2004.
17. Mihr A. Human Rights Education: Methods, Institutions, Culture and Evaluation. – Magdeburg, 2004.

Павленко Е. М.

Аннотация

Культура прав человека: понятие, особенности структуры и типологии

Статья посвящена разработке новой для юридической науки категории «культура прав человека». Автор раскрывает содержание, специфику структурных элементов культуры прав человека, рассматривает ее типы и уровни, определяя значение данного явления, приходит к выводу о том, что культура прав человека представляет собой важнейшую гарантию реализации прав и свобод человека и гражданина.

Annotation

The culture of human rights: concept, features of the structure and typology

The article deals with the development of the new jurisprudence category «culture of human rights». The author opens the content and specificity of structural elements of the culture of human rights, considers its types and levels, defining the value of this phenomenon, comes to the conclusion that the culture of human rights is the most important guarantee of the realization of the rights and freedoms of the person and citizen.

БАБАДЖАНОВ И. Х. *

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ (ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

Ключевые слова: право на жизнь, медицинские эксперименты, биомедицинские исследования, медицинская помощь, этико-правовые принципы.

Keywords: right to life, medical experiments, biomedical researches, health care, ethical and legal principles.

Современный интерес к этико-правовым аспектам биомедицинских исследований с участием человека обусловлен целым рядом причин. Сегодня резко меняются их масштабы, диапазон задач и практика проведения. В последнее время биомедицинские исследования становятся чрезвычайно важными, необходимыми и экономически востребованными. Появляются новые лекарственные препараты, технологии, приборы медицинского назначения и диагностические процедуры. Причем, если раньше защита прав испытуемых при разработке лекарств, процедур, методов лечения или диагностики рассматривалась как защита целостной личности (индивидуума), то теперь уже стало очевидным, что уважение к правам исследуемого подразумевает уважение как к биологическому материалу, так и к персональным данным. Все чаще проявляется беспокойство широких слоев общественности о возможных социальных, психологических и материальных последствиях полученной в этих исследованиях информации¹⁵.

Развитие медицины в настоящее время характеризуется необходимостью проведения исследований с участием человека в качестве подопытного. Необ-

---

* Председатель МКАС при ТПП РТ, д.ю.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин 2-го факультета Академии МВД РТ

¹⁵ Этическая экспертиза биомедицинских исследований: практические рекомендации. Первое издание. // Под общ. ред. член-корр. РАМН, проф. Ю.Б. Белоусова. – М., 2005. – С. 3.

ходимость рассмотрения правовых проблем, возникающих при проведении медицинских экспериментов, в контексте права человека на жизнь связана с тем обстоятельством, что при осуществлении эксперимента непосредственно затрагиваются частные проявления данного права – неприкосновенность жизни, распоряжение жизнью, автономия человека, его достоинство. Основная задача регулирования медицинских экспериментов на людях – попытка минимизации риска неблагоприятного воздействия на организм человека факторов эксперимента и обеспечение определенных гарантий защиты организма человека от вредных последствий.

Представляется необходимым более детально остановиться на освещении условий правомерности медицинских экспериментов, с учетом которых, как представляется, необходимо конструировать правовые нормы и создавать юридические акты по данной проблеме. Приняв за основу положение о том, что сегодня медицина не может полноценно развиваться без поиска новых методов лечения, диагностики и профилактики, которые, в свою очередь, зачастую сопровождаются необходимостью проведения медицинских экспериментов, задачей правовой регламентации при этом, как представляется, должно стать создание четких, продуманных, в перспективе законодательно закрепленных условий правомерности проведения подобных экспериментов. М. Квачадзе справедливо утверждает, что правовая регламентация медицинских экспериментов «не означает, что закон должен регулировать все вопросы проведения биомедицинских исследований, он, собственно, и не может этого сделать, но законодатель должен четко очертить грани, когда и как часто, до каких пределов и с какой степенью риска возможно такое экспериментирование»¹⁶. Важно учитывать две основные составляющие: во-первых, конечно, соблюдение прав и законных интересов и прежде всего права на жизнь испытуемых и, во-вторых, необходимость прогрессивного развития новых медицинских технологий. Ведь в конечном итоге право человека на получение качественной медицинской помощи базируется в том числе на необходимости развития и поиска новых методов лечения и профилактики заболеваний. Мировая практика свидетельствует, что проблемы регламентации экспериментирования в медицине имеют много общего вне зависимости от социально-экономических и политических предпосылок. Например, в США каждый третий пациент больниц становится участником какого-нибудь испытания¹⁷, поэтому все чаще и настойчивее в этой связи заходит речь о выработке глобальных критериев в отношении экспериментирования на человеке, которые могли бы быть сведены в единые кодексы, имеющие мировое значение¹⁸.

---

¹⁶ Квачадзе М. О. Вопросы защиты прав человека в современной медицине (международно-правовые и внутригосударственно-правовые аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Тбилиси, 1999. – С. 53.

¹⁷ Власов В. В., Гриценко В. Р., Зайцева И. А. и др. Ваши права при получении медицинской помощи. – М.: «Триумф», 1999. – С. 60.

¹⁸ Медицинская этика и деонтология / под ред. Г.В. Морозова и Г.И. Царегородцева. – М.: Медицина, 1983. – С. 24.

Условия правомерности медицинского эксперимента с участием человека можно определить следующим образом: Во-первых, проведение медицинского эксперимента осуществляется исключительно в интересах пациента и медицинской науки для достижения общественно полезного результата. Во-вторых, корыстный или иной личный интерес медицинского работника, действующего не во благо пациента, а ради достижения собственных целей, является основанием для признания такого деяния преступлением, а следовательно, основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. В-третьих, медицинский эксперимент допускается только с добровольного согласия пациента. В-четвертых, проведение медицинского эксперимента должно быть обусловлено отсутствием иных возможностей для излечения больного, когда все необходимые и достаточные медицинские меры не привели к достижению нужного результата. В-пятых, превышением пределов профессионального медицинского риска признается вред, причиненный жизни или здоровью пациента вследствие проведения медицинского эксперимента, если был причинен вред более значительный, чем вред от болезни пациента, либо если эксперимент заведомо был сопряжен с угрозой для жизни или здоровья пациента.

Актуальность данной проблемы подтверждается принятыми Советом Европы международными конвенциями «О защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины» и «О правах человека и биомедицине» (ETS № 164) (г. Овьедо, 4.04.1997 г.). Признавая важность расширения публичной дискуссии по проблемам, возникающим в связи с применением достижений биологии и медицины при осуществлении экспериментов с участием человека, необходимо выработать гарантии защиты человеческого достоинства и основных прав и свобод личности¹⁹.

Основные этические и правовые принципы, регламентирующие порядок проведения клинических исследований, были сформулированы в Хельсинкской декларации Всемирной ассоциации врачей, принятой 18-й Генеральной ассамблеей Всемирной ассоциации врачей в июне 1964 г. (Внесены поправки: 29-й сессией Генеральной ассамблеи ВМА в Токио в октябре 1973 г.; 35-й сессией Генеральной ассамблеи ВМА в Венеции, Италия, в октябре 1983 г.; 41-й сессией Генеральной ассамблеи ВМА в Гонконге в сентябре 1989 г.; 48-й сессией Генеральной ассамблеи ВМА в Сомерсете – Уэст, ЮАР, в октябре 1996 г. и 52-й сессией Генеральной ассамблеи ВМА в Эдинбурге, Шотландия, в октябре 2000 г.) Она содержит оговорку, согласно которой выполнение приведенных в ней рекомендаций не освобождает врача от уголовной, гражданской и этической ответственности, наступающей в соответствии с законодательством и культурными традициями его страны, поскольку документ носит рекомендательный характер и предполагает в процессе осуществления биомедицинских исследований и экспериментов на человеке учет правовых основ и этических

---

¹⁹ Цокуева И. М. Правовые проблемы медицинского эксперимента с участием человека // Законодательство. – 2008. – № 4. – С. 34.

норм конкретного государства. Согласно Хельсинкской декларации биомедицинские исследования на людях должны осуществляться в соответствии с общепринятыми научными принципами и базироваться на результатах надлежащим образом выполненных экспериментов на животных и данных научной литературы. Выполнение этого требования придает исследованиям и экспериментам на человеке научную обоснованность, что, в свою очередь, должно способствовать минимизации возможных нежелательных последствий для испытуемого в ходе таких исследований и в будущем.

Цель и методы проведения любого эксперимента на человеке должны быть ясно изложены в специальном протоколе, рассмотрены независимым, т. е. не связанным ни с исследователем, ни с финансирующей данное исследование структурой, например, этическим комитетом, если создание такового предусмотрено законодательством конкретного государства.

Указанные биомедицинские исследования должны проводиться квалифицированными врачами-исследователями. Ответственность за состояние здоровья испытуемых возлагается на врача и не может быть переложена на самих испытуемых, хотя последние и дали добровольное согласие на участие в эксперименте.

В рассматриваемом документе говорится также о необходимости строго соблюдать право испытуемого на физическую и психическую целостность (неприкосновенность) личности. Исследователь или экспериментатор должны предпринять все меры предосторожности для обеспечения сохранности индивидуальности испытуемого и сведения к минимуму отрицательных последствий эксперимента для его физического и психического здоровья. Интересы испытуемого всегда должны превалировать над интересами науки и общества. Испытуемый должен быть проинформирован о целях, методах, потенциальной пользе и возможном риске эксперимента, а также возможных неприятных ощущениях. Испытуемый должен знать, что он имеет право отказаться от участия в эксперименте до его начала или в любой момент прервать его. Обязательным условием участия каждого испытуемого в эксперименте является его добровольное и осознанное согласие желательное в письменной форме.

Помимо этого, потенциальный испытуемый не должен находиться в зависимости от экспериментатора или подвергаться давлению. Если недееспособность (физическая или психическая неполноценность, а также факт несовершеннолетия) испытуемого признана законом, осознанное информированное согласие на участие такого лица в эксперименте должен дать его законный представитель. Если несовершеннолетний ребенок способен дать собственное согласие, им следует подкрепить разрешение законного представителя.

Проведение клинических исследований имеет свои особенности. В Хельсинкской декларации содержатся рекомендации, согласно которым врач в процессе лечения должен иметь право и возможность использовать новые диагностические и лечебные методы, если, по его оценке, они дают надежду на спасение жизни, восстановление здоровья или облегчение страданий. При этом по-

тенциальную пользу, риск и неудобства, сопряженные с использованием нового метода, следует сопоставить с аналогичными параметрами наилучших общепринятых методов диагностики и лечения, существующих на момент исследования. Врач может сочетать медицинские исследования с целью приобретения новых медицинских знаний с лечебной помощью лишь в той мере, в какой эти исследования предполагают лечебную или диагностическую пользу для пациента.

При проведении неклинических медико-биологических исследований на людях в чисто научных целях долг врача – быть защитником жизни и здоровья испытуемого. Испытуемыми могут быть здоровые добровольцы, либо согласившиеся на эксперимент лица, страдающие каким-либо заболеванием, характер которого не имеет отношения к сути эксперимента. Исследователь или исследовательская группа обязаны прекратить эксперимент, если, по их мнению, его продолжение чревато опасностью для испытуемого. В исследованиях на людях интересы науки и общества не должны преобладать над соображениями благополучия испытуемого.

Изложенные в Хельсинкской декларации принципы являются лишь рекомендательными положениями, однако значение данного документа для современного права трудно переоценить. Любая страна, компания-производитель, ученый-медик должны проводить исследования в соответствии с этими правилами, если они хотят, чтобы их результаты были приняты международным сообществом. Именно Хельсинкская декларация Всемирной ассоциации врачей легла в основу всех последующих законодательных актов, определяющих права человека и этические обязательства, которые принимают на себя врачи при проведении клинических исследований.

Другим важнейшим документом в рассматриваемой области является Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) 1996 г. По своей юридической силе Конвенция превосходит Хельсинкскую декларацию, поскольку содержит не рекомендательные, а общеобязательные нормы, действие которых распространяется на государства, ее подписавшие и ратифицировавшие. Нормы, заложенные в Конвенции, имеют не только силу морального призыва – каждое государство, присоединившееся к ней, берет на себя обязательство воплотить «основные ее положения в национальном законодательстве» (ст. 1). Записанные в Конвенции положения защищают достоинство и индивидуальную целостность человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение неприкосновенности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины, в том числе в области трансплантологии, генетики, психиатрии и др.

Согласно пятой главе данного документа исследования на людях проводятся только при соблюдении следующих условий:

- не существует альтернативных методов исследования, сопоставимых по своей эффективности;

- риск, которому может быть подвергнут испытуемый, не превышает потенциальной выгоды от проведения данного исследования;
- проект предлагаемого исследования был утвержден компетентным органом после проведения независимой экспертизы научной обоснованности проведения данного исследования, включая важность его цели, и многостороннего рассмотрения его приемлемости с этической точки зрения;
- лицо, выступающее в качестве испытуемого, проинформировано об имеющихся у него правах и гарантиях, предусмотренных законом;
- получено письменное информированное согласие на проведение эксперимента, которое может быть беспрепятственно отозвано в любой момент.

Эксперименты на человеке носят вынужденный характер. В связи с этим в Конвенции подчеркивается, что к подобным экспериментам можно прибегнуть лишь тогда, когда отсутствуют альтернативные методы исследования человека, которые были бы сопоставимы по своей эффективности. Риск, которому может быть подвергнут человек, не должен быть чрезмерным по сравнению с потенциальными выгодами от исследований. Лицо, ставшее объектом исследования, должно быть осведомлено о своих правах и гарантиях, предусмотренных законом для его защиты. При этом необходимое согласие испытуемого должно быть дано непосредственно, конкретно и в письменной форме. Такое согласие испытуемый может беспрепятственно отозвать в любой момент. В конвенции особо оговорены меры защиты лиц, не способных дать юридически значимое согласие на биомедицинское исследование.

Конвенция впервые включила положения, направленные на защиту эмбриона человека. Согласно конвенции, если закон разрешает проводить исследования на эмбрионах *in vitro* (в пробирке), он должен обеспечить надлежащую защиту эмбриона. Создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается.

Таким образом, Конвенция о правах человека и биомедицине явилась первым международно-правовым актом обязывающего характера для государств – членом Совета Европы по вопросам биомедицинских исследований на человеке. Впоследствии были приняты дополнительные протоколы к конвенции, имеющие такую же юридическую силу, что и последняя, – в 1998 г. о запрете клонирования человека, в 2002 г. – о трансплантации органов и тканей человека, в 2005 г. – о биомедицинских исследованиях. В перечисленных дополнительных протоколах положения Конвенции о правах человека и биомедицине 1996 г. развиваются и детализируются.

Помимо перечисленных документов, следует назвать еще один, также содержащий положения о порядке и условиях проведения биомедицинских исследований на человеке. Это Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. – документ рекомендательного характера, о чем говорит его название. Декларация о геноме представляет большой интерес, поскольку затрагивает те вопросы, которые еще 15–20 лет назад даже не обсуждались научной медицинской и юридической общественностью. Согласно декларации ни-

какие исследования, касающиеся генома человека, не должны превалировать над уважением прав человека, основных свобод и человеческого достоинства отдельных людей или в соответствующих случаях групп людей.

Что касается нашего государства, правовое регулирование вопросов биомедицинских исследований и экспериментов с участием человека в качестве испытуемого осуществляется, как уже отмечалось, при помощи отдельных норм международного права, Конституции РТ 1994 г., в которой содержатся самые общие принципы проведения таких исследований, а также законов и подзаконных актов, принятых главным образом Министерством здравоохранения РТ.

Согласно ст. 18 Конституции РТ «... Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению. Принудительные медицинские и научные эксперименты над человеком запрещаются». О необходимости получения согласия испытуемого лица в законодательных актах РТ говорится отдельно, что связано с чрезвычайной важностью, фундаментальным характером этого положения для любых опытов и экспериментов на человеке.

Из законов, имеющих непосредственное отношение к области биомедицинских исследований на человеке, следует в первую очередь назвать Закон РТ об охране здоровья населения 1997 г., в котором установлен порядок применения новых методов профилактики, диагностики, лечения, лекарственных средств, иммунобиологических препаратов и дезинфекционных средств и проведения биомедицинских исследований (ст. 55).

Итак, проведение клинических исследований в отношении человека возможно лишь при наличии добровольного информированного согласия пациента, оформленного письменно, такие исследования проводятся в государственных учреждениях здравоохранения и только с разрешением Министерства здравоохранения РТ.

С учетом этого М. Н. Малеина выделяет следующие условия правомерности проведения эксперимента на человеке: «Законодательство необходимо дополнить еще рядом условий: Во-первых, при проведении эксперимента должен обеспечиваться приоритет интересов его участника перед интересами науки и общества. Эксперимент надо прекратить, если возникнет риск гибели или необратимого ухудшения здоровья добровольца или нарушаются его другие права и интересы. Во-вторых, необходимо решить вопрос о вознаграждении и возмещении возникшего вреда у участника эксперимента. Вознаграждение и возмещение вреда не противоречат моральным принципам общества и должны компенсироваться организацией, ответственной за подготовку и проведение исследования. В-третьих, письменного согласия испытуемого недостаточно для оформления отношений с учреждением здравоохранения, поскольку оно защищает интересы только этого учреждения. Было бы правильно ввести обязатель-

ную письменную форму договора о проведении биомедицинского исследования с указанием всех условий»²⁰.

Комплексный анализ нормативно-правовой базы, литературных источников и создавшейся практической ситуации в сфере выполнения медицинских исследований с участием человека позволяет автору прийти к предложению выработки критериев правомерности проведения медицинских экспериментов. Необходимо, чтобы каждое исследование, проводимое в медицине с привлечением в качестве объекта человека, соответствовало следующим условиям: добровольное информированное согласие испытуемого на проведение эксперимента; соблюдение прав и законных интересов объекта исследования; научная обоснованность испытания; достаточность клинической (лабораторной) базы; квалификация врачей-исследователей; приоритет интересов участника эксперимента над целями работы (минимизация риска); заключение этического комитета; компенсация участникам, соразмерная медицинским экспериментам.

Добровольное информированное согласие испытуемого на проведение эксперимента является одним из основополагающих критериев правомерности проведения медицинского эксперимента. Не случайно, данный принцип в тех или иных вариациях присутствует практически во всех нормативно-правовых актах, регламентирующих проведение исследований с участием человека. Любое биомедицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения письменного согласия гражданина. Гражданин не может быть принужден к участию в биомедицинском исследовании²¹, поэтому некоторые авторы отмечают: «Важно, чтобы пациент знал, что его участие в исследовании является добровольным, и он может отказаться от участия в любое время и на любом этапе испытания без каких-либо неприятных последствий»²². Интересной представляется точка зрения относительно того, чем обычно юристы обосновывают необходимость получения специального согласия пациента при проведении медицинских исследований. Пример Австралии свидетельствует, что таких факторов три: право пациента на приватность, которое может быть нарушено при получении в результате испытания информации о его личной сфере (например, о ВИЧ-инфицированности); признание автономии пациента; признание пациентом факта, что врач имеет личный (научный) интерес при осуществлении эксперимента²³.

Человек, дающий свое согласие на проведение медицинского эксперимента, должен обладать всей полнотой информации о предстоящем исследова-

---

²⁰ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М., 2000. – С. 82.

²¹ Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.07.1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.

²² Лепехин В. К., Фисенко В. П. и др. Международные стандарты при клинических испытаниях // Российский медицинский журнал. – М., 1998. – № 6. – С. 11.

²³ Мэгнассон Р. С. Соблюдение конфиденциальности и права пациента на информированное согласие при проведении медицинских исследований в Австралии // Социальные и гуманитарные науки. Серия 4. Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 146.

нии. Так, известный специалист в области правовой регламентации медицинской деятельности М. Малеина отмечает, что «прежде всего гражданину – объекту исследования должна быть предоставлена информация о целях, методах, продолжительности эксперимента, ожидаемом результате, побочном эффекте и другом возможном риске»²⁴. К сожалению, практика проведения медицинских исследований в современном мире имеет свои особенности относительно получения информированного согласия. Б. Юдин, комментируя вопросы, обсуждавшиеся на Всемирном конгрессе по биомедицинской этике в 2000 г., свидетельствует, что «... на деле «информированное согласие» защищает интересы не столько испытуемых, сколько врачей-исследователей и фирм, проводящих испытания»²⁵. Финансовая выгода, которую получают государственные и муниципальные лечебные учреждения (в соответствии с законодательством только они имеют право проведения медицинских экспериментов), находящиеся в состоянии хронического недофинансирования, не может и не должна объяснять подобный подход, не имеющий под собой никаких правовых оснований.

Следует отметить, что по причине того обстоятельства, что получение информированного согласия является одним из главных условий правомерности медицинского эксперимента, к изучению различных аспектов этой проблемы обращался целый ряд авторов²⁶. Основным фактором, как представляется, может служить получение согласия, которое характеризует условия информированности, добровольности и компетентности испытуемого – критериев, которые требуют тщательного и взвешенного подхода. Однако при разработке правовых проблем информированного согласия необходимо учитывать, что одно дело – медицинское вмешательство, направленное на улучшение здоровья человека, и другое – медицинский эксперимент, который зачастую служит прежде всего интересам науки.

Соблюдение прав и законных интересов объекта исследования заключается в гуманном и уважительном отношении к испытуемому, основанному, прежде всего, на знании указанных прав и законных интересов. Следует согласиться с точкой зрения, что все исследования с участием человека должны строиться в соответствии с тремя основными этическими принципами: 1) уважения к личности; 2) достижения пользы; 3) справедливости²⁷. Заметим, что данный автор принцип уважения к личности определил на первое место, что показательно и является одним из компонентов уважения прав и законных интересов.

---

²⁴ Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве: учебное и практическое пособие. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – С. 59.

²⁵ Юдин Б. Всемирный конгресс по биоэтике // Медицинская газета. – 2000. – 8 дек. – С. 15.

²⁶ Зильбер А. П. Трактат об эвтаназии. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 218; Кричагин В. И. Законодательство о правах пациентов в США // Качество медицинской помощи. – 1998. – № 3. – С. 29–30; Социальная медицина и организация здравоохранения / Руководство для студентов, клин. ординаторов и аспирантов. В 2-х томах. Т.2. / В.А. Миняев, Н.И. Вишняков и др. – СПб., 1998. – С. 215; Квачадзе М. О. Указ. раб. – С. 70.

²⁷ Власов В. В. Международные этические требования к медицинским исследованиям с участием человека // Терапевтический архив. – 1996. – № 1. – С. 58.

Особенно остро стоит вопрос об обеспечении прав человека, когда он является объектом медицинских экспериментов²⁸. Проведение медицинского исследования, даже при условии получения информированного согласия, не свидетельствует об уменьшении объема или качества выраженности правового статуса объекта эксперимента. Права и законные интересы человека, получившие дополнительные характеристики после превращения его в пациента, видоизменившиеся в связи с участием пациента в медицинском эксперименте – именно о таком правовом статусе объекта испытаний необходимо говорить. «Разумеется, в этом смысле всякое экспериментирование на человеке означает вторжение в неотъемлемые свободы и права человека, но оно может ограничиваться настолько, чтобы быть адекватным системе моральных и иных ценностей общества и являться следствием свободно принимаемых решений»²⁹. Данное выражение, как представляется, весьма четко отражает смысл освещаемого условия правомерности выполнения медицинского эксперимента.

Возникающая дилемма, носящая и правовой и этический характер, сводится к конфликту интересов и ценностей, возникающему в ходе медицинского эксперимента. С одной стороны, это право человека на конфиденциальность, а с другой – право общества на осведомленность, которое реализуется в том числе посредством исследований на людях. В общем виде эта дилемма решается посредством принятых гуманных ценностей: если речь идет о медицинских экспериментах, то интересы отдельно взятого человека всегда предпочтительней интересов общества.

Научная обоснованность испытания, как представляется, заключается в предварительном изучении в максимально значительном объеме характеристик исследуемого лекарственного средства (способа лечения, диагностики и т. д.) в лабораторных условиях, на животных. Еще в начале XX века известный писатель и врач В. Вересаев писал: «Господа! Прежде чем обращаться к человеку – разве у нас нет существ, которые должны иметь в наших глазах меньше цены и на которых позволительно применять свои первые попытки?»³⁰. Необходимо представлять себе прогнозируемые эффекты, базирующиеся на предварительном изучении подобных проявлений. Важным представляется сбор информации относительно имеющихся зарубежных данных. Опыт свидетельствует, что первые попытки исследования всего нового имеют большее количество отрицательных результатов, чем последующие пробы. Прав Л. Лещинский, утверждая, что эксперименту в клинике должна предшествовать максимально полная и возможная проверка нового средства или метода на биологических объектах, на

---

²⁸ Коротких Р. В., Рытвинский С. С. Медицина и права пациентов // Бюллетень НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко. – М. – 1994. – Вып. 4. – С. 30.

²⁹ Медицинская этика и деонтология / под ред. Г.В. Морозова и Г.И. Царегородцева. – М.: Медицина, 1983. – С. 23.

³⁰ Вересаев В. Записки врача. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. – М.: Правда, 1961. – С. 303.

животных, проверка на возможное онкогенное, тератогенное действие и др.³¹. Таким образом, испытания новых направлений в медицине должны строиться таким образом, чтобы исследования с привлечением человека осуществлялись на конечном этапе, являлись результатом всего большого эксперимента, базируясь на предварительном комплексном научном изучении рассматриваемого явления.

Достаточность клинической (лабораторной) базы особо актуальна в связи с реалиями российской медицины сегодняшнего дня. Думается, что разрешение проведения медицинских экспериментов только в условиях государственных и муниципальных лечебных учреждениях, отображенное в российском законодательстве, продиктовано в том числе и соображениями достаточности клинической базы, которую в данных условиях легче контролировать. Концепция стандартизации в отечественном здравоохранении, которая внедряется на протяжении нескольких последних лет, следует полагать, одним из направлений должна предусматривать создание единых стандартов оборудования и оснащения лечебных и научно-исследовательских учреждений, проводящих эксперименты с привлечением в качестве объектов живых людей. Необходимо прежде всего создать такое положение, при котором перед проведением медицинского эксперимента в клинике (отделении и т. п.) должны быть созданы оптимальные условия, что относится как к технической оснащенности, так и к предварительной подготовке всего персонала, принимающего участие во введении нового метода³². Данное выражение может служить своего рода смысловой нитью между освещаемым условием правомерности медицинского эксперимента и следующим, связанным с требованиями к медицинскому персоналу.

Квалификация врачей – исследователей имеет прямое отношение к проблеме защиты прав испытуемых при проведении медицинского эксперимента. Понятно, что чем выше опыт и квалификация специалистов, проводящих эксперимент, тем ниже вероятность неблагоприятных результатов по отношению к жизни и здоровью объекта исследования. Требования к медикам должны касаться как морально-этических качеств, так и медико-исследовательских параметров (квалификация, необходимые усовершенствования, подтвержденный опыт). Раскрывая часть поднятой проблемы, известный хирург М. Е. де Бэки считал: «Хирург должен строго воздерживаться от того, чтобы недостойным образом воспользоваться в чисто экспериментальных целях стремлением тяжело больного человека согласиться на любую операцию, которую ему предложат»³³. К сожалению, нередко ситуации, когда то или иное медицинское вмешательство, не получившее законного разрешения, выполняется пациенту с оп-

---

³¹ Лещинский Л. А. К этическим вопросам клинических испытаний новых лекарственных средств // Клиническая медицина. – М., 1999. – № 6. – С. 50.

³² Медицинская этика и деонтология / под ред. Г.В.Морозова и Г.И. Царегородцева. – М.: Медицина, 1983. – С. 84.

³³ Деонтология в медицине: В 2 т. / под ред. Б.В. Петровского. АМН СССР. – М.: Медицина, 1988. –Т. 2. – Частная деонтология. – С. 211.

равданием этого в виде общей пользы для больного и невозможностью помочь известными и апробированными средствами. Иногда подобные же ситуации возникают у врачей, единственной целью которых является проверка нового метода или способа – научной работы, которую они выполняют.

Приоритет интересов участника эксперимента над целями работы (минимизация риска) заключается в соблюдении таких правил проведения исследования, при которых всегда во главе угла буде человек – объект эксперимента, его права, законные интересы, жизнь и здоровья. Когда речь идет о высших ценностях человека – жизни и здоровье, должен быть принят во внимание даже малейший риск, а необходимый риск нужно измерить и тщательно контролировать, сводя его к нулю³⁴. В том же духе высказывается Н. Ардашева, что при проведении экспериментов и испытаний на людях, а также экспериментального лечения больных интересы науки или общества не должны преобладать над интересами испытуемых, их безопасностью и благополучием³⁵. Однако, для того чтобы по сути правильные принципы не оставались лишь намерениями и предпосылками, а реально действовали, им необходимо придать нормативно-правовой характер.

К примеру, Хельсинкская декларация 1964 г. предусматривает, что каждому проекту биомедицинских исследований, включающих человеческие объекты, должна предшествовать тщательная оценка возможного риска в сравнении с ожидаемой выгодой для самого объекта и других людей. Забота об интересах объекта должна всегда превалировать над интересами науки и общества³⁶. Без сомнения, ни один медицинский эксперимент не может быть морально и юридически оправдан, если существует потенциальная возможность причинения вреда жизни и здоровья испытуемого. Можно соблюсти все необходимые тонкости и нюансы оформления согласия испытуемого, проводить эксперимент в достаточно оснащенном лечебном учреждении, но все это не является правомерным, если риск причинения вреда здоровью испытуемого будет значительным. Здесь совершенно правильной представляется мнение, согласно которому «проблему риска, которому подвергаются испытуемые в биомедицинских исследованиях, можно назвать одной из основных в ряду связанных с ними этических правовых проблем³⁷. В. Пристансков предлагает предусмотреть уголовную ответственность за причинение смерти или вреда здоровью при проведении медицинского эксперимента³⁸.

---

³⁴ Медицинская этика и деонтология / под ред. Г.В. Морозова и Г.И. Царегородцева. – М.: Медицина, 1983. – С. 97.

³⁵ Ардашева Н. А. Проблемы гражданско-правового обеспечения прав личности в договоре на оказание медицинской помощи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 1997. – С. 13.

³⁶ Хельсинкская декларация // Врач. – 1993. – № 7. – С. 57.

³⁷ Введение в биоэтику: учебное пособие / под общ. ред. Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко. – М.: «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 358.

³⁸ Пристансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – С. 8.

Интересным и заслуживающим особого внимания представляется решение проблемы условий правомерности риска медицинского эксперимента. Так, М. Квачадзе считает, что «жизнь и здоровье человека могут быть подвергнуты риску в ходе клинического эксперимента только в случаях, когда все другие, уже апробированные методы лечения не дали положительного результата, а степень риска соответствует состоянию здоровья»³⁹. Представляется, что общим механизмом восприятия правовой природы правомерности риска при медицинском эксперименте может стать институт крайней необходимости. Разработанный и проанализированный применительно к трансплантации органов и тканей человека⁴⁰, данный механизм позволяет юридически корректно подходить к определению правомерности подобного риска. Здесь представляется, что риск нанесения вреда здоровью испытуемого оправдан лишь в том случае, если испытуемый страдает таким заболеванием (находится в таком состоянии), что существующим на сегодня арсеналом медицинских средств невозможно улучшить его состояние здоровья (спасти жизнь).

Заключение этического комитета не является конкурирующим условием правомерности с достаточной квалификацией врача – исследователя и коллегиальным принятием значимых решений. Речь идет о том, что поскольку в состав этического комитета (комитета по вопросам медицинской этики), в соответствии с законодательством⁴¹, входят лица, представляющие интересы общественности, врачи, юристы, деятели науки и искусства, представители духовенства и др., то такое решение, без сомнения, будет более объективным, поскольку не будет базироваться исключительно на основах профессиональной причастности. Проводя аналогию с ролью Фармакологического комитета в деле клинических испытаний новых лекарственных средств, следует согласиться с Л. Лещинским, что «клинический эксперимент на человеке нельзя проводить по бесконтрольной инициативе отдельного врача или ученого либо группы лиц, он (клинический эксперимент и, в частности, клиническое испытание нового фармакологического средства) должен быть санкционирован компетентным государственным органом...»⁴².

К сожалению, необязательность самого факта существования этических комитетов, которая формируется из законодательно определенной возможности, а не обязательности существования, делает труднореализуемой задачу внедрения такого условия правомерности медицинского эксперимента. Здесь необходимо ориентироваться на отработанную практику клинических испытаний

---

³⁹ Квачадзе М. О. Вопросы защиты прав человека в современной медицине (международно-правовые и внутригосударственно-правовые аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Тбилиси, 1999. – С. 70.

⁴⁰ Сальников В. П., Стеценко С. Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования. Научное издание. Серия: «Право и медицина». – СПб., Фонд «Университет», 2000. – С. 51–53.

⁴¹ Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.07.1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.

⁴² Лещинский Л. А. К этическим вопросам клинических испытаний новых лекарственных средств // Клиническая медицина. – 1999. – № 6. – С. 50.

лекарственных средств, обязательным условием которых является участие в принятии решения этического комитета⁴³. Основные вопросы, которые необходимо будет решать этическим комитетам при проведении медицинских экспериментов следующие: процедура и форма информированного согласия; процесс отбора пациентов, его основания; интерпретация современных данных о побочных эффектах (явлениях) исследуемого препарата (метода лечения); документы, подтверждающие достаточность клинической (исследовательской) базы и квалификации исследователей.

Адекватная компенсация участнику медицинского эксперимента является важным средством защиты прав и законных интересов испытуемых как в случае причинения вреда в результате эксперимента, так и без него. В первом случае объект исследования, получивший вред своему здоровью, имеет право и должен получить финансовую и другую помощь, «которая может полноценно компенсировать ему равно временные или постоянные нарушения или инвалидность»⁴⁴. В то же время вознаграждение испытуемому без нанесения вреда в результате исследования означает компенсацию риска, которому, без сомнения, подвергается участник эксперимента.

Законодательная регламентация адекватной компенсации участникам медицинского эксперимента позволит, во-первых, представителям организаций, проводящих исследования, не испытывать недостатка в добровольцах для экспериментов и, во-вторых, создаст правовую базу вознаграждения за оставление своей жизни в опасности. Принимая во внимание остальные перечисленные ранее условия правомерности в особенности существование этических комитетов и полноту реализации человеком своего права на жизнь, это не создаст дополнительных трудностей в определении законного характера эксперимента.

Таким образом, как представляется, в настоящее время имеются нерешенные вопросы правового регулирования медицинских экспериментов. Следует согласиться, что «законодательное регулирование права на медицинский эксперимент должно осуществляться по двум направлениям: с одной стороны, эффективно защищать самые ценные блага человека – его жизнь и здоровье, с другой стороны, не сковывать творческого поиска под угрозой юридической ответственности»⁴⁵. Также необходимо учитывать, чтобы при планировании новых экспериментов, помимо непосредственных авторов, в них должны быть задействованы специалисты по праву, философии, биоэтике, другие заинтересованные лица. Можно надеяться, что благодаря использованию освещенных выше условий правомерности при конструировании юридических норм, удаст-

---

⁴³ Степанова И. Этические комитеты ответственны за испытания // Медицинская газета. – 1999. – 26 марта. – С. 12.

⁴⁴ Власов В. В. Международные этические требования к медицинским исследованиям с участием человека // Терапевтический архив. – 1996. – № 1. – С. 58.

⁴⁵ Маргацкая Н. А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984. – С. 23.

ся создать нормативно-правовую базу проведения медицинских экспериментов, учитывающую право на жизнь и оказание медицинской помощи объекта исследования и отвечающую всем требованиям правовой базы демократического правового государства.

Литература:

1. Власов В. В. Международные этические требования к медицинским исследованиям с участием человека // Терапевтический архив. – 1996. – № 1.
2. Власов В. В., Гриценко В. Р., Зайцева И. А. и др. Ваши права при получении медицинской помощи. – М.: «Триумф», 1999.
3. Квачадзе М. О. Вопросы защиты прав человека в современной медицине (международно-правовые и внутригосударственно-правовые аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Тбилиси, 1999.
4. Лещинский Л. А. К этическим вопросам клинических испытаний новых лекарственных средств // Клиническая медицина. – 1999. – № 6.
5. Маргацкая Н. А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.
6. Медицинская этика и деонтология / под ред. Г.В. Морозова и Г.И. Царегородцева. – М.: Медицина, 1983.
7. Принстансков В. Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
8. Сальников В. П., Стеценко С. Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования. Научное издание. Серия: “Право и медицина”. – СПб., Фонд “Университет”, 2000.
9. Степанова И. Этические комитеты ответственны за испытания // Медицинская газета. – 1999. – 26 марта.
10. Цокуева И. М. Правовые проблемы медицинского эксперимента с участием человека // Законодательство. – 2008. – № 4.
11. Этическая экспертиза биомедицинских исследований: практические рекомендации. Первое издание. // Под общ. ред. член-корр. РАМН, проф. Ю.Б. Белоусова. – М., 2005.

Бабаджанов И. Х.

Аннотация

Право на жизнь и правомерность проведения медицинских экспериментов (этико-правовые аспекты)

Право на жизнь является абсолютной ценностью. Однако развитие медицины в настоящее время характеризуется необходимостью проведения иссле-

дований с участием человека в качестве подопытного. В статье рассматриваются условия правомерности таких медицинских экспериментов с точки зрения как права, так и этики.

Babajonov I. H.

Annotation

The right to life and lawfulness of medical experiments (ethical and legal aspects)

The right to life is an absolute value. However, currently the development of the medicine is characterized by the need for research involving human as a test subject. The article deals with the lawfulness of the conditions of such medical experiments from the point of view of the both law and ethics.

МИРАЛИЕВ И. К. *

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ИХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ТРАКТОВОК

***Ключевые слова:** правовое государство, права человека, права и свободы граждан, естественное право, позитивное право, взаимосвязь правового государства и прав человека, идеальное право.*

***Keywords:** law-based state, human rights, rights and freedoms of citizens, natural law, positive law, interaction of the law-based state and human rights, ideal law.*

Полную картину взаимосвязи правового государства и прав человека можно раскрыть и уяснить на основе соответствующего понимания правового государства и прав человека. Понятия правового государства и прав человека издавна находятся в центре внимания многих мыслителей, философов, исследователей. Не утихают споры и дискуссии о понятии указанных явлений и институтов в современной научной мысли.

В юридической литературе наблюдается многообразие подходов к трактовке правового государства. По словам Н. И. Матузова, правовым является государство, «которое основано на верховенстве закона, предполагает неуклонное исполнение всеми гражданами, должностными лицами, органами государства и организациями законов государства; предусматривает взаимную ответственность гражданина и государства в рамках действующего законодательства; обеспечивает права и свободы граждан, необходимые для функционирования гражданского общества»⁴⁶.

---

* доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета ТНУ, к.ю.н.

⁴⁶ Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 92.

По определению В. В. Вышкварцева: «Правовое государство – конституционно-правовой статус государства, предполагающий безусловное подчинение государства народному суверенитету, реальные гарантии прав и свобод человека со стороны государства, верховенство конституции по отношению ко всем другим нормативно-правовым актам, приоритет норм международного права над нормами национального, в основу организации государственной власти положен принцип разделения властей и реальный механизм контроля со стороны саморегулируемого гражданского общества»⁴⁷.

В качестве неотъемлемого свойства, непереносимого атрибута правового государства выступает господство или верховенство права. При этом по-разному трактуется само право, верховенство (господство) которого предполагается в правовом государстве. По замыслу авторов различных концепций правового государства таковым должно быть идеальное право, соответствующее по всем своим сущностным характеристикам бытию правового государства. При этом тип правопонимания непосредственным образом отражается на идее господства права. В позитивистских, либеральных и др. возможных вариациях и теориях правового государства идея господства права может пониматься по-разному в зависимости от того, что вкладывается в понятие права в данном случае.

В естественно-правовых теориях идеальное право, господство которого предполагается в правовом государстве, сводится к естественному праву. Трактовка господства права происходит в рамках естественно-правовой доктрины⁴⁸. В классическом юридическом позитивизме «понятие правового государства либо отвергается под тем предлогом, что позитивное право не может быть выше установившего его государства», либо объясняется через требование «самоограничения государства им же созданным позитивным правом»⁴⁹.

М. Н. Марченко убежден, что правовое государство остается и будет оставаться, хотя бы и в идеале, не чем иным, как государством, и в процессе своего существования будет неизбежно заниматься правотворчеством, творить свое право. И это право «будет, если не вдаваться в утопию и иллюзию насчет природы и характера правового государства как института социальной силы, обладающей верховной властью», не чем иным, как позитивным правом со всеми его традиционными признаками и вытекающими из этого последствиями»⁵⁰.

При этом необходимо учитывать динамику позитивного права, его связь с политическим режимом, проявление им разнообразных форм (этатистский позитивизм, социологический позитивизм, антропологический позитивизм). По

---

⁴⁷ Вышкварцев В. В. Правовое государство, права и свободы человека в концепциях российских ученых XX – начала XXI в.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 146.

⁴⁸ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011. – С. 53–54.

⁴⁹ Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина. – М., 2001. – С. 1223.

⁵⁰ Марченко М. Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. – 2012. – № 4. – С. 6.

словам М. Н. Марченко, умеренный позитивизм, который воплощается в правовом государстве, «весьма далек от позитивизма тоталитарного и авторитарного государства»⁵¹. Важнейшими составными частями «умеренного» позитивизма, соотносящегося с правовой системой правового государства, являются, «с одной стороны, естественно-правовые компоненты, возникающие в силу взаимосвязи и взаимодействия позитивного права с естественным правом, а с другой – волевые компоненты, ассоциирующиеся с расширением в условиях глобализации и регионализации сферы регулятивного воздействия на общественные отношения (наряду с нормативно-правовыми актами) правовых договоров, общепризнанных принципов и норм международного права, корпоративных, религиозных и иных актов, исходящих от различных негосударственных и надгосударственных (например Евросоюз) или межгосударственных (например СНГ) объединений и их институтов»⁵².

Саъдизода Дж. взаимосвязь правового государства и прав человека видит в уровне формирования у каждого человека культуры прав человека, которая станет почвой для становления правового государства⁵³.

Э. С. Насурдинов также становление правового и демократического государства считает основным фактором правовой культуры населения⁵⁴.

В современных трактовках прав человека непременно указывают на степень осознанности прав и свобод личности самими людьми. Взаимосвязь правового государства и прав человека можно трактовать как на уровне абстрактной конструкции, идеальной модели, неотъемлемого признака, сущностной характеристики правового государства, так и на уровне общественного и правового сознания. Для того чтобы идеал правовой государственности стал реальностью, необходимо его осознание в качестве такового членами общества. Существует мнение, что правовое государство – это не абстрактный механизм власти, соблюдающий созданное им же самим позитивное законодательство, а явление, весьма слитное с правом и национальным правосознанием⁵⁵.

Проблема осознания правового государства и прав человека имеет принципиальное значение. Так, на осознание западных идей правового государства

---

⁵¹ Там же. – С. 7.

⁵² Там же. – С. 6.

⁵³ Саъдизода Дж. Культура прав человека как средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. Проблемы соотношения международного и национального права. Матер. междунар. научно-практ. конф. 24–25 марта 2014 г. / под общей ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. – Москва–Душанбе, 2014. С. 264–272.; Саъдизода Дж. К вопросу о классификации культуры прав человека // Вестник педагогического университета – издание ТГПУ им. С. Айни, серия общественных, гуманитарных и филологических наук. – Душанбе, 2013. – № 6 (55), часть 2, С. 170–175; Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право. М. Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2014. С. 63–67.

⁵⁴ Насурдинов Э. С. Проблемы формирования правовой культуры в условиях становления демократического государства в Таджикистане: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Душанбе, 2008. – 22 с.; Насурдинов Э. С. Правовая политика в сфере прав человека и ее роль в совершенствовании правовой культуры граждан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. – № 3/3 (136). – С. 82–86.

⁵⁵ Уманова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М., 2000. – С. 211.

и прав человека в Таджикистане влияют национальные традиции, духовно-культурные устои жизнедеятельности общества, психология и сознание местного населения. Реализация идей и теорий правового государства и прав человека зависит от того, как воспринимают данные явления члены конкретного общества.

Общественное сознание должно находиться на таком уровне, при котором обеспечивается адекватное, реалистичное осознание правового государства как формы жизнедеятельности свободных людей. Проявления нигилизма либо романтизма, деформация общественного сознания, преобладание в структуре общественного сознания неправовых представлений, проникновение в общественное сознание нездоровых элементов (радикальные, экстремистские и подобные лозунги и представления) служат преградой для разумного восприятия идеи правового государства как условия свободы личности. «Общественное сознание, – пишет Л. А. Морозова, – где не доминирует идея прав личности, часто бывает неспособно стать надежным партнером даже прогрессивной власти выхолащивания ее изнутри»⁵⁶.

Укоренение в общественном сознании патерналистских взглядов, сохранение иждивенческой психологии, упование на власть держащих в конечном итоге сковывает человеческую инициативу, мешает самовыражению и самореализации личности, осознанию человеком своего искомого социального и правового положения в обществе, своих неотчуждаемых и неотъемлемых прав и свобод. В этом случае участие индивида в политике и общественной жизни будет осуществляться «далеко не в силу осознания человеком того, что без его участия не возникнут демократические институты, не будет возможности осуществлять и защищать свои права, свободы и интересы»⁵⁷.

Укоренившееся в общественном сознании мнение о том, что на основе лишь законов можно преобразовать общество и достичь идеала правового государства, способствует формированию в общественном сознании правового романтизма. «Сохраняя иллюзию, – пишет А. В. Петровская, – что такой образ действий есть форма перехода к правовому государству, мы повторяем старый стереотип советской науки позднего периода, будто сознавая новые законы, можно управлять экономикой, политикой, преступностью»⁵⁸.

Принятие большого количества законов и последовавшее за этим расширение пределов правового регулирования является ответом законодателя на возросшие потребности общественного развития. Вместе с тем оно чревато законодательным вторжением во все сферы личной и общественной жизни. «Прямая законодательная интервенция в те или иные отрасли, – пишет

---

⁵⁶ Морозова Л. А. Современная российская государственность: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 14.

⁵⁷ Чиркин В. Е. Современное государство. – М., 2001. – С. 295.

⁵⁸ Петровская А. В. Идея правового государства в контексте характеристики различных правовых культур // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 56.

В. Д. Зорькин, – не может решить проблем и ведет к хаосу в правовой системе»⁵⁹.

Отсюда возникает комплекс вопросов, связанный со сферой законодательного вмешательства в жизнь общества, с предметом законодательного регулирования. Решение подобных вопросов имеет существенное значение для адекватной трактовки идеи верховенства закона в правовом государстве. Вместе с тем наблюдается многообразие подходов к решению вопросов, связанных с пределами законодательного регулирования⁶⁰. Ряд авторов указывает, к примеру, на политизацию верховенства закона, утрату правовой системой своей макроуровневой ориентированности, законодательную ширму административного вмешательства⁶¹.

Успешное построение правового государства зависит от реализации соответствующей концепции прав человека, ее адекватности реальным условиям жизнедеятельности общества, соответствия существующему уровню общественного сознания, от степени и качества ее восприятия населением. Как известно, у каждого народа свой собственный путь к правовому государству. Каждый народ по-своему воспринимает также ценности в области прав человека. Достигнутый уровень социально-экономического, политического и духовного развития общества, психология, сознание, менталитет, национальные традиции так или иначе служат определяющими факторами реализации общепризнанных идей и ценностей правовой государственности, а также практического воплощения мировых стандартов в сфере прав человека, а иногда, что мы наблюдаем в современных реалиях, их простого привнесения на национальную почву. Неслучайно, в литературе в последние годы обращают внимание на разнообразие концепций прав человека, их соотношение с национальной культурой. Иначе говоря, характерный для того или народа собственный путь построения правового государства предполагает также свойственное для каждого народа восприятие прав человека.

В литературе часто права и свободы человека трактуются как продукт западноевропейской и североамериканской культуры. Например, В. А. Максименко пишет, что концепция прав человека – «это продукт определенного исторического периода западной культуры и философии, эпохи просвещения... Для других сообществ западные представления о правах человека выступают инородным элементом»⁶².

---

⁵⁹ Зорькин В. Д. Правовой характер взаимоотношений личности, общества и государства // Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М., 1990. – С. 96.

⁶⁰ Мамут Л. С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – М., 2006. – № 12. – С. 8–15.

⁶¹ Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений.: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 70.

⁶² Максименко В. А. Права человека в различных правовых системах. Основные особенности и проблема универсальности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 14, 40.

Идея западного происхождения прав человека, широко распространенная в литературе, приводит к аналогичным трактовкам сути прав человека, их значения как истоков человеческих прав, универсальности, однолинейного развития и распространения на основе западного опыта. В литературе высказано мнение о том, что права человека должны развиваться от Запада ко всему миру, в единой, европейской схеме⁶³.

Однако такой вывод не вписывается в реальную картину развития прав человека в современном многополярном мире, не учитывает факт растущего сопротивления не западных стран всяческим попыткам привнесения в их культурную среду инородных правовых, моральных, этических, религиозных ценностей. Любые усилия, тем более на почве политического давления, по насаждению западных моделей (в сфере прав человека, практики управления и др.) будут встречать ответную реакцию не западных народов. Более того, однолинейное распространение прав человека по заранее задуманной схеме, не учитывающее цивилизационное различие, не приведет к желаемым результатам, поскольку права человека – это не просто навязанные извне юридические возможности, а особый внутренний мир человека. Права человека отражают духовный мир человека, его мировоззрение, самосознание, личностную оценку. На восприятие прав человека влияют мораль, нравственные убеждения, религиозное, нравственного сознание.

Культурно-цивилизационное различие затрудняет одинаковую трактовку и восприятие прав и свобод человека. Как отмечает А. Г. Лисицын-Светланов, в глобальном плане народы мира вовсе не разделяют безоговорочно то понимание прав и свобод, которое исповедуется в Европейском Союзе и Северной Америке⁶⁴. Единое, планетарное понимание права и соответственно прав и свобод человека затрудняется многими факторами. Одним из них является западноевропейская трактовка индивидуальных прав и свобод человека.

Идея индивидуализма была обоснована в либеральных концепциях. Принцип свободы играет в либерализме «центральную роль, поскольку непосредственно связан с этической основой права. Он рассматривается не только как формальный, но и как материальный принцип, выражающийся в психологической, моральной и социальной независимости индивидов»⁶⁵.

В либеральных теориях права человека характеризуются в сочетании с идеями автономии и индивидуализма как возможности индивида, персоны. Та-

---

⁶³ Хованская А. В. Достоинство человека: Международный опыт понимания // Государство и право. 2002. – № 3. – С. 57.

⁶⁴ Лисицын-Светланов А. Г. Развитие российского и международного права в аспекте его влияния на обеспечение национальных интересов Российской Федерации // Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы международной научно-практической конференции. М., 25–26 октября 2005 г. / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005. – С. 123.

⁶⁵ Медушевский А. И. Сравнительное конституционное право и политические институты. – М., 2002. – С. 34–35.

кая трактовка прав человека зиждется на идее особых качеств человека – самостоятельности, самосознания, обособленности и др.

В то же время российскими исследователями активно высказывается мнение о непригодности индивидуальной трактовки прав человека. Так, А. С. Мордовцев пишет, что российское право «не знает понятия индивидуального в западном значении индивидуализма. Полнота индивидуального достигается лишь в направленности на обретение его целостности с общественным, социальным»⁶⁶. Высказано также мнение о том, что «... возвышенно-человеческий смысл прав и свобод человека в правовом государстве не обязательно есть тождество коллективного или односторонне национального, но это никогда не диктатура личности, не суверенитет отдельно-индивидуального в его мирском, узкокорыстном и потребительском понимании»⁶⁷.

На индивидуалистское восприятие прав человека влияют также изменяющиеся условия социальной жизни. Изначально индивидуальные права человека использовались в качестве некоего идеологического инструмента в руках победившей буржуазии в процессе достижения им экономически господствующего положения в западном капиталистическом обществе. По словам А. Г. Бережнова, неотъемлемые права человека, провозглашенные буржуазной революцией и отраженные в буржуазных конституциях в качестве «вечных прав» каждого человека, в реальности оказались «специфической совокупностью политических, правовых и идеологических условий, гарантирующих право капитала на извлечение прибыли, т. е. «обычными» буржуазными правами»⁶⁸.

Такое положение сохранялось в течение определенного времени, пока западная буржуазия не достигла необходимого для нее высокого экономического, социального и политического статуса в обществе в рамках обоснованных ею идей и концепций (государства – «ночного сторожа», свободы предпринимательства, торговли и др.), направленных на обеспечение индивидуальных прав буржуа. В рамках либеральной трактовки права человека описывались как буржуазный вариант прав человека⁶⁹. Первейшим среди либеральных ценностей было провозглашено право на частную собственность, что в последующем обеспечило высокое экономическое положение собственников капитала. Индивидуальные права были обоснованы идеями экономической выгоды, утилитаризма.

Индивидуалистский подход к трактовке прав человека подвергается критике по причине того, что «нужно идти не назад к пройденному, просто повторяя прекрасные аксиомы, а вперед, в XXI век, истолковывая прежние идеи с по-

---

⁶⁶ Мордовцев А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – С. 94.

⁶⁷ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994. – С. 237.

⁶⁸ Бережнов А. Г. Права человека: некоторые вопросы теории. – М., 1991. – С. 43–44.

⁶⁹ Ковлер А. И. Антропология права. – М., 2002. – С. 5.

зиций не либерально-индивидуалистского, а современного, в известной мере социализированного и коллективизированного общества»⁷⁰.

С индивидуалистским подходом к правам человека связан антропологический подход, в рамках которого человек признается источником основных прав и свобод. «Источник прав и свобод, – утверждает О. В. Макаров, – он сам, его потребности и интересы, его образ существования и развития»⁷¹. В рамках антропологического подхода права человека определяются, исходя из потребностей человека, как форма удовлетворения человеческих потребностей, из которых впоследствии «выводятся соответствующие требования, притязания, направленные на их удовлетворение»⁷². При этом обращают внимание на изменчивость человеческих потребностей, появление новых прав и свобод личности⁷³.

Долгие годы преобладала универсальная концепция прав человека. Ее основой послужила сформулированная во Всеобщей декларации прав человека идея универсальности прав человека.

Универсализации прав человека способствовали многие факторы. Одним из таких факторов является идея основных, фундаментальных прав человека, закрепленная в международных документах. По словам С. С. Алексеева, «основные, фундаментальные человеческие права, признанные мировым сообществом непосредственно, причем независимо от воспроизведения или упоминания о них в национальных законодательных документах (и в условиях верховенства закона, и в развитом прецедентном праве), напрямую входят в содержание действующей юридической системы и имеют в стране непосредственное юридическое действие»⁷⁴. По словам А. М. Диноршоева, «влияние международного права проявляется в том, что его общепризнанные принципы и нормы представляют собой программу дальнейшего развития законодательства Республики Таджикистан, определяют те идеалы, к которым должна стремиться страна при создании основ демократического и правового государства, в частности в вопросах обеспечения прав человека»⁷⁵.

Последующая реализация международных документов в области прав человека и соответственно внедрение фундаментальных прав человека в национальные правовые системы натолкнулись на цивилизационное различие, характерное для многополярного мира. По замечанию И. И. Лукашук, международ-

---

⁷⁰ Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–6.

⁷¹ Макаров О. В. Соотношение права и государства // Государство и право. – 1995. – № 5. – С. 18.

⁷² Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. – 2007. – № 12. – С. 18.

⁷³ Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии государства и права. – М., 1994. – С. 248.

⁷⁴ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – С. 644.

⁷⁵ Диноршоев А. М. Права и свободы человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан и международно-правовых документах: особенности закрепления и имплементация в национальное законодательство // Государство и право. – Душанбе, 2009. – № 3. – С. 68.

ные пакты о правах человека не приняты большинством государств мира из-за цивилизационных различий, преодоление которых является весьма сложной задачей длительного характера, в процессе решения которой необходимо сохранить национальное наследие и национальную идентичность⁷⁶.

Универсализация прав человека в скором времени дополнилась их стандартизацией в рамках правовой глобализации. Последнее, сопровождаемое проникновением универсальных стандартов без учета многообразия мировых культур, стало настораживать многие развивающиеся страны. Актуальность приобрела, например, проблема определения национальных приоритетов (национальные традиции, национальная безопасность и др.) в контексте универсальных прав человека.

Утверждению универсального подхода к правам человека способствовали также усилия по внедрению единого подхода к правам человека, единых механизмов их защиты, глобализация в сфере прав человека, их стандартизация. «Такая безоговорочная позиция объясняется тем, – отмечает Е. А. Лукашева, – что в основу международно-правовых стандартов была положена европейская концепция прав человека, и европоцентристский подход стал на долгие годы определяющим в оценке положения дел с правами человека во всех регионах мира»⁷⁷.

Однако универсальная концепция прав человека по мере все большего проявления межцивилизационных конфликтов, стремления не западных цивилизаций к своей самобытности и самоутверждению под натиском европеизации и американизации в сфере прав человека стала терять свои доминирующие позиции в мировом масштабе. Наступило время, когда «Запад засомневался в универсальной пригодности своего традиционного представления о праве в особенности для не западных культур»⁷⁸. «В прошлом, – пишет Г. Дж. Берман, – Человек Запада уверенно нес с собой свой закон по всему миру. Однако сегодня мир подозрительно относится к западной «законности», еще подозрительнее, чем раньше. Человек Востока и Человек Юга предлагают иные альтернативы»⁷⁹. Высказано мнение о том, что права человека в нынешних условиях не универсальны, а так называемая «идеологема»⁸⁰. Стали сбываться прогнозы исследователей, в частности С. Хантингтона, о том, что XXI век обречен стать эпохой религиозных войн и межцивилизационных конфликтов⁸¹.

Отношение исследователей Таджикистана к идее универсального характера прав человека неоднозначное. К примеру, в одних случаях универсальность прав человека связывается с другим их характером – общечеловеческостью. Она трактуется таким образом, что все люди независимо от расы, национально-

---

⁷⁶ Лукашук И. И. Глобализация и право // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112.

⁷⁷ Лукашева Е. А. Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву. – С. 241.

⁷⁸ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1994. – С. 48.

⁷⁹ Берман Г. Дж. Указ. соч. – С. 48.

⁸⁰ Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современные государства // Государство и право. – 2002. – № 2.

⁸¹ Полис. – 1999. – № 5. – С. 83.

сти, языка, социального положения, религии и т. д. обладают общими, едиными для них правами. При этом утверждается, что общность (универсальность) прав человека имеет «территориальный и пространственный аспекты»⁸². В то же время универсализация прав человека, понимаемая как попытка ее вестернизации, вызывает критику отечественных авторов. В таком случае любая попытка ограничения истоков прав человека западными корнями не согласуется с реальной картиной исторического процесса, которая подтверждает факт участия многих народов в формировании прав человека. На этом фоне прилагаются усилия по разграничению западных и не западных концепций прав человека⁸³.

По мнению индийского исследователя С. П. Синха, право в западных цивилизациях сложилось под влиянием особых исторических условий, а другие цивилизации, прошедшие свой путь развития, создали свои ценности, не являющимися правовыми⁸⁴. Автор доказывает факт отрицания «индийской цивилизацией универсальности социально-регулятивной роли права, закона, а также равенства как естественного права человека, так как индийский образ жизни определяется не законом, а «дхармой» (требованием религиозно-морального долга)»⁸⁵, поэтому выбор определенной концепции прав человека, соответствующей историческим условиям страны, комплексу социокультурных доминант, имеет первостепенное значение при построении правового государства.

Универсализация прав человека затрудняется фактом многообразия культур. Международные стандарты прав человека неодинаково преломляются в разнообразных культурах народов. Не случайно, Г. И. Муромцев предлагает рассматривать права человека «в контексте разнообразия правовых культур, а не правовых систем», ибо в условиях усиливающегося стирания различий между романо-германским и англо-саксонским правом в ходе интеграции стран Евросоюза целесообразно исследовать право этих стран в рамках понятия «правовая культура», а не понятия «правовая семья»⁸⁶. Д. С. Сафаров на основе исследования особенностей преломления прав человека в исламской культуре подтверждает тезис о сомнительности единых стандартов в сфере прав человека в условиях культурных различий⁸⁷.

На выбор определенной концепции прав человека влияют установленный в стране политический режим, цели, задачи и функции государства, степень проявления демократических процессов. Авторитарный режим создает почву для выбора той концепции прав человека и того восприятия свободы личности,

---

⁸² Диноршоев А., Сафаров Д. Права человека. – Душанбе, 2010. – С. 71 (на тадж. яз.).

⁸³ Сафаров Д. С. Некоторые вопросы признания единой концепции прав человека // Государство и право. – Душанбе, 2008. – № 2. – С. 83–90.

⁸⁴ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002. – С. 316.

⁸⁵ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002. – С. 324.

⁸⁶ Муромцев Г. И. О некоторых методологических проблемах современной российской юридической науки // Право и государство в изменяющемся мире: Материалы Всероссийской конференции, посвященной памяти профессора О. А. Жидкова. – М., 2007. – С. 16–22.

⁸⁷ Сафаров Д. С. Исламская правовая культура и проблемы прав и свобод личности: некоторые вопросы понятийного характера // Государство и право. – Душанбе, 2012. – № 1. – С. 31.

которые вписываются в существующий строй, отвечают интересам господствующей в стране власти. Правовое же государство, напротив, нуждается в признании и гарантировании необходимого каталога прав и свобод человека. Как верно отмечает Б. Н. Топорнин, признание естественных, неотъемлемых, неотчуждаемых прав человека в авторитарном государстве «означало бы ограничение государственной власти, недопустимость ее вмешательства в сферу личной свободы человека. Государство было бы не вправе отменить или ограничить личные права, которые предусматривают возможность автономии и свободного самоопределения индивида. Более того, в случае их признания было бы необходимо создавать адекватные механизмы, с которыми государство обязано было бы считаться. Такого ограничения, разумеется, ни один авторитарный режим не мог бы допустить»⁸⁸, поэтому признание государством неотчуждаемых, неотъемлемых прав и свобод человека, возложение им на себя обязанности по их соблюдению, гарантированию и защите служат доказательством демократичности государства, его правового характера. Это служит также доказательством того, что между правовым государством и правами человека существует неразрывная связь. В правовом государстве осуществляется разумный выбор той концепции прав человека, которая обеспечивает проявление правового характера организации и функционирования власти в рамках прав и свобод человека как критерия правовой оценки государства.

В то же время одного лишь разумного выбора концепции прав человека и, соответственно, декларирования прав и свобод человека явно недостаточно для проявления реальной правовой сущности государства. Даже авторитарные государства способны ограничиваться провозглашением естественных прав и свобод человека, чтобы показать свою приверженность к общечеловеческим ценностям. В таких случаях права человека служат лишь декорацией, ширмой государства, прикрытием его авторитарной сущности, поэтому не столько выбор соответствующей концепции прав человека, сколько ее практическая реализация имеет первостепенное значение для функционирования правового государства и гражданского общества, реализации свободы личности.

Ориентация государства на ту или иную концепцию прав человека отражается в последующем на его функциональной деятельности, в первую очередь в правотворчестве, поскольку приверженность государства к правам человека получает официальное звучание в конституции и последующей нормотворческой деятельности, поэтому правильный выбор концепции прав человека ряд авторов объясняет тем, что от характера той или иной концепции зависят методологическая ориентация законодательного регулирования важнейших областей общественной жизни и перспективы развития всей правовой культуры⁸⁹.

---

⁸⁸ Топорнин Б. Н. Вступительная статья к научно-практическому комментарию «Конституция Российской Федерации». – М., 1997. – С. 33.

⁸⁹ Анисимов П. В. О методологическом и практическом значении прав человека на правовую защиту в формировании правозащитного направления отечественной юридической науки // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации. – Н. Новгород, 2003. – С. 34.

На выбор концепции прав человека влияют также иные факторы. При реализации той или иной концепции прав человека необходимо учитывать реальные общественные отношения, устой жизнедеятельности общества. Уровень реализации концепции прав человека зависит от культурно-цивилизационных устоев общества, в частности от религии, морали, нравственности. Права человека как социальное явление, требование самореализации человека неразрывно связаны со всей системой социально-нормативного регулирования. На степень осознания человеком своей свободы и прав существенное влияние оказывают его мировоззрение, моральные установки, нравственность, религиозное сознание либо отношение к религии. Реализация прав человека неразрывно связана с добродетелями, которые культивируются в любом обществе. В то же время мораль, хотя и присуща любому обществу, «не всюду одна и та же»⁹⁰. Сущность справедливости, равно как и добра и зла, выступающих критериями оценки моральных принципов и норм, «всеми понимаются по-разному»⁹¹. По словам С. Хантингтона, большинство людей «в разных обществах имеют сходные принципы морали, некоторый минимальный набор норм и представлений о том, что является правильным, а что неправильным. Если именно это входит в понятие мировой цивилизации, то это, конечно, очень глубоко и важно, однако это далеко не ново, и само по себе ничего не доказывает»⁹².

Литература:

1. Диноршоев А. М. Права и свободы человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан и международно-правовых документах: особенности закрепления и имплементация в национальное законодательство // Государство и право. – Душанбе, 2009. – № 3.
2. Диноршоев А., Сафаров Д. Права человека. – Душанбе, 2010. – (на тадж. яз.).
3. Вышкварцев В. В. Правовое государство, права и свободы человека в концепциях российских ученых XX – начала XXI в.: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
4. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
5. Лукашева Е. А. Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву.
6. Максименко В. А. Права человека в различных правовых системах. Основные особенности и проблема универсальности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

---

⁹⁰ Права человека в современной религиозной мысли Запада / отв. ред. В.И. Гараджа. – М., 1992. – С. 23.

⁹¹ Лейст О. Э. Сущность права. – М., 2002. – С. 169.

⁹² Хантингтон С. Становление цивилизаций? // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия/ сост. Б.С. Ерасов. – М., 1998. – С. 511.

7. Мамут Л. С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – М., 2006. – № 12.
8. Марченко М. Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. – 2012. – № 4.
9. Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – № 3.
10. Мордовцев А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.
11. Морозова Л. А. Современная российская государственность: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998.
12. Насурдинов Э. С. Правовая политика в сфере прав человека и ее роль в совершенствовании правовой культуры граждан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. – № 3/3 (136).
13. Насурдинов Э. С. Проблемы формирования правовой культуры в условиях становления демократического государства в Таджикистане: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Душанбе, 2008.
14. Петровская А. В. Идея правового государства в контексте характеристики различных правовых культур // История государства и права. – 2007. – № 4.
15. Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
16. Сафаров Д. С. Исламская правовая культура и проблемы прав и свобод личности: некоторые вопросы понятийного характера // Государство и право. – Душанбе, 2012. – № 1.
17. Сафаров Д. С. Некоторые вопросы признания единой концепции прав человека // Государство и право. – Душанбе, 2008. – № 2.
18. Саъдизода Дж. К вопросу о классификации культуры прав человека // Вестник педагогического Университета – издание ТГПУ им. С. Айни, серия общественных, гуманитарных и филологических наук. – Душанбе, 2013. – № 6 (55), часть 2.
19. Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право. М., Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2014.
20. Саъдизода Дж. Культура прав человека как средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. Проблемы соотношения международного и национального права. Матер. междунар. научно-практ. конф. 24–25 марта 2014 г. / под общей ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. – Москва–Душанбе, 2014.
21. Уманова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М., 2000.
22. Хантингтон С. Становление цивилизаций? // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия/ сост. Б.С. Ерасов. – М., 1998.
23. Чиркин В. Е. Современное государство. – М., 2001.

24. Юридическая энциклопедия / Под общ.ред. Б.Н. Топорнина. – М., 2001.

Миралиев И. К.

Аннотация

Взаимосвязь правового государства и прав человека в рамках их доктринальных трактовок

В статье исследована связь правового государства и прав человека в рамках многообразия их понимания. Анализируются естественно-правовые, позитивистские, либеральные теории взаимосвязи правового государства и прав человека, практика их воплощения в различных государствах, особенности проявления связанности государства и прав человека в РТ.

Miraliev I. K.

Annotation

Interaction of the law-based state and human rights in the framework of their doctrine definitions

In this article is considered the relation of the law-based state and human rights within the variety of their definition. It also analyzed natural and legal, positive and liberal theories of interaction of the law-based state and human rights, the practice of their realization in different countries, the features of demonstration of the state connectivity and human rights in the Republic of Tajikistan.

II. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

САЛОХИДИНОВА С. М. *

ПРАВО НА ОБЪЕДИНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: право на объединение, право на предпринимательскую деятельность, юридические лица.

Keywords: right to association, right to entrepreneurial activity, legal entities.

В силу имеющихся особенностей многие индивидуальные интересы могут быть реализованы в коллективной форме посредством объединения их обладателей в различные сообщества. Подобный процесс является результатом реализации права на объединение, закрепленного в ст. 28 Конституции Республики Таджикистан (РТ). Данное право предоставляет возможность совместного осуществления различных форм деятельности посредством объединения способностей и возможностей их носителей для достижения общих целей⁹³.

Законодательство РТ раскрывает право граждан на объединение посредством включения в него права создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей, вступать в существующие общественные объединения или воздерживаться от вступления в них, а также беспрепятственно выходить из этих объединений.

Законодательные положения о праве на объединения в свою очередь основываются на положениях основных международных актов в области прав человека, в частности ст. 20 Всеобщей декларации прав человека и гражданина и ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, анализируя которые, А. М. Диноршоев обращает внимание на ряд моментов. Во-первых, данное право принадлежит всем индивидам, вне зависимости от гражданства и места жительства, то есть иностранные граждане также обладают правом создавать ассоциаций в чужом государстве. Во-вторых, данное право подразумевает, что лица могут, как создавать, так и вступать в уже существующие ассоциации и объединения. В-третьих, в содержание статьи устанавливается цель создания ассоциаций – защита своих интересов. В-четвертых, хотя особое внимание уделяется профсоюзам, это не означает, что данная норма не защищает другие формы ассоциаций⁹⁴.

Содержание указанных международных актов характеризует данное право как правовую возможность каждого добровольно создавать ассоциации с дру-

---

*ассистент кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ

⁹³ Права человека (на тадж. яз.) / под общ. ред. Т.Н. Зиеева, А.Т. Халикова и Р.Ш. Сативолдиева. – Душанбе, 2010. – С.164.

⁹⁴ Диноршоев А. М. Права человека: учебник для ВУЗов. – Душанбе, 2010. – С. 157.

гими, а также свободно осуществлять свою деятельность, не подвергаясь незаконным и необоснованным ограничениям.

Право на объединение обычно причисляется к группе политических прав и свобод и определяется как обеспечивающее правовые условия и гарантии для участия каждого в общественной и политической жизни страны и управлении государством, способствующее развитию политической активности и самостоятельности граждан, гарантирующее удовлетворение их многообразных политических интересов для защиты своих прав и свобод⁹⁵. В этом контексте возможность использования данного права ограничивается созданием политических партий и иных объединений, деятельность которых имеет некоммерческий характер. Такие объединения могут осуществлять свою деятельность лишь для реализации общественно-политических интересов.

В свою очередь Д. А. Алимов, причисляя право на объединение к группе политических права и свобод, тем не менее указывает, что в результате его реализации могут создаваться предпринимательские объединения, имеющие свою специальную правовую основу в виде соответствующих законов⁹⁶.

Вместе с тем существует и другое мнение. Так, рассматривая конституционную природу права на объединение, Д. А. Малый отмечает, что объединения граждан являются формой вовлечения населения страны в активную политическую, экономическую и социально-культурную деятельность. В этой связи право на объединение способствует реализации различных субъективных прав в соответствующих сферах общественной жизни, и в зависимости от этого его можно охарактеризовать как личное, социальное, политическое, экономическое, экологическое субъективное право⁹⁷. Согласно мнению указанного автора, правовая природа права на объединение носит изменчивый характер и зависит от целей и интересов, на достижение которых направлена деятельность их участников. Наряду с этим Д. А. Малый считает, что конституционные нормы о праве на объединения, реализуемые юридическими лицами, производного от соответствующих прав физических лиц – участников этих юридических лиц, не могут распространяться на такие юридические лица, как коммерческие организации, состоящие из одного участника – физического лица⁹⁸. Данный подход выглядит не совсем верным, поскольку не учитывает того, что юридические лица могут выступать в качестве учредителей и участников других предпринимательских объединений как коммерческого, так и некоммерческого характера. Кроме того, физическое лицо, являясь единственным участником юридического

---

⁹⁵ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. О.И. Туинова. - М.: Норма, 2005. – С. 96; Стрекозов В. Г. Конституционное право России. – М., 2010. – С. 136, 137.

⁹⁶ Алимов Д. А. Конституционное право на объединение: механизм обеспечения и пределы ограничения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2001. – С. 20.

⁹⁷ Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2002. – С. 8.

⁹⁸ Малый Д. А. Указ. соч. — С. 8.

лица, во взаимоотношениях с другими хозяйствующими субъектами действует от имени созданного им юридического лица и выступает как коллективное образование.

В контексте изложенного в прямой зависимости от рассматриваемого вопроса находится определение характера объединений, создание которых является результатом реализации права на объединение, то есть необходимости определения включает ли данное право возможность образовывать объединения, имеющие в своей основе реализацию экономических интересов, либо ограничивается теми, которые преследуют реализацию нематериальных интересов их учредителей и участников.

По данному вопросу в литературе существуют два подхода. Сторонники первого подхода отмечают, что право на объединение охватывает своим содержанием не только область политико-правовых отношений, но является более широкой, включая экономические и иные сферы, в которых гражданин может проявить индивидуальные способности, реализовать самые разнообразные интересы и удовлетворять различные потребности. Право на объединение применяется и в предпринимательской сфере, представляя возможность лицам, намеревающимся осуществлять предпринимательскую деятельность, учреждать коммерческие организации различных организационно-правовых форм (акционерные общества, товарищества, кооперативы и т. п.)⁹⁹.

В рамках второго подхода некоторые ученые ограничивают сферу применения данного права, отмечая, что «вряд ли право каждого на объединение предполагает свободу создания таких организационно-правовых форм, как хозяйственные общества и товарищества, поскольку они создаются, главным образом, с целью вложения финансовых средств и ведения предпринимательской деятельности». Данный вывод преимущественно обосновывается тем, что действие Закона «Об общественных объединениях» не распространяется на коммерческие организации и создаваемые ими некоммерческие союзы (ассоциации)¹⁰⁰.

По мнению С. А. Авакьяна, право на объединение служит основой выражения личных некоммерческих интересов граждан в общественных сферах. Если граждане создают свои объединения в коммерческих целях для осуществления хозяйственной деятельности и извлечения прибыли, тогда правовой осно-

---

⁹⁹ Малый Д. А. Указ. раб. – С. 3; Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. – М., 1998. – С. 36; Грачев Н. А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2006. – № 8. – С. 17.; Рахимов М. З. Конституционные основы прав и свобод на занятие предпринимательской деятельностью / Конституционное развитие Таджикистана и США // Матер. межд. научного семинара. – Душанбе, Ура-Тюбе, 20–24 июня 1995 г. – Душанбе, 1997. – С. 88–93.

¹⁰⁰ Гаджиев Г. А. Основные экономические права и свободы предпринимателей в Российской Федерации // Электронный ресурс. Режим доступа: www.law.edu.ru (дата обращения 12.10.2011 г.); Любутов Н. А. Конституционное право граждан на объединение: правовая природа и механизм реализации: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 25.

вой их союзов является не право на объединение, а право на свободу экономической деятельности¹⁰¹.

Изучив изложенные точки зрения, необходимо отметить, что Конституция РТ, закрепляя право на объединение, ограничивает сферу его применения созданием политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, подробный перечень которых определяется соответствующими законами.

Если исходить из узкой трактовки и характеризовать данное право как политическое, исключающее возможность создавать коммерческие объединения, то возможность применения конституционных норм в отношении коммерческих юридических лиц ограничивается, в частности, при таком подходе на юридические лица не могут распространяться конституционные обязанности платить налоги и сборы.

На наш взгляд, объединение в конституционно-правовом смысле является универсальным и охватывает собой также и предпринимательские образования, предполагающие возможность создания гражданами коммерческих объединений различных организационно-правовых форм. В этом контексте соотношение между правом на предпринимательскую деятельность и правом на объединение выражается в том, что последнее расширяет правовые возможности человека, позволяя реализовывать свои экономические интересы также и в коллективной форме, то есть путем создания либо участия в деятельности коммерческих юридических лиц. Данное право позволяет использовать его как нормативную основу осуществления предпринимательской деятельности в коллективной форме¹⁰².

В обосновании данной позиции можно сослаться на зарубежную судебную практику. Так, Конституционный суд Российской Федерации исходит из той позиции, что коммерческие организации (акционерные общества, товарищества и общества с ограниченной ответственностью) являются объединениями – юридическими лицами, созданными гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности и право иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами¹⁰³.

---

¹⁰¹ Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. – М, 2015. – С. 523.

¹⁰² Салохидинова С. М. Понятие и классификация гарантий реализации прав на предпринимательскую деятельность // Правовая жизнь. – Душанбе, 2014. – № 2. – С. 46.

¹⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах» // Конституция в постановлениях Конституционного суда России (1992–2014) // под общ. ред. Л.О. Иванова. – М., 2015. – С. 738.

Общественные объединения способствуют концентрации возможностей и стремлений его учредителей и участников по реализации их прав и интересов в различных сферах общественных отношений. В этом смысле создание либо участие в деятельности коммерческих организаций как разновидности объединений позволяет реализовать конституционное право на предпринимательскую деятельность объединяющихся в него лиц.

Помимо возможности создавать коммерческие объединения, данная норма позволяет предпринимателям в целях защиты своих прав и законных интересов, а также координации их деятельности, создавать на добровольной основе некоммерческие объединения в форме ассоциаций и союзов¹⁰⁴.

На сегодняшний день в Таджикистане созданы и действуют следующие общественные объединения предпринимателей: «Союз предпринимателей экспертов Таджикистана», «Центр свободного рынка Таджикистана», «Национальная Ассоциация малого и среднего бизнеса», «Ассоциация микрофинансовых организаций Таджикистана», «Ассоциация банков Таджикистана», «Ассоциация предпринимателей Республики Таджикистан» и другие.

Таким образом, можно констатировать, что право на объединение дает гражданам возможность объединять свои материальные ресурсы в коммерческие юридические лица различных организационно-правовых форм, позволяет предпринимателям на основе взаимных интересов создавать различные ассоциации и союзы, а также каждая общественная организация может заниматься предпринимательством для удовлетворения своих уставных целей в соответствии с требованиями законодательства.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. – М, 2015.
2. Алимов Д. А. Конституционное право на объединение: механизм обеспечения и пределы ограничения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2001.
3. Гаджиев Г. А. Основные экономические права и свободы предпринимателей в Российской Федерации // Электронный ресурс. Режим доступа: www.law.edu.ru (дата обращения 12.10.2011 г.).
4. Грачев Н. А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8.

---

¹⁰⁴ Диноршоев А. М., Салохидинова С. М. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав и свобод: монография. – Душанбе, 2015. – С. 83.; Диноршоев А. М. Сравнительно-правовой анализ закрепления прав и свобод человека и гражданина в Конституциях Российской Федерации и Республики Таджикистан // Правовая жизнь – № 2. – 2014. – С. 46; Насурдинов Э. С. Предпосылки становления и перспективы развития правовоспитательной политики в Таджикистане // Правовая жизнь. – № 2. – 2015. – С. 21.

5. Диноршоев А. М. Права человека: учебник для ВУЗов. – Душанбе, 2010.
6. Диноршоев А. М., Салохидинова С. М. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав и свобод. – Душанбе, 2015.
7. Диноршоев А. М. Сравнительно-правовой анализ закрепления прав и свобод человека и гражданина в Конституциях Российской Федерации и Республики Таджикистан. Правовая жизнь. – Душанбе, 2014. – № 4.
8. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. О.И. Туинова. – М.: Норма, 2005.
9. Конституция в постановлениях Конституционного суда России (1992–2014) // под общ. ред. Л.О. Иванова. – М., 2015.
10. Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. – М., 1998.
11. Любутов Н. А. Конституционное право граждан на объединение: правовая природа и механизм реализации: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2011.
12. Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2002.
13. Насурдинов Э. С. Предпосылки становления и перспективы развития правозащитной политики в Таджикистане // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 2.
14. Права человека (на тадж. яз.) / под общ. ред. Т.Н. Зиеева, А.Т. Халикова и Р.Ш. Сативалдыева. – Душанбе, 2010.
15. Рахимов М. З. Конституционные основы прав и свобод на занятие предпринимательской деятельностью / Конституционное развитие Таджикистана и США // Матер. межд. научного семинара. – Душанбе, Ура-Тюбе, 20–24 июня 1995 г. – Душанбе, 1997.
16. Салохидинова С. М. Понятие и классификация гарантий реализации прав на предпринимательскую деятельность // Правовая жизнь. – Душанбе, 2014. – № 2.
17. Стрекозов В. Г. Конституционное право России. – М., 2010.

Салохидинова С. М.

Аннотация

Право на объединение как средство создания коллективных форм предпринимательства

Право на объединение предоставляет возможность совместного осуществления различных форм деятельности в различных сферах. Наиболее распространенной формой реализации данного права является создание объединений преимущественно политического, нематериального характера. В рамках на-

стоящей статьи предпринята попытка обоснования создания коммерческих юридических лиц как результат реализации права на объединение.

Salokhidinova S. M.

Annotation

The right to association as a means of the formation of the collective forms of an entrepreneurship

The right to association gives an opportunity to exercise activity in the different area of public life. The most spread form of the realization of this right is the formation of associations having political, not commercial character. In this article in shorted form attempted justification of the formation of commercial entity as a result of the realization of the right to association.

ШЕРОВ Ш. З. *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: ответственность, конституционно-правовая ответственность, юридическая ответственность, санкция.

Keywords: responsibility, constitutional and legal responsibility, legal responsibility, the sanction.

Возникновение и развитие идеи конституционно-правовой ответственности в Республике Таджикистан (РТ) непосредственно связаны с принятием Конституции 1994 г, т. е. это является совершенно новым институтом в практике нашего государства. Как новый институт конституционно-правовая ответственность в РТ еще не подвергалась исследованию, в то время как этот новый вид юридической ответственности в других странах постсоветского пространства, особенно в России, был подвергнут весьма тщательному анализу¹⁰⁵.

Следует отметить, что институт конституционно-правовой ответственности в РТ является еще одним из самых «молодых» институтов в отечественной государственной-правовой науке, и его развитие происходит весьма активно.

По мнению А. М. Диноршоева, институт конституционно-правовой ответственности является относительно новым для государственной и юридической практики РТ, доктрина конституционной ответственности и законодатель-

---

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ

¹⁰⁵ Авакьян С. А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. – 1975. – № 10. Виноградов В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности. // Законодательство. – 2002. – № 10. Витрук Н. В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. // Под. ред. Авакьяна. – М.

ная база для нее только формируются. Хотя нельзя не признать, что научные дискуссии о юридической природе конституционной ответственности ведутся уже давно¹⁰⁶.

Необходимо отметить, что ни в Конституции РТ 1994 г. и ни в Конституции других стран постсоветского пространства термин «конституционно-правовая ответственность» не используется, т. е. отсутствует законодательное регулирование понятийного аппарата конституционно-правовой ответственности. В связи с этим необходимо восполнить данный пробел конкретным научным исследованием. В этой связи следует отметить, что в странах постсоветского пространства, особенно в России, в последние годы начато учеными-юристами исследование проблем института конституционно-правовой ответственности. По данной теме защищены кандидатские диссертации¹⁰⁷, написаны научные статьи¹⁰⁸, монографические работы¹⁰⁹ и даже учебники¹¹⁰.

В ряду определений конституционно-правовой ответственности, сформулированных российскими учеными-юристами, мы находим юридическое содержание этого вида юридической ответственности как самостоятельного способа осуществления государственной власти.

Так, например, В. О. Лучин характеризует конституционную ответственность как обусловленную нормами Основного Закона необходимость соответствующих субъектов права отвечать за свое юридически значимое поведение в установленном порядке и действовать в соответствии с возложенными на них обязанностями, а в случае отклонения – претерпевать определенные лишения¹¹¹.

По мнению Н. М. Колосовой, «конституционная ответственность – это необходимость наступления неблагоприятных последствий за невыполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами права своих конституционных обязанностей и за злоупотребление своими конституционными правами»¹¹².

Н. А. Боброва и Т. Д. Зражевская отмечают, что конституционная ответственность – это особый вид ответственности, включающий в себя политическую, моральную и юридическую ответственность¹¹³. Аналогичной точки зрения придерживается известный российский ученый С. А. Авакьян, который от-

---

¹⁰⁶ Диноршоев А. М. Соотношение конституционно-правовой ответственности с другими видами юридической ответственности. / Наука и инновация (научный журнал) / Серия гуманитарных наук. – Душанбе: «Сино», 2014. – С. 87.

¹⁰⁷ Авдеенко М. П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Спец.: 12. 00. 02. – М.: РГУ, 2003.

¹⁰⁸ Авакьян С. А. Санкции в советском государственном праве // Советское государство и право. – 1973. – № 11.

¹⁰⁹ Боголейко А. М. Соотношение конституционно-правовой и политической ответственности // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сборник статей / БГУ. – Минск: право и экономика, 2011. – (Серия гуманитарные науки). – С. 197–204.

¹¹⁰ Дзидзоев Р. М. Конституционно-правовая ответственность: учебник. – Краснодар, 2011.

¹¹¹ Лучин В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. – М., 2002. – С. 283.

¹¹² Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. – М., 2000. – С. 8.

¹¹³ Боброва Н. А., Зражевская Т. Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. – Воронеж, 1985. – С. 69–70.

мечает, что конституционно-правовая ответственность зачастую есть политическая ответственность, всего лишь сопровождаемая конституционно-правовой формой. Более того, порой конституционно-правовая ответственность связана также с морально-нравственной подоплекой принятия соответствующих мер¹¹⁴.

М. В. Баглай трактует конституционную ответственность и пишет: «Что же касается собственно конституционно-правовой ответственности, то она предусмотрена нормами самого конституционного права. Эта ответственность не имеет ни материального, ни репрессивного характера. На гражданина, если он не является должностным лицом, эта ответственность не распространяется»¹¹⁵.

В понимании Д. Б. Каткова и Е. В. Корчиги, «конституционно-правовая ответственность определяется по иному: « это применение к лицу (органу, государству), виновному в нарушении предписаний конституционно-правовых норм, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы и выражающихся в отрицательных для него последствиях личного, организационного или имущественного характера»¹¹⁶.

По мнению Д. Т. Шона, конституционно-правовая ответственность – это отрицательная оценка деятельности субъекта, в результате чего он испытывает неблагоприятные последствия – ограничения либо лишения политических, юридических или других интересов¹¹⁷.

Е. И. Козлова, и О. Е. Кутафин, определяя конституционно-правовую ответственность, говорят, что «она, как и любая другая юридическая ответственность, является мерой государственного принуждения, основанной на юридическом и общественном осуждении правонарушения и выражающейся в установлении для правонарушителя определенных отрицательных последствий»¹¹⁸.

М. С. Гафуров, изучая вопросы конституционно-правовой ответственности в РТ, полагает, что конституционно-правовая ответственность – это ответственность за ненадлежащее осуществление публичной власти должностными лицами и органами государственной власти. При этом он подчеркивает, что особенности конституционно-правовой ответственности обусловлены особым субъектом – должностными лицами органов публичной власти и непосредственно органами публичной власти, соответственно предметом исследуемого вида ответственности является надлежащий порядок осуществления публичной власти¹¹⁹.

Таким образом, вышеприведенные подходы к понятию «конституционно-правовая ответственность» позволяют нам получить четкое представление о

---

¹¹⁴ Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. – М., 2006. – С. 92–93.

¹¹⁵ Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1996. – С. 39.

¹¹⁶ Катков Д. Б., Корчиги Е. В. Конституционное право России: учебное пособие / Отв. ред. академик РАЕН Ю.А. Веденеев. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 16.

¹¹⁷ Шон Д. Т. Конституционная ответственность // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 41.

¹¹⁸ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – С. 43.

¹¹⁹ Гафуров М.С. Конституционно- правовая ответственность органов государственной власти в Республике Таджикистан: дис.... канд. юрид. наук. - М., 2013. - С.21.

настоящем виде юридической ответственности как самостоятельного способа осуществления государственной власти. В каждом из приведенных определений мы находим отдельные аспекты предназначения конституционно-правовой ответственности, в частности, понимание конституционно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, его принципиальное предназначение и т. д. С другой стороны, как показывает анализ конституционно-правовой литературы, среди ученых не существует единого мнения не только в отношении определения самого понятия конституционно-правовой ответственности, но и даже в литературном ее обороте, т. е. в названии данного вида ответственности. Рассматриваемый институт именуется конституционной, конституционно-правовой, государственно-правовой или публичной ответственностью.

Так, ряд авторов (Колосова Н. М., Овсепян Ж. И., Червонюк В. И., Матросов С. Н., Гороховцев О. В. и др.) употребляют термин «конституционная ответственность», другие авторы (Авдеенкова М. П., Виноградов В. А., Козлова Е. И., Кутафин О. Е., Кондрашев А. А. и др.) используют термин «конституционно-правовая ответственность». М. В. Баглай использует как термин «конституционная ответственность», так и термин «конституционно-правовая ответственность»¹²⁰, не проводя между ними различий.

Другие авторы, напротив, рассматривают данный вид ответственности и обосновывают различия между перечисленными терминами. Например, А. В. Зиновьев считает, что необходимо различать понятия «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность», поскольку в данном случае он считает, что понятие «конституционная ответственность», пределы применения которой ограничены рамками конституционного права, является наиболее приемлемым. По его мнению, конституционная ответственность – это только та ответственность, которая наступает за нарушения Конституции и предусмотрена нормами конституционного права. Когда мы говорим о конституционно-правовой ответственности, речь идет о двух видах ответственности – конституционной и правовой. Первая наступает за нарушение конституционных норм и распространяется на государство, органы государства, должностных лиц, на органы местного самоуправления; вторая включает в себя правовую ответственность за нарушения Конституции иными субъектами по другим отраслям права¹²¹. Таким образом, Зиновьев А. В. приходит к выводу, что понятие «конституционно-правовая ответственность» шире, чем понятие «конституционная ответственность».

Подобное понимание можно найти и у А. А. Безуглова и С. А. Солдатова. Они полагают, что более верным является название «конституционно-правовая ответственность», поскольку «конституционная ответственность – это ответственность, которая предусмотрена нормами Конституции и может наступить при

---

¹²⁰ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1998. – С. 33–34.

¹²¹ Зиновьев, А. В. Конституционная ответственность. // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 4–16.

нарушении конституционных обязанностей. Что же касается конституционно-правовой ответственности, то она предусмотрена нормами конституционного права и может быть применена за нарушение обязанностей, закрепленных нормами конституционного права. А так как конституционное право в настоящее время включает в себя нормы права, не только закрепленные в Конституции, но и содержащиеся во многих других источниках конституционного права, то, естественно, понятие конституционно-правовой ответственности значительно шире понятия конституционной ответственности»¹²².

Н. А. Боброва и Т. Д. Зражевская различают конституционную и государственно-правовую ответственность, однако вкладывают в эти понятия немного другое значение. По их словам, «государственно-правовую ответственность как «особый вид ответственности за нарушение конституции» многие ученые именуют также конституционно-правовой ответственностью». В известном смысле понятия государственно-правовой и конституционной ответственности могут употребляться как тождественные, через скобки: государственно-правовая (конституционная) ответственность. Действительно, ответственность за нарушение конституционных норм, в широком смысле охватывая все виды юридической ответственности (в широком смысле все виды юридической ответственности направлены на охрану Конституции), в узком же, собственном смысле слова, имеет свой отраслевой канал реализации – государственно-правовые меры ответственности.

Также нельзя поставить абсолютный знак равенства между понятиями государственно-правовой и конституционной ответственности. Это в большом объеме пересекающиеся, но все же не совпадающие полностью понятия. С одной стороны, государственно-правовая ответственность поглощает конституционную, поскольку конституционные нормы – часть государственно-правовых норм. С другой стороны, объем понятия конституционной ответственности по своим социально-политическим «ёмкостям» не может быть исчерпан юридическим понятием государственно-правовых мер ответственности. Если государственно-правовая ответственность – прежде всего проблема конституционной деликтологии, восстановления конституционного статус-кво, повышения эффективности социального государственно-правового статуса и, наконец, оснований лишения этого статуса, то социально-правовое содержание конституционной ответственности значительно глубже¹²³.

Что же касается «публично-правовой ответственности», то И. А. Умнова считает, что данная категория шире, чем понятие «государственно-правовой ответственности», так как «по объекту и объективной стороне публично-правовая ответственность охватывает не только отношения, регулируемые государственным правом, но и административным, хозяйственным, финансовым,

---

¹²² Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России. Т. 1. – М., 2001. – С. 65.

¹²³ Боброва Н.А., Зражевская Т. Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм.- Воронеж, 1985.- С. 69-70.

природоресурсным и иными отраслями права, связанными с регулированием властной компетенции законодательных и исполнительных органов государственной власти, их взаимоотношений с судебными и надзорными органами в процессе осуществления функций публичной власти»¹²⁴. Отсюда вытекает, что И. А. Умнова отождествляет предмет конституционного права с отношениями, регулируемые другими отраслями права.

Таким образом, из всего изложенного можно сделать вывод, что необходимо выработать общее название данного феномена, поскольку различные точки зрения юристов приводят нас лишь к запутыванию в его употреблении. Мы также считаем, что необходимо различать понятия «конституционная» и «конституционно-правовая ответственность», поскольку их отличительной особенностью является то, что, во-первых, конституционная ответственность – это та ответственность, которая наступает за нарушение норм Конституции и которая предусмотрена нормами конституционного права. Во-вторых, конституционная ответственность применяется только в отношении органов государства всех звеньев и их должностных лиц. В-третьих, конституционная ответственность свободна от репрессивных мер, она носит политико-правовой характер.

Литература:

1. Авакьян С. А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. – 1975. – № 10.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. – М., 2006.
3. Авакьян С. А. Санкции в советском государственном праве // Советское государство и право. – 1973. – № 11.
4. Авдеенко М. П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. спец. 12. 00. 02 . М., РГУ, 2003.
5. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1996.
6. Боброва Н. А., Зражевская Т. Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. – Воронеж, 1985.
7. Боголейко А. М. Соотношение конституционно-правовой и политической ответственности // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сборник статей / БГУ. – Минск: право и экономика, 2011. – (Серия гуманитарные науки).
8. Диноршоев А. М. Соотношение конституционно-правовой ответственности с другими видами юридической ответственности. / Наука и инновация (научный журнал) / Серия гуманитарных наук. – Душанбе: «Сино» – 2014.

---

¹²⁴ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. с. 219-220.

9. Дзидзоев Р. М. Конституционно-правовая ответственность: учебник. – Краснодар. 2011.
10. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. – М., 2000.
11. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. – М., 2002.

Шеров Ш. З.

Аннотация

Теоретические аспекты конституционно-правовой ответственности в Республике Таджикистан

Автор исследует в статье конституционно-правовую ответственность, которая является одним из наиболее значимых и важных институтов для любой государственно-правовой модели. К сожалению, в Республике Таджикистан она пока не сложилась в четкую, эффективно работающую систему. Причины, правовая и политическая природа, сущность данного института, а также перспективы его становления и укрепления исследуются с учетом таджикского и международного опыта формирования конституционно-правовой ответственности.

Sherov Sh. Z.

Annotation

Theoretical aspects of the constitutional and legal liability in the Republic of Tajikistan

In the article the author considers constitutional and legal liability, which is one of the most significant and important institute for any state-legal model. Unfortunately, in the Republic of Tajikistan this definition has not been developed in accurate effectively working system yet. The reasons, legal and political nature, essence of this institute and also prospects of its formation and strengthening are examined taking into account the Tajik and international experience in formation of constitutional and legal liability.

ХОЛОВА Н. Р. *

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ТАДЖИКИСТАНЕ

---

*соискатель кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ

Ключевые слова: конституция, права человека, судебная власть, судебная защита.

Keywords: constitution, human rights, judicial authority, judicial protection.

Современное мировое сообщество невозможно представить без закрепления прав и свобод человека, основанных на принципах равенства, свободы, справедливости и неотчуждаемости. Они закреплены практически во всех конституциях стран мира, в том числе и в Конституции Республики Таджикистан (РТ), а также в основных международных документах по правам человека – Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах.

Конституция РТ в ст. 5 провозглашает, что права человека являются высшей ценностью, а их уважение, соблюдение и защита – обязанностью государства. В реализации данного положения Конституции РТ принимают участие все ветви власти, но центральное место занимает судебная власть как основной механизм защиты прав человека. При этом следует подчеркнуть, что судебная защита прав человека может быть эффективной только при условии создания самостоятельности судебной власти и подлинной независимости судей.

Как отмечает А. М. Диноршоев, принцип независимости судей наиболее точно отражает идею существования самостоятельной власти, обособленной от других ветвей, и подчинение ее только закону. Независимость судебной власти выражается именно в этих двух аспектах¹²⁵.

Н. В. Витрук указывает, что судебную власть осуществляют суды, которые, не подменяя законодательные и исполнительные органы государственной власти, разрешая конфликты между ними и другими субъектами общественных отношений на основе Конституции и закона, являются эффективным средством механизма сдержек и противовесов¹²⁶. Такой статус может быть обеспечен только при независимой судебной власти.

В свою очередь В. В. Ершов подчеркивает, что независимость суда в правовом государстве не является самоцелью судей, а в конечном итоге служит обязательным, жизненно важным условием обеспечения прав и свобод граждан¹²⁷.

Практически во всех конституциях данное положение воспроизведено как базисное, и заключается данный тезис в том, что судебная власть вверяется судьям, которые осуществляют ее независимо и подчинены только Конститу-

---

¹²⁵ Диноршоев А. М. Право на судебную защиту и юридическую помощь. – Душанбе, 2006. – С. 6.

¹²⁶ Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России. (1991–2001 г.). – М., 2001. – С. 78.

¹²⁷ Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 2012. – С. 76–77.

ции и законам. Не является исключением и РТ, в ст. 87 Конституции которой предусмотрено, что судьи независимы и подчиняются только закону. Как отмечает А. Е. Чернов, независимость судей является основным условием функционирования самостоятельной судебной власти, призванной обеспечить беспристрастное правосудие и максимально полно защитить права и свободы человека¹²⁸.

В этой связи А. М. Диноршоев отмечает, что защита прав человека, осуществляемая судами, занимает центральное место в системе защиты прав человека. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, большим арсеналом средств, призванных защищать права человека, и, во-вторых, кругом рассматриваемых вопросов. В суде могут быть обжалованы все решения и действия должностных лиц и органов государственной власти¹²⁹.

Как видно из приведенных выше точек зрения, одним из основных критериев защиты прав человека является вопрос обеспечения самостоятельности и независимости судебной власти. На это также обращает свое внимание В. П. Кашепов, который указывает, что одним из основных критериев самостоятельности судебной власти является ее способность обеспечить действительную безопасность личной свободы гражданина, осуществить эффективную защиту его прав и свобод¹³⁰.

В этом контексте необходимо отметить, что судебная власть, прежде всего, должна основываться на неукоснительном соблюдении Конституции и законов, которое является одним из основных атрибутов правового государства.

Правовое государство предполагает состояние защищенности прав и свобод человека и гражданина, гарантированных конституцией страны, и обладает правовым механизмом их защиты и в первую очередь – судебной защитой.

Статьи 5, 17, 19, 84 Конституции РТ закрепляют приоритетную конституционную цель судебной власти – защиту прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, судебная защита – одно из необходимых условий правовой защищенности личности, характеризующееся предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты. Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократичности самого общества¹³¹.

---

¹²⁸ Чернов А. Е. О роли судебной власти в сфере защиты прав человека. // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. С. 301.

¹²⁹ Диноршоев А. М. Указ. раб. – С. 6. Он же. Президент Республики Таджикистан в системе органов государственной власти. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 1 (09). – С. 42.

¹³⁰ Кашепов В. П. Судебная защита прав и свобод граждан. – М.: Норма, 2012. – С. 4.

¹³¹ Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов / под ред. акад. В.В. Лазарева. – М., 1994. – С. 187–192.

В соответствии со ст. 9 Конституции РТ государственная власть осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Судебная власть, являясь самостоятельной ветвью государственной власти, реализует свои полномочия посредством правосудия, при этом самостоятельность в системе разделения властей не исключает ее взаимодействия и с другими ветвями власти.

Как отмечает А. М. Диноршоев, если принцип разделения властей допускает переплетения функций законодательной и исполнительной ветвей власти, то правосудие не может осуществляться каким-либо другим органом, кроме суда.

Статья 87 Конституции РТ запрещает вмешательство в деятельность судов. Таким образом, исключается и всякое вмешательство в отправлении правосудия и тем более оценка решений суда органами законодательной и исполнительной власти с позиций их целесообразности. Запрет чьего бы то ни было вмешательства в деятельность судьи по осуществлению правосудия связан с независимостью судей – главным условием существования в стране самостоятельной и авторитетной судебной власти, способной защищать права и законные интересы граждан¹³².

В свою очередь А. С. Автономов указывает, что принцип независимости судей не должен трансформироваться в независимость от закона, сопровождающийся неформальной зависимостью от других органов государственной власти, прежде всего местной администрации¹³³.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что взаимодействие судебной с прочими ветвями власти осуществляется по двум основным направлениям: назначение и отстранение от должности судей и осуществление контроля за деятельностью органов законодательной и исполнительной власти¹³⁴.

Исходя из высказанных точек зрения, мы можем отметить, что законодательная и исполнительная ветви власти не обладают легальными полномочиями влияния на сферу деятельности судебной власти. Но при этом они принимают участие в обеспечении эффективности и качества функционирования судебной власти. Так, органы исполнительной власти осуществляют подготовку судебных кадров, обеспечивают организационную и материальную базу судов и т. д. Законодательная власть в свою очередь определяет границы правовой сферы, т. е. круг правоотношений, подлежащих судебной защите.

---

¹³² Диноршоев А. М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007. – С. 108; Насурдинов Э. С. Предпосылки становления и перспективы развития правовоспитательной политики в Таджикистане // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 2. – С. 21.

¹³³ Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М., 1999. – С. 322.

¹³⁴ Диноршоев А. М. Указ. раб. – С. 109.

Таким образом, можно заключить, что, осуществляя свою деятельность по защите прав человека, судебная власть должна быть независима и самостоятельна и опираться только на положения конституции и законов страны. Судебная защита прав и свобод человека посредством правовых средств является наиболее эффективным механизмом восстановления нарушенных прав. Судебная власть же представляет собой основную структуру для защиты прав человека в государстве.

Как отмечает Л. Ю. Грудцына, характер судебной защиты позволяет считать ее универсальным, а потому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности. Основная черта судебной защиты – ее неограниченность. Она выражается, во-первых, в том, что, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц, так как судебные решения обязательны для всех субъектов права, и в этом проявляется сила судов как государственной власти. Суды выносят решения от имени государства, и государство обеспечивает исполнение этих решений, при этом право на судебную защиту гарантируется не только гражданам, но и иностранцам и не имеющим гражданства лицам (апатридам).

Во-вторых, судебной защите подлежат все без исключения права и свободы, принадлежащие индивиду как в силу прямого указания конституции и иных законов, так и не имеющие нормативного закрепления, но не противоречащие закону.

В-третьих, Международный пакт о гражданских и политических правах обязывает государство обеспечить любому лицу, чьи права и свободы нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, т. е. возможность обжалования в суде решений и действий (бездействия) любых государственных органов¹³⁵.

В заключение следует отметить, что правовое и демократическое государство должно признавать приоритет прав и свобод человека, так как в государственной деятельности они всегда занимают важное место. Также необходимо подчеркнуть, что судебная власть наделена необходимым объемом полномочий по защите прав и свобод в Таджикистане.

Литература:

1. Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М., 1999.

---

¹³⁵ Грудцына Л. Ю. К вопросу о понятии и особенностях судебной защиты прав и свобод личности // Право и жизнь. № 105. Электронная версия журнала. Подробно см. сайт: law-n-life.ru.

2. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 г). – М., 2001.
3. Диноршоев А. М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007.
4. Диноршоев А. М. Право на судебную защиту и юридическую помощь. – Душанбе, 2006.
5. Диноршоев А. М. Президент Республики Таджикистан в системе органов государственной власти. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 1 (09).
6. Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 2012.
7. Кашепов В. П. Судебная защита прав и свобод граждан. – М.: Норма, 2012.
8. Насурдинов Э. С. Предпосылки становления и перспективы развития правовоспитательной политики в Таджикистане // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 2.
9. Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов / под ред. акад. В.В. Лазарева. – М., 1994.
10. Чернов А. Е. О роли судебной власти в сфере защиты прав человека. // Вестник Чувашского университета, 2014. – № 3.

Холова Н. Р.

Аннотация

Роль судебной власти в сфере защиты прав человека в Таджикистане

В данной статье рассмотрены основы судебной системы, принципы независимости и самостоятельности судебной власти как механизмы эффективной защиты прав и свобод человека в Таджикистане.

Kholova N. R.

Annotation

The role of the judiciary in the sphere of protection of human rights in Tajikistan

The foundation of the judicial system, the principles of the independence and autonomy of the judiciary as mechanisms of the effective human rights and freedoms protection in Tajikistan are considered in this article.

БОЙНАЗАРОВА Ш. С. *

---

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ.

ПОНЯТИЕ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: гражданство, права человека, принципы, конституция.
Keywords: citizenship, human rights, principles, constitution.

К числу важнейших элементов института основ правового статуса человека и гражданина относится гражданство. В соответствии с Конституционным законом РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» от 08.08.2015 г. гражданство – это устойчивая политико-правовая связь лица с Республикой Таджикистан (РТ), включающая совокупность взаимных прав и обязанностей сторон. Как отмечает А. М. Диноршоев, устойчивость в данном случае заключается в том, что гражданство является бессрочным и человек обладает им в течение всей жизни, и без определенных законодательно установленных оснований человек не может потерять свое гражданство¹³⁶.

Гражданство является тем необходимым условием, которое является обязательным для того, чтобы человек получил те или иные права, свободы и мог исполнять обязанности, признаваемые за гражданином, кроме того, от государства гражданин также имеет право требовать создания благоприятных условий для жизни, защиты и покровительства за ее пределами¹³⁷.

Важное место в регулировании вопроса гражданства отводится принципам гражданства. Принципы гражданства выступают в качестве фундаментальных начал, которые закладывают основу правового регулирования вопросов гражданства, тем самым они определяют содержание и основные черты института гражданства. Следует подчеркнуть, что основные принципы гражданства являются одним из основных показателей степени демократичности государства и его отношений к правам человека¹³⁸.

В юридической литературе общепризнанным является то, что принципы представляют собой лежащие в его основе исходные начала, ведущие идеи и установки. При этом принципы института гражданства находятся в основе взаимосвязей элементов содержания гражданства, определяют его стабильность, представляют собой одно из важнейших средств познания его сущности¹³⁹.

Гражданство как составной элемент основ правового статуса человека опирается на те же принципы, что и другие их институты. Вместе с тем эти об-

---

¹³⁶ Конституционное право Республики Таджикистан: учебник. // Под ред. к. ю. н., доцента А.М. Диноршоева, к. ю. н., доцента Б.С. Гадоева. – Душанбе, 2015. – С. 137.

¹³⁷ Сагов Ч. А. Институт гражданства в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дисс. на соис. уч. степени к. ю. н. – М., 2011. – С. 49–50.

¹³⁸ Ванюшин Я. Л. Соотношение гражданства и подданства: некоторые вопросы теории и практики // Юристы-Правоведь. – 2007. – № 2. – С. 47–51.

¹³⁹ Сагов Ч. А. Указ. раб. С. 49–50.

щие начала в законодательстве о гражданстве выражаются в своих специфических формах. Они закреплены как общие положения, а также в виде специализированных положений, раскрывающих содержание гражданства. В частности, опираясь на данное свойство закрепления принципов гражданства, С. К. Косаков определяет принципы гражданства как начала, отправные идеи, которые выражают сущность института гражданства и составляют его главное содержание. При квалификации принципов гражданства он выбирал два направления: а) выявление общих принципов конституции, нашедших отражение в институте гражданства; б) выделение специфических принципов, присущих только данному институту¹⁴⁰.

Таким образом, в науке конституционного права принципы гражданства принято делить на общие принципы гражданства и специфические принципы гражданства.

К общим обычно относят принципы, характеризующие право в целом: народовластие, интернационализм, равноправие, гуманизм, демократизм, гражданственность, единство прав, свобод и обязанностей и др. К специфическим принципам гражданства относят те, которые имеют отношения только к данному институту. Они обусловлены предметом регулирования, а также влияют на методы юридической регламентации¹⁴¹.

Значимость принципов гражданства подтверждается и тем, что они закреплены в Конституции РТ и в Конституционном законе РТ «О гражданстве Республики Таджикистан».

Исходя из данных положений, можно определить суть и содержание принципов гражданства в РТ. В первую очередь, принципы гражданства являются исходными началами и отражают сущность института гражданства. Во-вторых, будучи закрепленными в конституции, они имеют прямое действие. В-третьих, они выступают как руководящие начала в правовой политике государства в области прав человека в целом и в области гражданства, в частности. В-четвертых, данные принципы демонстрируют взаимоотношения государства с личностью и являются показателем демократичности государства.

В статьях 4–8 11 конституционного закона РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» закреплены принципы гражданства. Рассмотрим эти принципы подробнее.

Право каждого лица на гражданство. В соответствии с данным принципом в РТ каждый имеет право на получение гражданства, а также его изменения¹⁴². Содержание данного принципа, как было отмечено выше, вытекает из содержания ст. 15 Конституции РТ, в соответствии с которой все лица, проживавшие на территории РТ в момент принятия Конституции, являются гражда-

---

¹⁴⁰ Российское гражданство: учебное пособие для вузов / под ред. проф. В.Я. Кикотя. – М., 2003. – С. 65.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Конституционное право Республики Таджикистан: учебник. // Под ред. к. ю. н., доцента А.М. Диноршоева, к. ю. н., доцента Б. С. Гадоева. – Душанбе, 2015. – С. 137.

нами РТ. Дальнейшая регламентация данного принципа осуществляется в конституционном законе РТ «О гражданстве Республики Таджикистан». В ст. 1 данного закона под гражданином РТ понимается также лицо, которое в соответствии с законодательством РТ и международными договорами Таджикистана приобрело гражданство РТ. Глава 2 данного закона посвящена порядку приобретения гражданства РТ.

Таким образом, можно заключить, что любое лицо, в том числе иностранец и лицо без гражданства, может получить гражданство РТ.

Равноправие граждан, не связанное с основаниями приобретения гражданства. Рассматривая данный принцип, А. М. Диноршоев отмечает, что гражданство РТ является равным, независимо от оснований его приобретения, а также от пола, национальности, возраста, социального происхождения и положения и т. п.¹⁴³ В свою очередь А. И. Имомов указывает, что, закрепляя принцип «равноправие граждан, не связанное с основаниями приобретения гражданства», законодательство устанавливает, что не допускается какое-либо преимущество или ограничение прав граждан в связи с основаниями приобретения им гражданства РТ. Законодательство предусматривает ответственность за нарушение равноправия граждан в зависимости от названных обстоятельств¹⁴⁴. Таким образом, исходя из данного принципа, можно заключить, что законодательство РТ о гражданстве, в отличие от ряда зарубежных стран, не устанавливает различий в правовом статусе лиц, получивших гражданство по различным основаниям (по рождению, в результате приема в гражданство, восстановления в гражданстве и т. д.). Так, например, в США граждане подразделяются на «коренных» и «натурализованных», что свидетельствует об их неравном прежде всего правовом и политическом положении. Согласно разделу 1 ст. II Конституции США, натурализованные граждане не имеют права баллотироваться на пост президента страны¹⁴⁵.

В РТ данный принцип гражданства всегда провозглашался в качестве одного из основополагающих. Это свидетельствует о приоритете защиты прав и свобод человека, закрепленном в законодательстве, и закреплении принципов построения правового и демократического государства.

Содействие предотвращению без гражданства. В соответствии со ст. 6 конституционного закона «О гражданстве Республики Таджикистан» РТ поощряет приобретение гражданства РТ лицами без гражданства. Закрепляя данную норму, законодатели в РТ руководствовались двумя основными положениями. Во-первых, соображением о негативном характере состояния без гражданства, требующим юридического разрешения. Во-вторых, защиту прав и свобод лиц без гражданства, которые закреплены в Конвенции о сокращении без граждан-

---

¹⁴³ Диноршоев А. М. Права человека: учебник для вузов. – Душанбе, 2010. – С. 78.

¹⁴⁴ Имомов А. И. Новый этап в развитии института гражданства в Республике Таджикистан. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 3. – С. 38.

¹⁴⁵ Дальдинова И. С. Конституционно-правовое регулирование приобретения и прекращения гражданства в Российской Федерации: дисс. на соис. уч. степени канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2011. – С. 72.

ства от 1961 г. Данная Конвенция предусматривает условия и порядок приобретения гражданства лицами без гражданства. С учетом положений ст. 10 Конституции РТ, включение данного положения Конвенции в национальное законодательство способствует выполнению РТ своих международных обязательств в области прав человека. Таким образом, мы видим, что РТ заинтересовано в сокращении количества лиц без гражданства и предпринимает все усилия во избежание этого негативного явления.

Сохранение гражданства Республики Таджикистан, независимо от места проживания, заключения и расторжения брака. Проживание гражданина РТ за ее пределами не прекращает его гражданства, за исключением определенных случаев, предусмотренных законом¹⁴⁶. Данный принцип вытекает из содержания конституционной свободы передвижения и выбора места жительства, которое подразумевает права каждого гражданина РТ свободно выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться.

Основания для прекращения гражданства в случае проживания за границей четко определены в законодательстве. Так, гражданин РТ, поступивший на военную службу в органы безопасности, органы юстиции, правоохранительные органы или иные органы государственной власти в иностранном государстве, утрачивает гражданство РТ, если в международных договорах Таджикистана не предусмотрено иное. Также гражданин РТ, добровольно приобретавший гражданство иностранного государства, с которым РТ не имеет договора о двойном гражданстве, утрачивает гражданство Республики Таджикистан. Ст. 7 данного конституционного закона РТ раскрывает содержание принципа сохранения гражданства при заключении и расторжении брака. В соответствии с ним заключение и расторжение брака гражданином РТ с лицом, не принадлежащим к гражданству РТ, не влечет за собой изменения гражданства. Изменение гражданства одним из супругов не влечет за собой изменения гражданства другого супруга. Расторжение брака не влечет за собой изменения гражданства родившихся в этом браке или усыновленных детей.

Запрет на выдачу гражданина РТ другому государству. Ст. 16 Конституции устанавливает, что ни один гражданин республики не может быть выдан иностранному государству. Выдача преступника иностранному государству разрешается на основании двухстороннего соглашения. Далее этот принцип раскрывается в законодательстве РТ. Так, ст. 5 Конституционного закона РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» устанавливает запрет на выдачу гражданина Республики Таджикистан другому государству. Выдачи лица, совершившего преступление, иностранному государству решается на основе международных договоров Таджикистана.

В юридической литературе под выдачей (экстрадицией) понимается передача преступника государством, на территории которого он находится, дру-

---

¹⁴⁶ Конституционное право Республики Таджикистан: учебник. // Под ред. А.М. Диноршоева, Б.С. Гадоева. – Душанбе, 2015. – С. 137.

гому государству в целях привлечения его там к уголовной ответственности или для приведения в исполнение вынесенного там приговора¹⁴⁷. Данный вопрос, как правило, возникает в случае, если гражданин РТ совершает преступление за рубежом и возвращается на родину.

Принцип невыдачи граждан, совершивших преступление на территории иностранного государства, содержится в УК РТ. Необходимо отметить, что наличие данного принципа не в коей мере не означает освобождение лица, совершившего преступление от наказания. Ст. 15 УК РТ устанавливает, что гражданин РТ, а также постоянно проживающее в ней лицо без гражданства за преступление, совершенное на территории иностранного государства привлекается к уголовной ответственности в соответствии с УК РТ в случае, если совершенное им деяние признается преступлением в государстве, на территории которого совершено такое деяние и если это лицо не было осуждено за данное преступление в иностранном государстве.

Также важное значение для решения данного вопроса имеют международные документы, которые подписаны РТ в этой области.

Защита и покровительство граждан РТ, находящихся за пределами РТ. Ст. 16 Конституции РТ определяет, что гражданин Таджикистана за пределами страны находится под защитой государства. Дальнейшее закрепление данный принцип получает в ст. 11 указанного закона, в соответствии с которой гражданин РТ, находящийся за пределами РТ, пользуется защитой и покровительством РТ. Государственные органы РТ, дипломатические представительства, консульские учреждения и другие официальные представительства РТ обязаны содействовать тому, чтобы гражданин РТ мог в полном объеме пользоваться всеми правами, установленными законодательством, в государстве их проживания или государстве его пребывания, защищать его права и законные интересы. Таким образом, защита и покровительство своих граждан, находящихся за пределами страны, является конституционно-правовой обязанностью государства. Для граждан РТ реализация данного принципа имеет важное значение, так как многие граждане нашей страны выезжают за границу на работу. И надлежащая защита их интересов за пределами страны – одно из важнейших направлений в деятельности наших государственных органов.

Подводя итог рассмотрению основных принципов гражданства, закрепленных в конституционном законе РТ «О гражданстве Республики Таджикистан», можно сделать следующие выводы: во-первых, основные принципы гражданства, закрепленные в данном конституционном законе, соответствуют положениям международных договоров в области прав и свобод человека; во-вторых, данные принципы, будучи закреплены в Конституции и урегулированы в законодательстве о гражданстве, формируют единую систему национальных

---

¹⁴⁷ Бархатова Е. Ю. Гражданство и регистрация: Москва, Россия, СНГ. – М.: Проспект, 2004. – С. 9.

институтов гражданства, придавая им необходимую структурированность и направленность.

Литература:

1. Бархатова Е. Ю. Гражданство и регистрация: Москва, Россия, СНГ. – М.: Проспект, 2004.
2. Ванюшин Я. Л. Соотношение гражданства и подданства: некоторые вопросы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. – 2007. – № 2.
3. Дальдинова И. С. Конституционно-правовое регулирование приобретения и прекращения гражданства в Российской Федерации: дисс. на соис. уч. степени канд. юрид. наук – Ставрополь, 2011.
4. Диноршоев А. М. Права человека: учебник для вузов. – Душанбе, 2010.
5. Имомов А. И. Новый этап в развитии института гражданства в Республике Таджикистан. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 3.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации.// Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2000.
7. Конституционное право Республики Таджикистан. Диноршоев А. М., Гадоев Б. С. Салохидинова С. М., Сафаров Д. С. Под ред. Диноршоева А.М., Гадоев Б. С. Душанбе, 2015.
8. Российское гражданство: учеб. пособие для вузов // под ред. проф. В.Я. Кикотя. – М., 2003.

Бойназарова Ш. С.

Аннотация

Понятие и закрепление принципов гражданства в законодательстве Республики Таджикистан

Одним из важнейших элементов гражданства являются его принципы. Они выступают в качестве исходных положений, которые характеризуют сущность института гражданства. В статье автором на основе изучения юридической литературы дается оценка закрепленных в конституционном законе РТ «О гражданстве Республики Таджикистан» принципов гражданства.

Boynazarova Sh. S.

Annotation

The concept and fixation of the principles of citizenship in the legislation of the Republic of Tajikistan

The principles of citizenship are one of the most important elements of citizenship. They serve as starting points that characterize the essence of the institution of citizenship. In the article the author assesses the principles of citizenship, which enshrined in the Constitutional Law "On Citizenship of the Republic of Tajikistan", based on the study of legal literature.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ОРГАНА ПО ВОПРОСАМ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Ключевые слова: органы исполнительной власти, служба, таможенная служба, Правительство Республики Таджикистан.

Keywords: executive agencies, authorities, Customs, Government of the Republic of Tajikistan.

Конституция Республики Таджикистан в статье 9 провозглашает принцип разделения властей, в соответствии с которым власть осуществляется посредством законодательной, исполнительной и судебной власти. Тем самым Республика Таджикистан осуществляет свою деятельность через образованные в установленном законом порядке органы государственной власти. Органы государственной власти являются способом осуществления народом принадлежащей ей власти¹⁴⁸.

Особое, ключевое место в системе органов государственной власти в Республике Таджикистан занимают органы исполнительной власти¹⁴⁹.

Исполнительная власть является одной из трех ветвей власти. Считается, что исполнительная власть призвана, исходя из конкретных обстоятельств, непосредственно и практически организовывать и регулировать общественную жизнедеятельность людей. Иначе говоря, исполнительная власть осуществляет повседневное управление жизнью страны¹⁵⁰.

Таким образом, орган исполнительной власти – структурное подразделение государственно-властного механизма (государственного аппарата), создаваемое специально для повседневного функционирования в системе разделения властей с целью проведения в жизнь (исполнения) законов в процессе управления (регулирования) экономической, социально-культурной и административно-политической сферами жизни общества¹⁵¹.

Одним из важных направлений деятельности органов исполнительной власти является деятельность в сфере развития экономических отношений и, в частности, внешнеэкономических. Основу этих взаимоотношений закладывает

---

* доцент кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ, к.ю.н.

* ассистент кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ.

¹⁴⁸ Диноршоев А. М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007. – С. 60–61; Диноршоев А. М. Президент Республики Таджикистан в системе органов государственной власти. // Правовая жизнь. – № 1. – 2015.

¹⁴⁹ Конституционное право Республики Таджикистан. Диноршоев А. М., Гадоев Б. С., Салохиidinova С. М., Сафаров Д. С. – Душанбе, 2015. – С. 190.

¹⁵⁰ Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России. – М., 2003. – С. 672.

¹⁵¹ Диноршоев А. М., Кодиров Ч. Ш., Марифхонов Р. Н. Административное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013. – С. 28.

положение статьи 11 Конституции Республики Таджикистан. В соответствии с положениями данной нормы Конституции РТ внешнеэкономическая деятельность Таджикистана направлена на обеспечение его национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права. В целях обеспечения всеобщего развития на взаимовыгодной основе экономических отношений с другими государствами в РТ осуществляется правовое регулирование всех видов внешнеэкономической деятельности, включая внешнюю торговлю, экономическое, научно-техническое сотрудничество, специализацию и кооперацию в области производства, науки и техники, экономические связи в области строительства, транспорта, экспедиторских, страховых, расчетных, кредитных и других банковских операций, оказание разнообразных услуг¹⁵².

Для решения задач по управлению в данной сфере создана стройная структура органов управления, особое место в которой отведена органам таможенного контроля. В статье 461 Таможенного кодекса РТ определяется система таможенных органов Республики Таджикистан, в которую входят:

- уполномоченный орган по вопросам таможенного дела,
- региональные таможенные управления,
- таможни,
- таможенные посты.

Как видно из содержания данной статьи, в Республике Таджикистан четко не определяется организационно-правовая форма уполномоченного органа в сфере таможенной деятельности.

На данный момент этот вопрос решен в Указе Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан»¹⁵³ и Положении Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан. В соответствии с ним уполномоченным органом по вопросам таможенного дела является Таможенная служба при Правительстве РТ, которая является правоохранительным, исполнительным уполномоченным органом государственной власти¹⁵⁴.

Раскрывая содержание организационно-правовой формы таможенных органов в Республике Таджикистан, следует отметить, что за годы независимости они не раз претерпевали изменения. Изначально в процессе своего создания в 1992 году органом управления в сфере таможенного дела было Главное управление таможенного контроля при Совете Министров Республики

---

¹⁵² Там же. – С. 139.

¹⁵³ Указ Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан» от 19 ноября 2013 года № 12 // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан: www.president.tj/ru/ (дата обращения: 17.03.2015).

¹⁵⁴ Положение Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан. Утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 декабря 2006 г. №612 // Центральный банк правовой информации Министерства юстиции Республики Таджикистан. Электронная версия "Адлия", 15.03.2015.

Таджикистан. В данной организационно-правовой форме органы управления таможенным делом в Республике Таджикистан просуществовали более одного года. Далее Постановлением Совета Министров от 22 июня 1993 года, № 288, данный орган был преобразован в Государственный таможенный комитет Республики Таджикистан. Но и в данной организационно-правовой форме таможенный орган управления просуществовал недолго. Государственный таможенный комитет Республики Таджикистан по постановлению Совета Министров Республики Таджикистан от 15 февраля 1994 года, № 85, заменяется на Таможенный комитет при Правительстве Республики Таджикистан. Частые изменения в организационно-правовой форме таможенных органов в первые годы независимости имели как объективные, так и субъективные факторы, в частности вспыхнувшая в первые годы независимости гражданская война, а также поиск оптимальной формы управления столь важным направлением государственной деятельности.

Следующее организационно-правовое изменение формы органов таможенной деятельности произошло в 2002 году. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 января 2002 года¹⁵⁵ Таможенный комитет при Правительстве Республики Таджикистан был упразднен и его функции были переданы вновь созданному органу – Министерству доходов и государственных платежей Республики Таджикистан как Департаменту таможенного контроля.

Последнее изменение в организационной форме произошло в 2006 году. В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан от 30 ноября 2006 года в системе центральных органов исполнительной власти Республики Таджикистан была организована Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан¹⁵⁶.

Как показал исторический обзор становления и развития органов управления в сфере таможенной деятельности за 25 лет независимости, таможенные органы имели 5 различных организационно-правовых форм. Именно в этой связи Таможенный кодекс РТ не определяет четкую организационно-правовую форму органов управления таможенной деятельности.

Как было отмечено выше, на данный момент организационно-правовой формой уполномоченного органа по вопросам таможенного дела является Таможенная служба при Правительстве РТ.

В связи с этим нам необходимо раскрыть содержание Таможенной службы как организационно-правовой формы органа управления данной сферы.

---

¹⁵⁵ Орифов А., Блиничкина Н. Таможня (учебно-методическое пособие) / (на тадж. языке). – Худжанд: Ношир, 2013. – С. 12.

¹⁵⁶ Указ Президент Республики Таджикистан «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан» от 30 ноября 2006 г. № 9 // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан: www.president.tj/ru/ (дата обращения: 17.03.2015).

Понятие и содержание «служба» как организационно-правовая форма органов исполнительной власти не закреплено в законодательстве Республики Таджикистан.

Исходя из этого, мы рассмотрим данное понятие через анализ закрепленных в юридической литературе точек зрения ученых.

В научной литературе по административному праву Российской Федерации дается следующее определение – «федеральная служба» является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны Государственной границы РФ, борьбы с преступностью, общественной безопасности. Данное понятие закреплено в Указе Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹⁵⁷.

Исходя из указанного определения, можно определить характерные особенности данной организационно-правовой формы органа управления. Во-первых, она представляет собой систему органов исполнительной власти. Во-вторых, данные органы предназначены осуществлять специальные функции в установленных сферах ведения, в частности исполнительные, контрольные, разрешительные, регулирующие и другие функции¹⁵⁸. Тем самым «служба» как организационно-правовая форма органа управления направлена на осуществление контрольно-надзорных функций.

Б. Н. Габричидзе отмечает, что можно условно различать широкое и узкое понятия таможенной службы. В первом случае речь идет о совокупности таможенных органов, органов таможенной охраны, об иных звеньях и структурах, непосредственно участвующих в таможенном деле, а также о правовом статусе должностных лиц таможенных органов, о порядке и правовых условиях прохождения государственной службы в таможенных органах. Во втором случае – о таможенной службе только как о виде государственной службы, т. е. о порядке и условиях ее прохождения в таможенных органах¹⁵⁹. К. Х. Хасанов считает понятие таможенной службы составной частью таможенного дела, включающего структуру таможенных органов, систему государственного управления их деятельностью по осуществлению таможенной политики государства¹⁶⁰.

Таким образом, «таможенная служба» понимается в двух смыслах:

- как орган исполнительной власти,
- как профессиональная деятельность сотрудников таможенных органов¹⁶¹.

---

¹⁵⁷ Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 // Российская газета. № 50. – 2004. – 12 марта.

¹⁵⁸ Козлов Ю. М. Административное право: Учебник. – М.: Юрист, 1999. – С. 96.

¹⁵⁹ Габричидзе Б. Н. Российское таможенное право. Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001. – С. 20.

¹⁶⁰ Хасанов К. Х. История становления и развития организационно-правовых основ деятельности таможенных органов Республики Таджикистан. – Душанбе. Эр – граф, 2009. – С. 29.

¹⁶¹ Самойлов А. В. Административно-правовой статус и совершенствование деятельности таможенной службы в условиях административной реформы. Автореферат дисс. ... к. ю. н. – Москва, 2008. – С. 17.

Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан – это центральный и отраслевой орган исполнительной власти, осуществляющий непосредственное руководство таможенным делом в Республике Таджикистан¹⁶². Данный орган образован и функционирует при Правительстве Республики Таджикистан. Правительство Республики Таджикистан осуществляет общее руководство таможенным делом. Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан ответственна и подотчетна перед Правительством Республики Таджикистан.

Непосредственное руководство таможенным делом осуществляет Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан, т. е. реализует исполнительные, контрольные, разрешительные и другие функции в области таможенного дела.

В заключение считаем необходимым указать, что в законодательстве Республики Таджикистан необходимо установить понятие «служба» как организационно-правовой формы органов исполнительной власти. Это будет способствовать правильному осуществлению их функций и задач.

Литература:

1. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России. – М., 2003.
2. Диноршоев А. М., Кодиров Ч. Ш., Марифхонов Р. Н. Административное право Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013.
3. Диноршоев А. М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2007.
4. Диноршоев А. М. Президент Республики Таджикистан в системе органов государственной власти. // Правовая жизнь. – № 1. – 2015.
5. Габричидзе Б. Н. Российское таможенное право. Учебник для Г 12 вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001.
6. Козлов Ю. М. Административное право: Учебник. – М.: Юристъ, 1999.
7. Конституционное право Республики Таджикистан. Диноршоев А. М., Гадоев Б. С., Салохидинова С. М., Сафаров Д. С. – Душанбе, 2015.
8. Орифов А., Блиничкина Н. Таможня (учебно-методическое пособие) / (на тадж. языке). – Худжанд: Ношир, 2013.
9. Положение Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан. Утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 декабря 2006 г. № 612 // Центральный банк правовой информации Министерства юстиции Республики Таджикистан. Электронная версия "Адлия", 15.03.2015.

---

¹⁶² Хасанов К. Х. Указ. литер. – С. 38.

10. Самойлов А. В. Административно-правовой статус и совершенствование деятельности таможенной службы в условиях административной реформы. Автореферат дисс. ... к. ю. н. – Москва, 2008.
11. Указ Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан» от 19 ноября 2013 года № 12 // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан: www.president.tj/ru/. (дата обращения: 17.03.2015).
12. Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г., № 314 // Российская газета. № 50. – 2004. – 12 марта.
13. Хасанов К. Х. История становления и развития организационно-правовых основ деятельности таможенных органов Республики Таджикистан. – Душанбе. Эр – граф, 2009.

**Джамshedов Дж. Н.
Соибов З. М.**

Аннотация

Правовое положение уполномоченного органа по вопросам таможенного дела

Одним из важных направлений деятельности органов исполнительной власти является деятельность в сфере развития экономических отношений и, в частности, внешнеэкономических. Для решения задач по управлению в данной сфере создана стройная структура органов управления, особое место в которой отведена органам таможенного контроля. В данной статье рассматривается вопрос об организационно-правовой форме Таможенной службы при Правительстве РТ.

**Jamshed Dzh. N.
Sohibov Z. M.**

Annotation

The legal status of the authorized body on customs issues

Activity in the field of the development of economic relations and in particular foreign trade is one of the important activities of the executive authorities. The harmonic structure of controls is created to solve the management problems in this area, and the authorities of customs control take a special place in this structure. In this article is considered the question of the legal form of the Customs Service under the Government of Tajikistan.

III. ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

ГАФУРОВ А. Д.*
САФАРОВ А. И. *

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВАЛЮТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: валютные правоотношения, юридическая ответственность, правонарушение, банк, незаконная сделка, иностранная валюта, средства платежа.

Keywords: currency legal relationship, legal liability, offense, bank, unlawful transactions, foreign exchange, funds transfer.

Валютные правоотношения как самостоятельная деятельность возникает не только между субъектами банковской деятельности, но и другими отраслями права.

Долгие годы операции, связанные с внешнеэкономической деятельностью, а также отношения по обращению иностранной валюты находились в исключительной монополии государства. Проведение в стране рыночной реформы создавало благоприятные условия для возрождения экономики и интеграции в мировом сообществе. Демократизация процессов в управлении экономикой предоставляет равные права всем субъектам рынка в хозяйственном обороте¹⁶³.

Юридическая ответственность приобретает особую значимость в современных условиях хозяйствования, когда основу экономических отношений между хозяйствующими субъектами составляет принцип взаимной ответственности, применение которого на практике приводит к дальнейшему укреплению дисциплины, более действенной защите интересов организаций и индивидуальных предпринимателей.

Валютным законодательством, как и, впрочем, любым другим законодательством определяются грани деятельности и ответственности. Валютно-правовая ответственность возникает на базе юридической ответственности, правовая природа которой имеет весьма обширную характеристику. Под юридической ответственностью, например, понимается особая правовая субъективная обязанность правонарушителя претерпевать предусмотренные законодательством неблагоприятные для него последствия в результате совершенного

---

* директор Института повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений ТНУ, доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета ТНУ, д.ю.н.

*заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета ТНУ, к.ю.н., доцент.

¹⁶³ Сафаров А. И., Саидов Ш. Н. Некоторые проблемы классификации преступлений в сфере экономической деятельности в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. № 2 (2), 2015. – С. 138–146.

им правонарушения. Такая ответственность неразрывно связана с государством, нормами права, юридической (в том числе договорной) обязанностью и противоправным поведением субъекта права. Государство при помощи создаваемых им правовых норм обязывает человека к определенному поведению, а юридического лица – к определенным действиям. В случае неправомерных действий или поведения наступает юридическая ответственность.

Ответственность субъектов хозяйственных отношений продолжает оставаться одним из стратегических направлений укрепления и повышения экономической эффективности. В то же время состояние и обеспечение имущественных прав и интересов субъектов хозяйственной деятельности, выполнение договорных обязательств во многом зависит от действенности механизма ответственности. При этом немаловажное значение имеет теоретическое обоснование самого понятия «ответственность». От правильного его понимания зависит правильное применение норм закона. Вопрос о понятии ответственности в юридической литературе является дискуссионным. Дискуссионность данного вопроса обязывает нас, прежде чем ответить на вопрос об ответственности, определить ту позицию, которую мы занимаем в понимании этой категории. Кратко суть дискуссии сводится к следующему.

Одни авторы считают, что ответственность – это мера государственного принуждения, основанная на осуждении правонарушителя и установлении для него определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного, имущественного и иного характера. При этом добавляют, что на ответственное лицо возлагают новые дополнительные обременения. Если же положение нарушителя ничего не изменяет, то стирается грань между ответственностью и обязанностью¹⁶⁴.

Под ответственностью в данном случае понимается одними учеными как возложение неблагоприятных последствий, да еще в виде дополнительного обременения, а значит принудительное исполнение обязанности (передать вещь, оплатить деньги, отгрузить продукцию и т. п.) не будет считаться ответственностью. Только взыскание убытков, неустойки и других подобных обременений будут означать ответственность. Другие ученые считают, что ответственность заключается в реализации санкций правовых норм, что санкция существует всегда как элемент или атрибут правовой нормы, а ответственность наступает лишь при реальном нарушении этой нормы. При этом указывается, что особенность правового принуждения, выраженная в юридических санкциях, заключается в том, что они осуществляются в рамках правоохранительного отношения¹⁶⁵.

---

¹⁶⁴ Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 134–136; Сырых В. М. Теория государства и права. Учебник. – М.: Юрид. дом. «Юринформ», 2001. – С. 366–364; Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт коммерческого исследования. – М.: Статут 1999. – С. 74 и др.

¹⁶⁵ Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву – МГУ, 1981. – С. 102–103.

Третьи определяют юридическую ответственность как обязанность, как необходимость дать отчет в своих действиях, поведении¹⁶⁶. Юридическая ответственность, в частности ответственность за нарушения валютного законодательства, является одной из форм реализации санкций. Когда мы говорим об ответственности за нарушения валютного законодательства, то имеем в виду, что «... ответственность наступает за поведение, которое привело к нарушению, и что она наступает в виде последствий за такое нарушение...»¹⁶⁷.

В правовой литературе под юридической ответственностью понимаются «психологические, имущественные и иные лишения, которые по решению компетентного органа претерпевает гражданин или иное лицо за совершенное им правонарушение. Отличительным признаком юридической ответственности является то, что «правонарушитель претерпевает меры государственного принуждения за свою вину и поэтому несет известные лишения»¹⁶⁸.

Исходя из этого, можно назвать следующие признаки юридической ответственности: связанность с субъективной обязанностью конкретного правонарушителя за противоправные действия, и эта ответственность предусмотрена в нормативных актах или в конкретном договоре, заключенном на основе действующего законодательства, например между субъектами финансового предпринимательства; влечет определенные отрицательные последствия личного, имущественного и организационного характера для лица, совершившего правонарушение (уплатить штраф, возместить ущерб и др.); предполагает доказанность вины. Привлечение к ответственности лица, совершившего правонарушение, возможно только после того, когда вина его полностью доказана; направлена на предупреждение правонарушений в будущем (превенцию). Выделяют частную и общую превенции. Первая заключается в воздействии на конкретного правонарушителя путем его наказания в целях предупреждения совершения им правонарушений в будущем. Вторая (общая превенция) заключается в воздействии на всех других субъектов права в целях недопущения совершения ими правонарушений. Таким образом, юридическая ответственность состоит из следующих элементов: личного характера (например, лишение свободы); имущественного характера (например, штраф); организационного характера (например увольнение).

Наряду с этим в некоторых случаях законодательство предусматривает ряд обстоятельств, позволяющих исключить юридическую ответственность. К ним, в частности, относятся: невменяемость – состояние, при котором лицо не может отдавать отчет своим действиям или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния; необходимая оборона – действие, со-

---

¹⁶⁶ Тархов В. А. Ответственность по гражданскому праву. – Саратов, 1976. – С. 8.

¹⁶⁷ Ойгензихт В. А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах. – Душанбе, 1980. – С. 9.

¹⁶⁸ Шарипов Т. Ш. О моменте возникновения ретроспективной уголовной ответственности // Правовое государство и развитие законодательства Таджикской ССР. – Душанбе, 1992. – С. 57–61.

вершенное при защите интересов государства, общества, личности или прав обороняющегося либо другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения нападающему вреда, если при этом отсутствовало явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства; крайняя необходимость – действие, совершенное для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общества, личности или правам данного лица либо других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред был меньше, чем предотвращенный; малозначительность правонарушения – деяние, не представляющее общественной опасности.

Роль государства сводится теперь лишь только к рыночному регулированию экономикой и контролю за соблюдением субъектами норм законодательства. В рыночных отношениях в условиях демократизации управлением экономикой Национальный банк Таджикистана (НБТ) делегирует обязанность по валютному регулированию и контроль уполномоченный банками, подтверждая это выдачей лицензии на право осуществления операции в иностранной валюте. Уполномоченные банки выступают проводниками и гарантами политики основного регулятора – НБТ.

Валютные операции весьма доходны и эффективны во всем мире и остаются основным источником валютных поступлений предприятий-резидентов, а банки специализированных финансовых компаний, валютные дилеры не только самим делают неплохие деньги на комиссионных, но и обеспечивают бесперебойное движение денежных масс, выполняют роль финансовых стабилизаторов денежной системы государства и международной расчетной системы.

Что же касается валютных правоотношений, то текущим законодательством в основном предусмотрена административная, гражданская и уголовная ответственность за валютные правонарушения. Так, в соответствии с законодательством РТ за нарушения резиденты, включая уполномоченные банки, и нерезиденты, нарушившие положения порядка ведения расчетов и валютных операций, несут ответственность в виде: взыскания в доход государства всего полученного дохода по недействительным в силу закона сделкам; взыскания в доход государства неосновательно приобретенного не по сделке, а в результате незаконных действий дохода.

Резиденты, включая уполномоченные банки, и нерезиденты за отсутствие учета валютных операций, ведение учета валютных операций с нарушением установленного порядка, непредставление или несвоевременное представление органам и агентам валютного контроля документов и информации в соответствии с пунктом несут ответственность в виде штрафов в пределах суммы, которая не была учтена, была учтена ненадлежащим образом или по которой документация и информация не были представлены в установленном порядке.

Порядок привлечения к ответственности в случаях, предусмотренных законом, устанавливается НБТ совместно с другими органами валютного контроля в соответствии с законами РТ.

При повторном нарушении указанных деяний, а также за невыполнение или ненадлежащее выполнение предписаний органов валютного контроля резиденты, включая уполномоченные банки, и нерезиденты несут ответственность в виде: взыскания, осуществляемого НБТ в соответствии с законами РТ в доход государства сумм, указанных законом, а также штрафов в пределах пятикратного размера этих сумм; приостановления действия или лишения резидентов, включая уполномоченные банки, или нерезидентов выданных органами валютного контроля лицензий и разрешений; других санкций, установленных законодательством РТ. Взыскание упомянутых в настоящей статье сумм штрафов и иных санкций производится органами валютного контроля, в том числе по представлению агентов валютного контроля в порядке, установленном законодательством РТ.

Должностные лица юридических лиц–резидентов, в том числе уполномоченных банков, и юридических лиц–нерезидентов, а также физические лица, виновные в нарушении валютного законодательства, несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в соответствии с законодательством РТ.

Как было сказано выше, основным контролирующим органом в сфере валютных отношений выступает НБТ. Данный орган валютного контроля обладает определенными полномочиями, в том числе в плане применения определенных санкций по отношению нарушителей валютного законодательства. Так, к примеру, данный банк на основании Инструкции № 111 от 17.05.2002 г. «О порядке открытия, регистрации, функционирования пунктов обмена валютно-обменных операций с наличной иностранной валютой» при фактах нарушения валютного законодательства имеет право: отказывать банкам в регистрации вновь открываемых ими обменных пунктов; направлять банкам предписания об устранении в определенный срок выявленных нарушений; аннулировать Сертификат о регистрации обменного пункта, если указанные в предписании НБТ нарушения не были устранены в установленный срок, или если обменный пункт необоснованно отказывался продавать иностранную валюту гражданам; по выявленным нарушениям требований указанной инструкции, а именно, при отсутствии учета, ненадлежащем учете, либо ведении учета валютно-обменных операций с нарушением требований указанной инструкции, не предоставлении НБТ документов, отчетов и информации по валютно-обменным операциям, налагать штраф в соответствии с действующим законодательством РТ.

В юридической литературе говорится о том, что гражданско-правовая ответственность состоит «во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, предлагающие на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения...»¹⁶⁹, что к мерам гражданско-правовой ответственности как санкциям могут относиться «лишь те ме-

---

¹⁶⁹ Гражданское право: В 2-х томах. Т. 1. Учебник // отв. ред. проф. Е.А. Суханов. Т. 1. – С. 429–431.

ры воздействия на правонарушителя, которые применяются судом или иным компетентным государственным или общественным органом»¹⁷⁰.

Когда в юридической литературе дается определение понятия гражданско-правовой ответственности, в него иногда включаются те или иные условия¹⁷¹. Не имея целью, исследование условий гражданско-правовой ответственности, отметим лишь значение условий гражданско-правовой ответственности для определения ее понятия.

В юридической литературе часто говорят о гражданском правонарушении и о его составе как об основании гражданско-правовой ответственности. Г. К. Матвеев считает, что общим и, как правило, единственным основанием гражданско-правовой ответственности является наличие состава гражданского правонарушения. Г. К. Матвеев, как и другие авторы, выделяет четыре элемента состава гражданского правонарушения: противоправность поведения; вредные последствия; причинная связь; вина. В процессе развития института гражданско-правовой ответственности стали вводиться в оборот категории «безвиновная», «беспричинная» ответственность, а также ответственность при правомерном поведении. То есть о противоправности, причинной связи и вины постепенно стали говорить не как об общих условиях гражданской ответственности (как, например, в уголовном праве).

Кроме административной ответственности, вытекающей из норм валютного законодательства, существуют нормы, прямо закрепившие ответственность участников валютных операций. Такая ответственность исходит, например, из положений ст. 541 Кодекса РТ об административных правонарушениях (КоАП) и носит штрафной характер. Так, в соответствии со ст. 541 КоАП РТ, незаконная сделка с иностранной валютой путем ее купли, продажи, обмена или использования ее в качестве иных средств платежа при отсутствии признаков преступления влечет наложение штрафа в размере от десяти до двадцати показателей с конфискацией предметов сделок.

Предусматривается также уголовная ответственность за нарушение норм валютного законодательства. Действующий УК РТ 1998 г., заметно уступив старому в данном вопросе, но все же не умаляет суть таких правонарушений, как незаконная сделка с иностранной валютой. При этом не остаются в стороне вопросы совершения правонарушений в области совершения валютных операций, связанных с движением капитала¹⁷².

Так, в соответствии со ст. 286 УК РТ, незаконная сделка с иностранной валютой путем ее купли, продажи, обмена или использования ее в качестве иных средств платежа, если они совершены в течение года после наложения админи-

---

¹⁷⁰ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – С. 313.

¹⁷¹ Гражданское право: Учебник / под ред. проф. Е.А. Суханов. т. 1. – С. 43; Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 97.

¹⁷² Сафаров А. И. Проблемы определения общественной опасности должностных преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. – № 3/5 (142). – С. 126–129.

стративного взыскания (административной предюдиции), наказывается штрафом в размере от ста до ста восьмидесяти трех показателей для расчетов или лишением свободы на срок до двух лет.

В соответствии с ч. 2 этой же статьи незаконная сделка с иностранной валютой путем ее купли, продажи, обмена или использования ее в качестве иных средств платежа, если стоимость предмета незаконной сделки или операции превышает пятьсот показателей для расчетов, наказывается штрафом в размере от пятисот сорока семи до девятисот двенадцати показателей для расчетов или лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

В соответствии с ч. 3 данной статьи, если эти деяния совершены:

а) повторно; б) группой лиц по предварительному сговору; в) в крупном размере, – то предусматривается наказание в виде штрафа в размере от девятисот двенадцати до одной тысячи четырехсот шестидесяти показателей для расчетов или лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Кроме того, примечание ст. 286 УК РТ определило крупный размер этих деяний, совершенных в крупном размере, т. е. если стоимость предмета незаконной сделки или операции превышает две тысячи показателей для расчетов¹⁷³.

Принципиально важно, что вопросы юридической ответственности за нарушение валютного законодательства находят свое отражение в текущем законодательстве, вместе формируя финансовые санкции. Область таких отношений не всегда определяется национальным законодательством.

Литература:

1. Алексеев С. С. Право азбука – теория – философия: опыт коммерческого исследования. – М.: Статут, 1999.
2. Иоффе ОС. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975.
3. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву МГУ. – 1981.
4. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985.
5. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М., 1970.
6. Ойгензихт В. А. Имущественная ответственность в хозяйственных договорах. – Душанбе, 1980.
7. Сафаров А. И., Саидов Ш. Н. Некоторые проблемы классификации преступлений в сфере экономической деятельности в Республике Таджикистан //

---

¹⁷³ Сафаров А. И., Саидов Ш. Н., Кудратов Н. А. Экономические преступления. – Душанбе, 2015. – С. 12.

Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. № 2 (2), 2015.

8. Сафаров А. И. Проблемы определения общественной опасности должностных преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2014. № 3/5 (142).

9. Сафаров А. И., Саидов Ш. Н., Кудратов Н. А. Экономические преступления. – Душанбе, 2015.

10. Тархов В. А. Ответственность по гражданскому праву. – Саратов, 1976.

11. Шарипов Т. Ш. О моменте возникновения ретроспективной уголовной ответственности // Правовое государство и развитие законодательства Таджикской ССР. – Душанбе, 1992.

Гафуров А. Д., Сафаров А. И.

Аннотация

Юридическая ответственность за нарушение валютного законодательства Республики Таджикистан

Проведение реформы рыночной экономики в стране дало возможность повышения экономики и развития разных отраслей общественной жизни. Исходя из этого, юридическая ответственность в современном периоде развития играет основную роль, так как субъекты хозяйственной деятельности действуют по принципу взаимной ответственности, поэтому валютное законодательство РТ, как и другие отрасли законодательства, определяет границы действия определенной ответственности для субъектов экономической деятельности.

Gafurov A. D., Safarov A. I.

Annotation

Legal liability for violation of the currency legislation of the Republic of Tajikistan

Carrying out market economy in the country made possible to increase the economy and development of the various sectors of public life. On this basis, the legal liability in the modern period of development plays the main role as the subjects of business activity operate on the principle of mutual responsibility, therefore the currency legislation of the Republic of Tajikistan as well as other branches of the legislation determine the scope of specific liability for the subjects of economic activity.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Ключевые слова: субъективная сторона, вина, наркотические вещества, производство, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотиков.

Keywords: the subjective side, guilt, drugs, production, purchase, storage, transportation or shipment of drugs.

В соответствии с теорией уголовного права субъективная сторона преступления определяется как психическое отношение человека к своему общественно опасному деянию, которое характеризуется конкретной формой вины, мотивом и целью преступления¹⁷⁴. Субъективная сторона неразрывно связана с субъектом преступления, совершаемого на почве незаконного оборота наркотических средств. Субъектом преступления, как правило, может быть не всякий человек, а человек, обладающий определенными свойствами, установленными уголовным законодательством: прежде всего признаками вменяемости и достижения к моменту совершения преступления определенного возраста¹⁷⁵.

В отличие от объективной стороны, которая представляет внешнюю форму совершенного деяния, субъективная сторона – это внутренняя сущность преступления.

Общественно опасное действие или бездействие, будучи определенным поведением человека, проходит под контролем его сознания и воли. Поступки, совершаемые при отсутствии такого контроля, не могут относиться к числу преступных деяний. Действие или бездействие человека только тогда имеет уголовно-правовое значение, когда в нем проявляются сознание и воля этого лица. Не могут считаться действиями в уголовно правовом смысле те поступки, которые совершены лицом в бессознательном состоянии, во сне, во время припадка и т. п.

Законодатель описывает преступление с помощью признаков, характеризующих не только внешнюю, но и внутреннюю стороны противоправного поведения. Каждый из них, включая признаки субъективной стороны, должен быть исследован правоохранительным органом, с тем чтобы юридическая ха-

---

*ассистент кафедры уголовного права юридического факультета ТНУ

¹⁷⁴ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – С. 226–241; Кадыров М. М. Проблемы уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. – Ташкент, 1993. – С. 76; Пуклич Т. И. Уголовная ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств и психотропных веществ. – Рязань, 2003. – С. 61; Бобраков С. И. Уголовная ответственность за незаконное приобретение, хранение либо сбыт наркотических средств: автореф. дисс. канд. наук. – М., 2005. – С. 16.

¹⁷⁵ Сафаров А. И. Некоторые проблемы определения субъекта легализации преступных доходов по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. № 4 (60). – 2010. – С. 74–79.

рактика конкретного преступления полностью совпала с его законодательным описанием. Между тем в практике применения уголовного законодательства еще встречается вменение без вины. Нередки факты неправильной квалификации деяния из-за ошибочного вывода о форме вины либо неверной оценки мотивов и целей преступления. Имеет место и назначение наказания, не соответствующего степени вины преступника. Подобные ошибки обусловлены различными причинами.

Во-первых, процесс установления и доказывания признаков субъективной стороны преступления наиболее сложен по сравнению с другими признаками. К тому же лицо, совершившее общественно опасное деяние, как правило, стремится представить свои действия или бездействие как невиновные либо неумышленные.

Во-вторых, законодательное описание многих конкретных преступлений не содержит четкой юридической характеристики субъективной стороны, что не способствует однозначному и единообразному пониманию его психологической сути.

В-третьих, некоторые работники судебных и следственных органов недооценивают значение субъективных признаков и поэтому поверхностно исследуют либо оставляют в стороне вопросы о форме и содержании вины, о мотивах и целях преступления.

В-четвертых, в практической деятельности правоохранительных органов нередко можно встретить вольное толкование форм вины совершенного деяния, не совместимых с их законодательным описанием, что мешает вышестоящим органам проверить правильность выводов суда, содержащихся в приговоре.

Субъективная сторона позволяет отграничить преступление от других смежных составов. Также по этому элементу проводится разграничение составов, сходных по объективным признакам. Содержание субъективной стороны в значительной мере определяет степень общественной опасности как преступного деяния, так и лица, его совершившего, характер ответственности и размер наказания. Анализ субъективной стороны влияет на выбор судом конкретной меры наказания виновному¹⁷⁶.

Принцип ответственности за деяние, совершенное виновно, всегда был основополагающим в уголовном праве. В соответствии с уголовным законодательством виновным в преступлении признается лишь лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Все современные государства опираются на этот принцип и отвергают так называемое объективное вменение – ответственность без вины за одно лишь совершение общественно опасного деяния, причиняющего вред правоохранительным интересам. Субъективная сторо-

---

¹⁷⁶ Сафаров А. И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем. Монография. – Душанбе, 2012. – С. 129.

на как внутренняя сторона совершенного деяния характеризуется определенной формой вины, мотивом и целью.

В соответствии с теорией уголовного права вина как основной признак субъективной стороны – это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его общественно опасным последствиям. Вина как определенная форма психического отношения к совершаемому общественно опасному деянию составляет ядро субъективной стороны преступления, хотя и не исчерпывает полностью ее содержания¹⁷⁷.

Для правильной квалификации и правильной оценки незаконного оборота наркотических средств важную роль играет установление субъективной стороны незаконного производства, изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и сбыта наркотических средств. Серьезное значение для понимания преступных действий в отношении наркотических веществ, а тем самым и для правильного направления борьбы следственных и судебных органов с подобной деятельностью, имеет анализ содержания субъективной ее стороны¹⁷⁸.

Учитывая особую опасность анализируемого состава, законодатель сконструировал его как преступление с формальным составом. Большинство юристов поддерживают мнение, что преступления с формальным составом совершаются только с прямым умыслом, но есть и другие точки зрения. Например, О. В. Колесник считает, что незаконное приобретение, хранение, перевозка, пересылка и сбыт наркотиков в большинстве случаев совершаются с косвенным умыслом, так как субъект безразлично относится к нарушению общественного порядка, общественной безопасности, к созданию угрозы причинения вреда здоровью населения¹⁷⁹.

С таким утверждаем, на наш взгляд, согласиться нельзя, так как здесь получается психическое отношение лица к преступным последствиям. А незаконное изготовление, приобретение и другие действия, связанные с распространением наркотиков, относятся к формальным составам, и форма и вид вины определяются к общественно опасному деянию, а не к последствиям, и в таких преступлениях преступные последствия остаются за пределами состава. «Исследуемые составы преступления (ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ) с субъективной стороны характеризуются только умышленной виной и только с прямым умыс-

---

¹⁷⁷ Харьковский Е. Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических и психотропных веществ. – М., 2002, – С. 4.

¹⁷⁸ Шарипов Т. Ш., Сафаров А. И. Некоторые вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан // Матер. межд. научно-практ. конф. на тему «Международное сотрудничество в сфере противодействия организованной транснациональной наркопреступности». – Душанбе, 10.04.2013. – С. 119–123.

¹⁷⁹ Колесник О. В. Уголовно-правовые меры борьбы с наркоманией в СССР: автореферат дисс. канд. юрид. наук. – М., 1978. – С. 15.

лом»¹⁸⁰. Умышленный характер заключается в том, что виновный, понимая и сознавая значение своих действий, желает их совершения. Приобретатель, сознавая незаконность своих действий, также сознавая, что наркотические средства полностью изъяты из свободного обращения или не подпадают под разрешительную систему, несмотря на все это, совершает незаконные действия.

К признакам субъективной стороны также относятся мотив и цель совершения преступления. Мотив и цель преступления, являясь обязательным признаком волевого акта, входят в содержание субъективной стороны большинства умышленных преступлений.

Мотивы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в основном являются корыстными. Незаконное изготовление, приобретение, переработка, производство, пересылка, транспортировка осуществляются с целью извлечения прибыли¹⁸¹.

Гражданин Х. в начале ноября 2001 г. на рынке «Шохмансур» познакомился с не установленным следствием лицом местной национальности и купил у него 250 грамм наркотического средства с целью перепродажи по завышенной цене. Купленное наркотическое вещество привез к себе домой и спрятал в подвале дома. С целью вывоза в г. Москву и продажи по завышенной цене он взял из подвала дома спрятанное наркотическое вещество и утром 12 января 2002 г. приехал в ремонтно-экипировочный пункт вагонного депо. Он проник в вагон, открыл верхний потолочный люк и там спрятал наркотическое вещество. Вечером того же дня, примерно в 23 часа, гр. Х. приехал на железнодорожный вокзал и зашел в вагон. Работники ЛОВД на ст. Душанбе проводили рейд и с верхнего люка 9-го купе изъяли наркотическое вещество. Увидев это, гражданин Х. добровольно подошел к работникам милиции и заявил, что оно принадлежит ему¹⁸².

Действия Х. были квалифицированы по ст. 200 ч. 1 УК Республики Таджикистан как приобретение наркотических средств, но цель сбыта и факт покупки с целью перепродажи не нашел отражения в процессуальных документах.

Также по ст. 200 ч. 1, то есть незаконное хранение наркотиков с целью сбыта, квалифицированы действия Н. Ю., уроженца г. Ашхабада Республики Туркменистан, 1966 года рождения, который был задержан работниками милиции 21 сентября 2002 г. в 5 вагоне поезда № 195 сообщением Душанбе – Ашхабад. У него при личном обыске было обнаружено и изъято в количестве 550 грамм наркотического средства – опия. Следствие установило, что Н. Ю.

---

¹⁸⁰ Бобраков С. И. Уголовная ответственность за незаконное приобретение, хранение либо сбыт наркотических средств: автореф. дисс. канд. наук. – М., 2005. – С. 103.

¹⁸¹ Шарипов Т. Ш., Сафаров А. И. Некоторые вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан // Матер. межд. научно-практ. конф. на тему «Международное сотрудничество в сфере противодействия организованной транснациональной наркопреступности». – Душанбе, 10.04.2013. – С. 122.

¹⁸² Архив Шохмансурского суда г. Душанбе.

27.08.2002 г. на колхозном рынке «Шохмансур» купил у незнакомого ему парня 550 грамм опия.

Действия Н. Ю. должны быть квалифицированы по ст. 200 ч. 3 как приобретение и хранение с целью сбыта в крупном размере. Следственные органы и суды упустили из вида крупный размер – 550 грамм опия, а также факт приобретения наркотика. О цели сбыта свидетельствует размер наркотика, а также факт, что виновный не является наркоманом. Доказывание цели сбыта при отсутствии конкретных фактов сбыта представляет наибольшие трудности в процессе предварительного расследования.

Таким образом, субъективную сторону незаконного оборота наркотических средств составляет психическое отношение виновного к совершаемому им незаконному производству, изготовлению, приобретению, хранению, перевозке, пересылке либо сбыту наркотических средств, которое характеризуется желанием совершить действия, направленные на участие в незаконном обороте наркотических средств.

Литература:

1. Бобраков С. И. Уголовная ответственность за незаконное приобретение, хранение либо сбыт наркотических средств. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005.
2. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974.
3. Кадыров М. М. Проблемы уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. – Ташкент, 1993.
4. Колесник О. В. Уголовно-правовые меры борьбы с наркоманией в СССР: автореферат дисс. канд. юрид. наук. – М., 1978.
5. Пуклич Т. И. Уголовная ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств и психотропных веществ. – Рязань, 2003.
6. Сафаров А. И. Некоторые проблемы определения субъекта легализации преступных доходов по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. № 4 (60). 2010.
7. Сафаров А. И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем. Монография. – Душанбе, 2012.
8. Харьковский Е. Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических и психотропных веществ. – М., 2002.
9. Шарипов Т. Ш., Сафаров А. И. Некоторые вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средства и психотропных веществ в Республике Таджикистан // Матер. межд. научно-практ. конф. на тему “Международное сотрудничество в сфере противодействия организованной транснациональной наркопреступности”. – Душанбе, 10.04.2013.

Юлдошева Г. М.

Аннотация

Субъективная сторона незаконного оборота наркотических средств

В результате многолетних исследований автор в кратком изложении определяет субъективную сторону незаконного оборота наркотических средств. Позиция автора подкрепляется анализом практики правоохранительных органов.

Yuldasheva G. M.

Annotation

Mental element of the drug trafficking

As a result of years of research author in multiple presentation determines the mental element of the drug trafficking. The author's position is supported by the practice of law enforcement agencies.

МИРЗОАХМЕДОВ Ф. А.*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТЯГЧАЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: хищение чужого имущества, собственность, вымогательство, отягчающие признаки вымогательства, требование передачи чужого имущества, право на имущество, действия имущественного характера, повторность, применение насилия.

Keywords: stealing other people's property, the property, extortion, aggravating symptoms extortion, demand transfer of another's property, the right to property, the actions of material nature, repetition, use of violence.

Одной из форм хищения чужого имущества, ответственность за которое закреплена в ст. 250 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее УК РТ), является вымогательство. Данная статья закреплена в разделе XI «Преступления в сфере экономики», в гл. 26 «Преступления против собственности» УК РТ.

Отягчающие признаки вымогательства нашли свое отражение в квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках, которые предусмотрены ч.ч.

---

*старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета ТНУ

2, 3 и 4 ст. 250 УК РТ. Специфика вымогательства, особенности его объективных и субъективных признаков predeterminedили различный по объему и содержанию набор квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков для каждого из посягательств¹⁸³.

В ч. 2 ст. 250 УК РТ предусмотрены следующие квалифицирующие признаки вымогательства: а) повторно; б) с применением насилия; в) группой лиц по предварительному сговору.

Повторность как квалифицирующий признак вымогательства есть разновидность уголовно-правового института множественности преступлений и в общем плане раскрывается в ст. 19 УК РТ. Применительно к хищениям понятие повторности содержится в п. 3 примечания к ст. 244 УК РТ. Согласно с данным примечанием повторным (повторность) в ст.ст. 244–251, 254 и 257 УК признается совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных этими статьями, а также ст.ст. 186, 194, 199, 202 УК РТ.

Для констатации признака повторности не имеет значения, был ли виновный ранее судим за предшествующее преступление (преступления) или оно вменяется ему впервые. Представляется, что во втором случае каждое из самостоятельных преступлений, образующих признак неоднократности, должно получить отдельную уголовно-правовую оценку, тем более, если первое из совершенных преступлений является значительно более общественно опасным, чем последующее. Причем второе преступление квалифицируется по признаку повторности его совершения¹⁸⁴. Например, если М. ранее совершил бандитизм, а затем был признан виновным в вымогательстве, его действия надлежит квалифицировать по ст. 186 УК РТ и по п. «а» ч. 2 ст. 250 УК РТ. В подобных случаях имеется и повторность и реальная совокупность двух самостоятельных преступлений, стечение которых образует по закону рассматриваемый квалифицирующий признак вымогательства. Иное решение вопроса, основанное на поглощении признаком повторности признака совокупности преступлений, оставило бы по существу более опасное деяние без самостоятельной правовой оценки и, следовательно, вывело бы виновного за пределы основания уголовной ответственности за первое более тяжкое преступление.

Следует отметить, что помимо истечения соответствующих давностных сроков или погашения (снятия) судимости за предшествующее преступление, повторность как квалифицирующий признак состава вымогательства и иных форм чужого имущества отсутствует в следующих ситуациях. Во-первых, когда лицо за ранее совершенное деяние было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности. Во-вторых, когда в действиях винов-

---

¹⁸³ Сафаров А. И., Мирзоахмедов Ф. А. Уголовно-правовая характеристика угона автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 1. – С. 95–104.

¹⁸⁴ Сафаров А. И., Шарипов Р. И., Рахматова Н. Уголовно-правовой анализ мошенничества // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2015. – № 3/10 (188). – С. 154–159.

ного содержатся признаки единого продолжаемого хищения. В-третьих, когда первое хищение, на которое покушалось лицо, не было доведено им до конца ввиду добровольного отказа от его завершения (ст. 34 УК РТ).

Таким образом, повторными могут признаваться лишь такие преступные действия виновного, когда каждое из них образует, признаки самостоятельного состава хищения и отделено от последующего определенным промежутком времени. При этом на совершение каждого нового преступления у виновного должен возникнуть самостоятельный умысел, который он и реализует¹⁸⁵.

Следующим квалифицирующим признаком вымогательства выступает требование передачи чужого имущества или права на имущество либо совершение других действий имущественного характера и т. д. с применением насилия (п. «б» ч. 2 ст. 250 УК РТ). Под насилием, прежде всего, следует понимать умышленное применение физической силы (как непосредственно своей мускульной силы, так и с помощью оружия, других предметов), веществу к другому человеку, направленное на нарушение его телесной неприкосновенности, на причинение вреда здоровью или жизни, ограничение свободы (физическое насилие) либо выражение угроз этому человеку (о физическом насилие)¹⁸⁶. Способом совершения вымогательства всегда выступает психическое и (или) физическое насилие¹⁸⁷.

Относительно следующего квалифицирующего признака вымогательства как совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «в» ч. 2 ст. 250 УК РТ) следует отметить, что групповое совершение преступления всегда является более опасным, чем совершенное одним лицом, поскольку при этом объединяются не только физические силы, но и происходит интеллектуальное, качественное объединение соучастников, совместно направляющих усилия на достижение единого результата, что позволяет избежать целого ряда препятствий, возникающих на пути к достижению преступной цели, либо совместными усилиями нейтрализовать их действие¹⁸⁸.

Под вымогательством, совершенным по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое причинение имущественного или иного ущерба, в котором участвовали двое и более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении (ч. 2 ст. 39 УК РТ)¹⁸⁹.

---

¹⁸⁵ Мирзоахмедов Ф. А. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки терроризма, предусмотренные ст. 179 Уголовного кодекса Республики Таджикистан // Правовая жизнь. – 2015. – № 1 (09). – С. 78–95.

¹⁸⁶ Шпаковский С. Н. Насилие как способ совершения вымогательства (по материалам Уральского региона: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Челябинск: ЧЮИ МВД России, 1999. – С. 8–9.

¹⁸⁷ Буркина О. А. Квалификация имущественных преступлений с применением насилия // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 15.

¹⁸⁸ Лобачевский И. Л. Квалификация вымогательства и отграничение от смежных составов: Методические рекомендации. – М.: «Проспект», 2004. – С. 25.

¹⁸⁹ Сафаров А. И. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Журнал “Наука и инновация”. Серия гуманитарных наук. № 2. - Душанбе, “Сино”. 2014. – С. 77–82.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РТ № 3 от 2004 г. «О судебной практике по делам о краже, мошенничестве, грабеже и разбое» «Хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, признается в том случае, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Предварительным считается сговор, состоявшийся до начала хищения, во время приготовления к ней или непосредственно перед покушением».

Из этого разъяснения Пленума Верховного Суда РТ исходит то, что сговор, возникший в момент непосредственного осуществления действий, входящих в объективную сторону вымогательства, не может считаться предварительным. В случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично. Если же вымогательство совершено по предварительному сговору группой лиц, то каждый из участников несет ответственность за это преступление в полном объеме переданного потерпевшим имущества, независимо от того какая доля досталась ему лично, поэтому, по нашему мнению, в случае совершения вымогательства несколькими лицами без предварительного сговора их действия следует квалифицировать при отсутствии квалифицирующих признаков по ч. 1 ст. 250 УК РТ. Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований вправе признать совершение преступления в составе группы лиц обстоятельством, отягчающим наказание (п. «в» ч. 1 ст. 62 УК РТ)¹⁹⁰.

Действия всех лиц, участвующих в совершении преступления, должны содержать в себе признаки как объективной, так и субъективной стороны состава вымогательства. В связи с этим не образуют рассматриваемого признака действия организатора, подстрекателя, пособника. В таких случаях ответственность наступает по ст. 250 УК РТ со ссылкой на ст. 36 УК РТ. Судебная практика квалифицирует преступление, как совершенное группой лиц, только при наличии как минимум двух соисполнителей, каждый из которых выполняет часть объективной стороны преступления.

Следует отметить, что если лицо совершило вымогательство посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия при отсутствии квалифицирующих признаков следует квалифицировать по ч. 1 ст. 250 УК РТ как непосредственного исполнителя преступления. Так же квалифицируются действия лица, организовавшего преступление или склонившего к его совершению заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления. В данном случае мы согласны с позицией ученых, которые отмечают, что «... при наличии к тому оснований действия указанных лиц долж-

---

¹⁹⁰ Сафаров А. И. Уголовно-правовая характеристика квалификационных и особо квалификационных составов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных незаконным путем // Вестник Таджикский национальный университет. №3. 2011. – С.172–178.

ны дополнительно квалифицироваться по ст. 150 УК РФ (соответственно ст. 165 УК РФ – Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

В ч. 3 ст. 250 УК РФ предусмотрены следующие особо квалифицирующие признаки вымогательства, если оно совершено: а) организованной группой; б) с причинением тяжкого вреда здоровью; в) при опасном рецидиве; г) с целью получения имущества в крупном размере.

Относительно совершения вымогательства организованной группой хотелось бы отметить, что, в отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства. При признании вымогательства, совершенного организованной группой, действия всех участников, независимо от роли в содеянном, подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 36 УК РФ.

Если лицо подстрекало другое лицо или группу лиц к созданию организованной группы для совершения конкретных преступлений, но не принимало непосредственного участия в подборе ее участников, планировании и подготовке к совершению преступлений (преступления) либо в их осуществлении, его действия следует квалифицировать как соучастие в совершении организованной группы вымогательства со ссылкой на ч. 4 ст. 36 УК РФ.

Таким образом, особенность организованной группы (в отличие от группы лиц с предварительным сговором) состоит в том, что некоторые ее члены могут не только выполнять элементы объективной стороны вымогательства, но и создавать условия для причинения ущерба потерпевшим, например, подыскивать будущих жертв, оказывать транспортные услуги или осуществлять иное обеспечение преступной деятельности группы. Как отмечает российский ученый В. В. Калугин, «при наличии устойчивых связей с другими лицами организованной группы действия ее участника квалифицируются по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (соответственно п. «а» ч. 3 ст. 250 УК РФ) без ссылки на ст. 33 УК РФ (соответственно ст. 36 УК РФ), даже если эти действия по своим объективным признакам не выходят за рамки пособничества»¹⁹¹.

В п. «б» ч. 3 ст. 250 УК РФ предусмотрен также и такой особо квалифицирующий признак вымогательства, как с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В данном случае речь идет о последствиях, которые реально

---

¹⁹¹ Калугин В. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с вымогательствами, совершаемыми организованными группами: дисс. на соиск... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 11.

угрожали жизни человека в момент их причинения. Под тяжким вредом здоровью законодатель называет вред, опасный для жизни, здоровья или повлекший за собой потерю зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрату органом его функций, неизгладимое обезображивание лица, значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией (ст. 110 УК РТ).

Большинство из указанных последствий и расстройств устанавливаются в процессе проведения судебно-медицинской экспертизы. Например, под потерей зрения понимается полная стойкая слепота на оба глаза или, когда зрение понижено до остроты, составляющей 0,04 и ниже, или же потеря речи означает такое состояние, когда у человека теряется способность выражать свои мысли членораздельными звуками, понятными окружающим, либо потерю голоса, а потеря слуха предполагает полную глухоту или такое необратимое состояние, при котором потерпевший не слышит разговорной речи на расстоянии 3–5 см от ушной раковины¹⁹².

По поводу утраты трудоспособности следует сказать, что значительность и стойкость, а также полнота утраты являются оценочными понятиями, но имеющими определенные медицинские критерии. Но есть и понятия, требующие дополнительной юридической оценки. Так, неизгладимое обезображивание лица является юридическим, а не медицинским понятием. Судебная практика признает, что если для устранения наступивших патологических изменений лица требуется оперативное вмешательство, а лицо имеет неприятный, отталкивающий вид, то такое обезображивание признается неизгладимым.

Таким образом, причинение тяжкого вреда здоровью – это такие последствия, которые причинены потерпевшему в результате принуждения к выполнению незаконных требований вымогателя либо как результат примененного к потерпевшему насилия. Эти последствия полностью охватываются составом особо квалифицированного вымогательства и не требуют дополнительной квалификации по ст. 110 УК РТ. Но как справедливо отмечает С. В. Богданчиков, «если в результате причинения тяжкого вреда здоровью наступила смерть потерпевшего, которая не охватывалась умыслом виновного, то деяние должно квалифицироваться по совокупности п. «в» ч. 3 ст. 163 и ч. 4 ст. 111 УК РФ (соответственно п. «в» ч. 3 ст. 250 и п. «в» ч. 3 ст. 110 УК РТ)¹⁹³.

Другим особо квалифицирующим признаком вымогательства является совершение вымогательства при опасном рецидиве, предусмотренный согласно п. «в» ч. 3 ст. 250 УК РТ. Следует отметить, что при квалификации вымогатель-

---

¹⁹² Халиков Ш. Л. Сравнительный правовой анализ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по уголовному законодательству РТ и других зарубежных стран // Вестник педагогического университета, № 1 (62-2). Душанбе, 2015. – С 167–175.

¹⁹³ Богданчиков С.В., Магомедов А. А. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности. Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 43–45.

ства с данным признаком мы должны ссылаться на ч. 2 ст. 21 УК РТ, где рецидив преступлений признается опасным в следующих случаях: а) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее это лицо не менее двух раз было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление средней тяжести; б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к лишению свободы; в) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое преступление к лишению свободы.

Также уголовным законом предусмотрен и такой особо квалифицирующий признак как совершение вымогательства с целью получения имущества в крупном размере. Согласно с примечанием к ст. 244 УК РТ крупным размером признается стоимость имущества, в одну тысячу раз превышающая показателей для расчетов. Но в данном контексте относительно данного особо квалифицирующего признака вымогательства хотелось бы отметить, что закон не требует фактического наступления этого общественно опасного последствия. Для применения п. «г» ч. 3 ст. 250 УК РТ достаточно установить наличие у вымогателя самой цели получения имущества в крупном размере, хотя бы ему и не удалось ее достичь. Следует отметить, что получение имущества в крупном размере имеет место как в случаях требования единовременной передачи имущества в крупном размере, так и продолжаемых приемов передачи имуществ, суммарная стоимость которых сформирует крупный размер. Эта цель может быть удовлетворена как при прямых передач со стороны потерпевшего имуществ, стоимость которых превышает одну тысячу раз превышающих показателей для расчетов, так и при извлечении другой имущественной выгоды. При этом сознанием субъекта преступления охватываются ценовые параметры извлеченной выгоды.

Следует заметить, что в юридической литературе было предложение об именовании данного признака как «вымогательство, совершенное в крупном размере». Но, по нашему мнению, подобная формулировка данного признака была бы некорректной. Думается, что отнесение законодателем ценовых пределов собственно к предмету преступления, который в принципе обозначает направленность умысла и содержание цели преступления, является более верным. Но вместе с тем данный признак, закрепленный законодателем, охватывает только одного из разновидностей предмета данного преступления – имущества. При таком раскладе наблюдаются некоторые нарушения правил построенияотягчающих признаков состава преступления, согласно которых квалифицированный состав преступления должен включать в себя все признаки основного состава, в нашем случае – распространяться на каждые виды предмета вымогательства, обобщенным предметом которого выступает именно имущественная выгода. Основываясь на этом, мы думаем, что правильнее было бы сформулировать анализируемый признак следующим образом, а именно – вымогательство, «совершенное с целью извлечения имущественной выгоды в крупном размере».

В ч. 4 ст. 250 УК РТ предусмотрены следующие особо квалифицирующие признаки вымогательства, если оно совершено: а) при особо опасном рецидиве; б) с целью получения имущества в особо крупном размере; в) с применением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ.

В данном контексте хотелось бы отметить, что рецидивом преступлений в соответствии со ст. 21 УК РТ признается «совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Из этого понятия вытекает, что при признании рецидива преступлений учитывается, во-первых, если преступление совершено умышленно, и, во-вторых, лицо должно иметь судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Однако следует отметить, что по поводу времени возникновения судимости в теории уголовного права существуют разные суждения. Например, В. В. Ераскин и Л. Ф. Помчалов придерживаются мнения, согласно которого «лицо считается судимым со времени провозглашения обвинительного приговора»¹⁹⁴. В данном вопросе мы придерживаемся мнения А. Ф. Зелинского, который считает, что «лицо считается судимым со времени вступления приговора в законную силу»¹⁹⁵. Подобным образом понятие судимости определяется и уголовным законом. Так, согласно ч. 1 ст. 84 УК РТ, «лицо признается имеющим судимость со дня вступления в законную силу обвинительного приговора, по которому назначено наказание, и до погашения и снятия судимости».

Следует отметить, что в уголовном законодательстве РТ используются понятия опасного, а также особо опасного рецидива. В соответствии с ч. 3 ст. 21 УК РТ рецидив преступлений признается особо опасным: «а) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к лишению свободы; б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление».

Решая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, суд учитывает личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела. Только при наличии всех этих условий суд, в соответствии со ст. 21 УК РТ, может признать лицо особо опасным рецидивистом. Следует в данном контексте отметить, что судимость за преступления, совершенные лицом в возрасте несовершеннолетия, то есть до восемнадцати лет, а также судимость, которая снята или погашена в установленном законом порядке, не должны учитываться, когда лицо признается особо опасным рецидивистом¹⁹⁶.

---

¹⁹⁴ Ераскин В. В., Помчалов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве: лекция для студентов юридических вузов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 5.

¹⁹⁵ Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений. Структура, связи, прогнозирование. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьковском ун-те, 1980. – С. 3.

¹⁹⁶ Панько К. А. Рецидив в советском уголовном праве. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. – С. 63–64.

Итак, вымогательство, совершенное при особо опасном рецидиве, предусмотренное п. «а» ч. 4 ст. 250 УК РТ, означает:

1. Совершение лицом деяний, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 250 УК РТ, когда это лицо ранее, то есть до совершения вымогательства, два раза было осуждено за тяжкое преступление к лишению свободы. То есть тут важно установить было ли осуждено лицо до совершения вымогательства за два тяжких преступления, так как если лицо ранее совершило два преступления, но одно из них является преступлением категории средней или небольшой тяжести, то эти деяния не будут учитываться при квалификации как особо опасный рецидив по п. «а» ч. 4 ст. 250 УК РТ, поэтому обязательным элементом при установлении особо опасного рецидива при вымогательстве, когда лицо совершает деяние, предусмотренное ч.ч. 1, 2 ст. 250 УК РТ, является совершение до этого двух тяжких преступлений.

2. Совершение лицом деяний, предусмотренных ч.ч. 3, 4 ст. 250 УК РТ, которое ранее, то есть до совершения вымогательства, два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление. В данном случае также надо установить, что лицо, которое совершило вымогательство, предусмотренное ч.ч. 3, 4 ст. 250 УК РТ, было осуждено до совершения этого деяния два раза за тяжкое или осуждалось ранее хотя бы один раз за особо тяжкое преступление, так как если оно не осуждалось до совершения вымогательства за преступление, предусмотренное ч.ч. 3, 4 ст. 250 УК РТ, два раза за тяжкое или хотя бы один раз за особо тяжкое преступление, а осуждалось за преступления категории небольшой или средней тяжести, то его деяния не будут квалифицироваться по п. «а» ч. 4 ст. 250 УК РТ как совершение вымогательства при особо опасном рецидиве.

Относительно такого особо квалифицированного признака вымогательства, как совершение данного деяния с целью получения имущества в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 250 УК РТ), следует отметить, что, согласно с примечанием к ст. 244 УК РТ, особо крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, в две тысячи раз превышающая показателей для расчетов.

Вымогательство, совершенное с применением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, является последним особо квалифицированным видом вымогательства, закрепленным в п. «в» ч. 4 ст. 250 УК РТ. Относительно данного особо квалифицирующего признака вымогательства следует отметить, что оружием, в соответствии со ст. 1 Закона РТ «Об оружии» от 19.03.2013 г., признаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Оружие бывает: огнестрельное, огнестрельное комбинированное охотничье оружие, метательное оружие, сигнальное оружие, пневматическое оружие, газовое оружие, холодное оружие. Боеприпасами называются предметы вооружения, предназначенные для поражения цели и выполнения задач, способствующих ее поражению и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический, вышибной заряд или их сочетание.

К боеприпасам также относятся патроны к огнестрельному и газовому оружию. По нашему мнению, при квалификации вымогательства, совершенного с применением оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, требуется, при наличии к тому оснований и в зависимости от фактических обстоятельств дела, дополнительно квалифицировать по ст.ст. 195, 196, 199 УК РТ.

Заключая исследование отягчающих признаков вымогательства, хотелось бы отметить, что конструкция квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков вымогательства основывается на принципе унификации основных квалифицирующих признаков в статьях главы 26 УК РТ. Квалифицирующий признак вымогательства – совершение группой лиц по предварительному сговору – должен рассматриваться широко как соучастие простое (соисполнительство), так и сложное (с распределением ролей). При этом для признания группы достаточно наличия лишь одного исполнителя при одновременном наличии фигур других соучастников. Предложенное законодателем определение продолжаемого вымогательства является несовершенным, но, в целом, оно может быть использовано для теоретического обоснования разграничения неоднократного и продолжаемого вымогательства. Применение насилия и причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего не являются самостоятельными средствами вымогательского принуждения, аналогичными угрозе. Они лишь подкрепляют угрозу, подтверждают ее реальность. Мотивирующее воздействие на потерпевшего, в конечном счете, всегда оказывает сама угроза, в том числе и продолжением насилия, поэтому, будучи лишь криминологически обусловленными, применение насилия и причинение тяжкого вреда здоровью при вымогательстве целесообразнее квалифицировать по совокупности преступлений.

Литература:

1. Богданчиков С. В., Магомедов А. А. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности. Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. Буркина О. А. Квалификация имущественных преступлений с применением насилия // Российский следователь. – 2008. – № 20.
3. Винокурова Н. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства // Российский следователь. – 2005. – № 4.
4. Ераксин В. В., Помчалов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве: лекция для студентов юридических вузов. – М.: Изд-во МГУ, 1963.
5. Калугин В. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с вымогательствами, совершаемыми организованными группами: дисс. на соиск... канд. юрид. наук. – М., 2006.
6. Лобачевский И. Л. Квалификация вымогательства и отграничение от смежных составов: Методические рекомендации. – М.: «Проспект», 2004.

7. Мирзоахмедов Ф. А. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки терроризма, предусмотренные ст. 179 Уголовного кодекса Республики Таджикистан // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 1 (09).
8. Сафаров А. И. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Журнал “Наука и инновация”. Серия гуманитарных наук. № 2. – Душанбе, “Сино”, 2014.
9. Сафаров А. И., Мирзоахмедов Ф. А. Уголовно-правовая характеристика угона автомобиля или иных транспортных средств без цели хищения // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 1.
10. Сафаров А. И., Шарипов Р. И., Рахматова Н. Уголовно-правовой анализ мошенничества // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – Душанбе, 2015. – № 3/10(188).
11. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник (издание исправленное и дополненное) / Л.В. Иногамова-Хегай ; А.И. Рарог; А.И. Чучаев. – М.: Инфра-М, 2006.
12. Халиков Ш. Л. Сравнительный правовой анализ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по уголовному законодательству РТ и других зарубежных стран // Вестник педагогического университета, № 1 (62-2). – Душанбе, 2015.
13. Шпаковский С. Н. Насилие как способ совершения вымогательства (по материалам Уральского региона: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Челябинск: ЧЮИ МВД России, 1999.

Мирзоахмедов Ф. А.

Аннотация

Уголовно-правовой анализ отягчающих признаков состава преступления вымогательства

В статье изучаются отягчающие признаки состава преступления вымогательства. В результате всестороннего и глубокого уголовно-правового анализа отягчающих признаков вымогательства, предусмотренных ч.ч. 2, 3 и 4 ст. 250 УК РТ, а именно вымогательство, совершенное повторно, автором сделаны определенные заключения, которые направлены на совершенствование уголовного законодательства об уголовной ответственности за вымогательство, в частности отягчающих признаков данного преступления.

Mirzoakhmedov F. A.

Annotation

Criminal and legal analysis of the aggravating elements of the components of crime of extortion

The article deals with aggravating elements of the components of crime of extortion. As a result, comprehensive and in-depth legal analysis of the criminal elements of extortion aggravating provided parts 2, 3 and 4 of Art. 250 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, namely extortion, the author has made certain conclusions, which are aimed at improving the criminal law on criminal responsibility for extortion, in particular aggravating features of the offense.

ХОДЖАЕВА Н. Б.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА КАК ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова: эксперт, экспертиза, заключение эксперта, назначение экспертизы, комиссия экспертиза, комплексная экспертиза, дополнительная и повторная экспертизы, допрос эксперта, выводы эксперта, доказательства, средства доказывания, вещественные доказательства, предметы, вещи, следы.

Keywords: expert, examination, expert's conclusion, the purpose of the examination, the examination of commission, comprehensive examination, more and re-examination, the examination of the expert, the findings of the expert, the evidence, the means of proof, objects, things, footprints.

В Республике Таджикистан в последние годы происходят коренные изменения в правовой системе. Наиболее значимым изменениям подверглась судебная система страны в соответствии с проводимой судебной реформой, включающая в себя, в частности, реформу уголовно-процессуального законодательства, которая заложила основу для формирования и обеспечения реальных состязательных основ уголовного судопроизводства.

Реализация принципа состязательности сторон во многом зависит от эффективного использования специальных знаний и научно-технических средств в процессе доказывания по уголовному делу. Данный вопрос в процессуальной науке является одним из актуальных и ориентирован на решение вопросов, затрагивающих оптимальное использование результатов экспертных исследований в уголовном судопроизводстве.

Следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальные аспекты заключения и показания эксперта как доказательств по уголовным делам в Республике Таджикистан разработаны еще недостаточно полно, что вызывает ряд проблем в ходе правоприменительной практики следственных и судебных органов.

Изъятые на месте совершения преступления предметы, вещи, следы являются носителями информации о данном преступлении и не более. Для того

---

*старший преподаватель кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета ТНУ

чтобы они стали вещественными доказательствами, необходимо соблюсти нормы уголовно-процессуального закона и провести их исследование. Заключение эксперта как источнику доказательства характерны определенные черты и особенности, которые отличают его от других источников доказательства и определяют его как источник доказательства.

Экспертиза – одна из форм применения научно-технических достижений в деятельности правоохранительных органов, преимущественно уголовно-процессуальной. Она представляет собой назначаемое и осуществляемое с соблюдением правовых норм исследование на основе специальных знаний и дачи заключения, которому закон придает значение источника доказательств (средства доказывания)¹⁹⁷.

В процессе расследования уголовных дел часто возникает необходимость применения специальных познаний для выявления истолкования различных свойств, признаков, фактов, которые могут быть у объектов и в объектах – вещественных доказательств, полученных в процессе производства следственных действий (ст. 208 УПК)¹⁹⁸. Закон в одних случаях обязывает назначение судебной экспертизы (ст. 209 УПК), что и служит ее основанием, в других – когда возникает необходимость в назначении экспертизы (по усмотрению следователя и суда). При невозможности решения существенного для дела вопроса иным путем, кроме экспертизы, последнюю необходимо назначить¹⁹⁹.

В настоящее время криминалистические экспертизы проводятся в Министерстве юстиции РТ, МВД РТ, Министерстве здравоохранения и социального развития, Министерстве обороны и ГКНБ и центральным экспертным учреждением РТ – Экспертным центром судебной экспертизы Министерства юстиции РТ.

Выбор экспертного учреждения во многом зависит от готовности метода, инструментария и сложности исследования, объема самих вещественных доказательств. Экспертиза проводится лицом, имеющим на то специальные полномочия и знания, а именно – экспертом. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее специальными познаниями, необходимыми для дачи заключения, а при необходимости обладающее соответствующей лицензией (ч. 2 ст. 58 УПК). Статус эксперта лицо получает в связи с назначением экспертизы по конкретному делу и поручением по нему провести определенное исследование. Правовое положение эксперта и порядок поведения экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении регламентируются наряду нормами УПК РТ и Законом Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» (от 5.03.2007 г., № 228)²⁰⁰.

---

¹⁹⁷ Марков В. А. Криминалистические экспертизы (назначение, методика исследования): монография. – Самара: Сам. гуманит. академия. – 2007. – С. 7.

¹⁹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: офиц. текст. – Д.: Ирфон, 2010 г.

¹⁹⁹ Селиванов Н. А. Подготовка и назначение судебных экспертиз // Справочная книга криминалиста. М.: Норма, 2000. – С. 489, 499–503.

²⁰⁰ Закон РТ «О государственной судебной экспертизе» от 5.03.2007 г., № 228.

Согласно своей компетенции он сам выбирает методы и средства исследования. Никто, включая следователя и руководителя экспертного учреждения, не вправе давать эксперту указания, предрекающие содержание экспертных выводов. Говоря о компетенции эксперта, необходимо подчеркнуть, что он выходит за ее пределы в случаях, когда самостоятельно собирает исходный доказательственный материал для исследования, помимо направленных на исследование объектов и представленных ему для ознакомления материалов дела. Во всех случаях, когда возникает необходимость дополнить объекты экспертного исследования новыми доказательствами, эксперт обязан обратиться с соответствующим ходатайством к органу, назначившему экспертизу. Пределы научной компетенции должны учитываться и при исследовании экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Предполагается, что, если по делу будет назначена экспертиза, следователь (суд) изучает вещественные доказательства с соблюдением двух условий: во-первых, вещественное доказательство не должно быть утрачено или повреждено; во-вторых, изучение необходимо проводить по правилам, установленным для осмотра. Содержание протокола в этом случае ограничивается указанием метода исследования и непосредственно наблюдаемого результата.

Процессуальный порядок назначения экспертизы следователем и судом состоит из:

- а) вынесения постановления (определения о назначении экспертизы);
- б) ознакомления обвиняемого, а если следователь признает это необходимым, и других участников процесса с постановлением о назначении экспертизы и разрешения заявленных ходатайств;
- в) приведения в исполнение постановления (определения) о назначении экспертизы путем вручения его эксперту или направления в экспертное учреждение.

В постановлении (определении) о назначении экспертизы должны быть указаны: основания для назначения экспертизы, т. е. обстоятельства, в силу которых необходимо проведение данной экспертизы; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, представленные эксперту; лицо, которому поручена экспертиза, или наименование учреждения, в котором она должна быть проведена (ч. 1 ст. 208 УПК).

Вопросы эксперту должны быть сформулированы с учетом состояния объекта исследования, возможностей науки и компетенции эксперта. Вопросы должны быть сформулированы четко, недвусмысленно и профессионально грамотно, причем как юридически, так и предметно²⁰¹.

В практике доказывания наиболее часто назначаются судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, трасологическая, судебно-химическая,

---

²⁰¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007. – С. 388.

судебно-биологическая, судебно-бухгалтерская, товароведческая, автотехническая, пожарно-техническая и другие виды экспертиз²⁰².

Известно, что с помощью экспертизы в ряде случаев исследуются действия или последствия действий подозреваемого, причем выводы эксперта могут быть в дальнейшем положены в основу обвинения. Очевидно, что чем раньше такое лицо воспользуется правом на участие в экспертизе, тем больше возможностей открывается для своевременной проверки возникшего подозрения и установления причастности или не причастности лица к совершению преступления.

Заключение эксперта – весьма своеобразный и получающий все более широкое применение в уголовном процессе источник доказательства. Согласно законодательству заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу или сторонами (ч. 2 ст. 217 УПК)²⁰³.

Заключение эксперта как доказательство – это совокупность фактических данных, содержащихся в его сообщении следователю и суду и установленных в результате исследования материальных объектов, а также сведений, собранных в уголовном деле лицом, сведущим в определенной области науки, техники или иных специальных знаний.

Заключение эксперта является одним из видов доказательств, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 72 УПК)²⁰⁴. Таким образом, для заключения эксперта как вида доказательств существенно, что оно:

- 1) появляется в деле в результате исследования;
- 2) исходит от лица, обладающего определенными специальными познаниями, без использования которых было бы невозможно само исследование;
- 3) дается с соблюдением специально установленного процессуального порядка;
- 4) опирается на собранные по делу доказательства.

Эксперт делает заключение либо только на основе непосредственного исследования материальных объектов экспертизы, либо на основе такого исследования с привлечением сведений, известных из материалов дела, либо только на основе материалов дела. Правильность вывода эксперта, использовавшего содержащиеся в протоколах допроса и других письменных материалах данные, естественно, зависит от достоверности последних. Экспертное исследование осуществляется в процессе доказывания, и, будучи его составной частью, оно

---

²⁰² Марков В. А. Криминалистические экспертизы (назначение, методика исследования): монография. – Самара: Сам. гуманит. Академия, 2007. – С. 11.

²⁰³ Ходжаева Н. Б. Проверка и оценка предметов и следов как вещественных доказательств по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. № 5 (25). – С. 63–68.

²⁰⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: офиц. текст. – Д.: Ирфон, 2010 г.

подчинено тем же целям. Получив заключение эксперта, суд или следователь использует его в последующем процессе доказывания.

Литература:

1. Марков В. А. Криминалистические экспертизы (назначение, методика исследования): монография. – Самара: Сам. гуманитар. академия. 2007.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: офиц. текст. – Д.: Ирфон, 2010.
3. Селиванов Н. А. Подготовка и назначение судебных экспертиз // Справочная книга криминалиста. – М.: Норма, 2000.
4. Закон Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» от 5.03.2007 г., № 228.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007.
6. Марков В. А. Криминалистические экспертизы (назначение, методика исследования): монография. – Самара: Сам. гуманитар. академия. 2007.
7. Ходжаева Н. Б. Проверка и оценка предметов и следов как вещественных доказательств по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. № 5 (25).

Ходжаева Н. Б.

Аннотация

Заключение эксперта как вид доказательства в уголовном процессе

В данной статье автор рассматривает вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования заключения эксперта как вида доказательства в уголовном процессе.

Khodjaeva N. B.

Annotation

The conclusion of expert as the proof in criminal trial

In the given article the author considers a question of the necessity of further perfection of the expert's statement as a kind of proof in criminal trial.

IV. ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

БОЗОРОВ Р. Б. *

К ВОПРОСУ О ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ИНВЕСТОРА С РАБОТНИКАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ

Ключевые слова: инвестор, предприятие с иностранными инвестициями, инвестиция, инвестирование, трудовой договор, трудовые отношения.

Keywords: investor, enterprise with foreign investments, investment, employment contract, labor relations.

В условиях перехода к рыночным отношениям все государства всячески стремятся к привлечению инвестиций в национальную экономику, которое требует создания соответствующей правовой базы. В этой связи приток инвестиций, особенно иностранных, не в меньшей степени зависит от соответствующего правового регулирования инвестиций, которое должно обеспечивать для инвестора нормальные условия для осуществления инвестиционной деятельности.

В соответствии с Законом РТ «Об инвестиции» субъектами инвестиционных правоотношений выступают иностранные юридические лица, т. е. предприятия с иностранными инвестициями (ПИИ). Ныне действующий Закон «Об инвестиции», по сравнению с ранее действовавшим, не регулирует создание и деятельность ПИИ. Ранее действовавший Закон РТ «Об иностранных инвестициях в Республике Таджикистан» под ПИИ подразумевал предприятие с участием иностранных инвесторов (совместные предприятия) и предприятия, полностью принадлежащие иностранным инвесторам. ПИИ – это организация, которая принадлежит полностью иностранным инвесторам или определенной доле иностранного инвестора. В первом варианте собственником предприятия является исключительно иностранный инвестор, во втором случае речь идет о долевом участии предприятия, созданного с участием национальных юридических лиц, т. е. совместном предприятии. Возникает резонный вопрос, почему законодатель эту проблему оставил открытой? Наверное, причиной тому является то, что все инвесторы, независимо от государственной принадлежности и происхождения инвестиций, имеют одинаковый правовой статус. В связи с этим на иностранных юридических лиц полностью распространяют свое регулирующее воздействие нормы, предусмотренные в гл. 4 ГК РТ.

Определение понятия организационно-правовых форм ПИИ в гражданско-правовой литературе отсутствует и нет однозначного его понимания²⁰⁵.

---

* доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета ТНУ, к.ю.н.

²⁰⁵ Овчинников А. А., Гущин В. В. Инвестиционное право. – М., 2006. – С. 233–249; Кирич А. В. Правовые основы отношений государства и инвесторов. – М., 1998. – С. 105–109; Самарходжаев Б. Б. Инвестиции в Респуб-

Коммерческая организация с иностранными инвестициями, подчеркивает А. А. Овчинников, представляет собой создающееся на территории РФ коммерческое юридическое лицо, в котором иностранный инвестор (иностранцы инвесторы) владеет не менее чем 10 % долей (вклада) в уставном капитале указанной организации для осуществления предпринимательской деятельности²⁰⁶. Организационно-правовые формы совместной хозяйственной деятельности У. Х. Бобоев определяет, как «совокупность признаков правового режима имущества (на базе которого осуществляется уставная деятельность предприятия) и порядка управления предприятием, которые установлены в законодательстве РТ и закреплены в учредительных документах предприятий»²⁰⁷. На наш взгляд, понятие «организационно-правовые формы» имеет собирательное значение. Под ним следует понимать выбор субъекта права, в какой из правовых форм, закрепленных в гражданском законодательстве, он хочет заниматься инвестиционной деятельностью. Иными словами, в организационно-правовой форме объединяются инвесторы для достижения определенных целей или объединяют свое имущество (имеется в виду их капитал) для осуществления инвестирования.

ПИИ в сфере инвестирования преследуют цели получения дохода от этой деятельности, поэтому они относятся к коммерческим организациям. В связи с этим юридическими лицами могут быть и организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Таким образом, ПИИ занимаются инвестиционной деятельностью и получают от этой деятельности соответствующий доход, поэтому следует их признать в качестве коммерческой организации с иностранными инвестициями. На наш взгляд, это не так, поскольку некоммерческие организации в своей производственной деятельности тоже получают побочные прибыли, т. е. сопутствующие. Как подчеркивает Ш. Т. Тагайназаров: «Для коммерческого юридического лица основной целью является извлечение прибыли. Сама прибыль может быть частично использована и на некоммерческие цели. Некоммерческие юридические лица создаются для достижения управленческих, гуманитарных, политических, духовных и иных целей. Прибыль иногда может быть получена при осуществлении сопутствующей деятельности (например высшее учебное заведение создает платные курсы и т. д.)»²⁰⁸. Отсюда следует, что оба вида организаций при осуществлении хозяйственной деятельности получают прибыль. У одной из них это является уставной задачей, а другая непосредственно вытекает из устава (например ВУЗ вправе в соответствии с уставом принять на учебу согласно договору), хотя она не признается коммерческой организацией. По данному во-

---

лике Узбекистан. – Ташкент, 2003. – С. 76–83; Бобоев У. Х. Организационно-правовые формы совместной хозяйственной деятельности. – Душанбе, 2004. – С. 44–61 и др.

²⁰⁶ Овчинников А. А. Гуштин В. В. Указ соч. – С. 235.

²⁰⁷ Бобоев У. Х. Указ. соч. – С. 64–65.

²⁰⁸ Тагайназаров Ш. Т. О сущности конструкции юридического лица // Государство и право. – Душанбе, 2002. – № 3. – С. 30.

просу правильную позицию занимает О. Н. Садыков, который подчеркивает, что «когда извлечение прибыли является основной целью организации, а когда – побочной, в реальной жизни определить бывает довольно трудно: одна цель может специально прикрывать другую, поэтому данный признак, т. е. получение прибыли, остается малопригодным для отграничения некоммерческой организации от коммерческих. Таким образом, признаком, отличающим коммерческие организации от некоммерческих, по ГК, практически остается право первых распределять полученную прибыль между своими участниками и отсутствие такого права у вторых»²⁰⁹.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что разграничением между двумя видами организаций соответственно является получение прибыли и распределение последней между участниками инвестиционных отношений. Представляет научный и практический интерес положение Закона РТ «Об инвестиции», регулирующего трудовые отношения между инвестором и гражданами РТ. Предусмотрено, что к отношениям между инвестором и работниками, являющимися гражданами РТ, применяются нормы Трудового кодекса (ТК) РТ, а также международно-правовые акты, признанные РТ, что конкретизировано ст. 11 ТК РТ, где подчеркивается о преимуществе международно-правовых актов.

Согласно ст. 12 ТК РТ нормы трудового законодательства распространяют свое регулирующее воздействие на иностранных граждан, лиц без гражданства, а также на иностранные организации. В ней закреплено правило, в соответствии с которым к предприятиям с иностранными инвестициями, принадлежащим полностью или частично иностранным юридическим и физическим лицам и расположенным на территории РТ, применяется законодательство о труде РТ, с дополнениями и изъятиями, которые могут быть установлены законодательными и иными нормативно-правовыми актами РТ.

Следует подчеркнуть, что ст. 21 Закона РТ «Об инвестиции» двояко регулирует трудовые отношения между работниками и инвестором: первое, на них распространяются нормы, закрепленные в трудовом законодательстве РТ, по вопросам применения их труда на основе трудового договора, заключенного между инвестором и работниками, являющимися резидентами РТ. Следует заметить, что трудовой договор считается основой возникновения трудовых отношений между инвестором и работником. Правовая конструкция этого соглашения сторон²¹⁰ непосредственно закреплена в содержании ТК РТ. Значение трудового договора выражается в следующем: во-первых, это одна из юридических форм возникновения трудового правоотношения; во-вторых, форма реализации одного из важнейших принципов – свободы труда и запрета принуди-

---

²⁰⁹ Комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) /отв. ред. О.Н. Садыков. – М., 1997. – С. 122.

²¹⁰ Головина С. Ю.Кодификация трудового законодательства России. // Кодификация Российского частного права. / Под ред. Д.А. Медведева. – М., 2008. – С. 258.

тельного труда; в-третьих, трудовой договор подводит стороны под сферу действия норм трудового права. Именно трудовое законодательство предусматривает льготы, гарантии в труде работникам и в числе основных – право на ежегодный оплачиваемый отпуск не менее 24 календарных дней, право на максимальную продолжительность рабочей недели – не свыше 40 часов, на заработную плату не ниже установленного законом минимального размера и т. д.²¹¹

Второе, их трудовые отношения могут быть урегулированы международно-правовыми актами, если они признаны РТ, и инвестор не является резидентом РТ. Из этих суждений возникают две группы трудовых отношений между инвестором и работником, являющимися гражданами РТ, а также инвестором и работником, не являющимися резидентами РТ, поэтому трудовое законодательство РТ устанавливает в отношении трудовой деятельности инвестора два подхода для правовой регламентации: во-первых, национально-правовое, т. е. внутреннее законодательство, основополагающим актом которого является ТК РТ; во-вторых, международно-правовое регулирование, основу которого составляют конвенции и рекомендации МОТ.

Согласно ч. 3 ст. 10 Конституции РТ «международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов».

В этой связи РТ после обретения независимости в целях защиты прав граждан в области трудовых отношений ратифицировала свыше 64 Конвенций МОТ.

Статьей 21 Закона РТ «Об инвестиции» недостаточно урегулированы вопросы, связанные с количеством работников – граждан республики, которые вправе работать на предприятиях с иностранными инвестициями. Эти отношения достаточно широко были урегулированы в прежнем Законе РТ «Об иностранных инвестициях в Республике Таджикистан», где количество граждан республики, которые вправе работать на предприятиях с иностранными инвестициями, составляло не менее 70% от общего количества работников. Установление нормы такого содержания, на наш взгляд, является необходимым и в Законе РТ «Об инвестиции», поскольку занятость населения является одной из насущных проблем сегодняшнего дня. Необходимость нормы такого содержания обусловливается потребностью в создании новых рабочих мест, сокращении численности безработных и устойчивой заработной платы.

Завершая исследование этой проблемы, следует подчеркнуть, что государство, экономика которого ориентирована на рынок, независимо от того, на какой стадии развития находится его национальная экономика, заинтересовано в вовлечении инвестиций. Это объясняется тем, что инвестиция есть новое оборудование, финансовые ресурсы, новые технологии, управленческий опыт. В конеч-

---

²¹¹ Бозоров Р. Б. Трудовое право Республики Таджикистан: учебное пособие. – Душанбе, 2014. – С. 64.

ном счете, привлечение инвестиций означает совершенствование производства и разрешение проблемы занятости в РТ.

Литература:

1. Бобоев У. Х. Организационно-правовые формы совместной хозяйственной деятельности. – Душанбе, 2004.
2. Бозоров Р. Б. Трудовое право Республики Таджикистан: учебное пособие. – Душанбе, 2014.
3. Головина С. Ю. Кодификация трудового законодательства России. // Кодификация Российского частного права. / Под ред. Д.А. Медведева. – М., 2008.
4. Кирин А. В. Правовые основы отношений государства и инвесторов. – М., 1998.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) /отв. ред. О.Н. Садиков. – М., 1997.
6. Овчинников А. А., Гущин В. В. Инвестиционное право. – М., 2006.
7. Самарходжаев Б. Б. Инвестиции в Республике Узбекистан. – Ташкент, 2003.
8. Тагайназаров Ш. Т. О сущности конструкции юридического лица // Государство и право. – Душанбе, 2002. – № 3.

Бозоров Р. Б.

Аннотация

К вопросу о трудовых отношениях инвестора с работниками предприятий с иностранными инвестициями

В статье рассматриваются теоретические аспекты дефиниции предприятия с иностранными инвестициями и правовые проблемы трудовых отношений физических лиц с инвесторами.

Bozorov R.B.

Annotation

On the issue of the labor relations of the investor with the employees of the enterprises with foreign investments

The article deals with the theoretical aspects of the definition of the enterprise with foreign investments and legal problems of employment of individuals with investors.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: конституция, социальное обеспечение, социальное государство.

Keywords: constitution, social security, the social state.

Одним из принципов существования государства и общества является то, что каждый человек должен обеспечить свое существование сам. Но в любом обществе живут люди, которые от рождения, в силу болезни или старости не в состоянии это делать. Государство и общество не может бросить таких людей на произвол судьбы, а потому создает государственную систему их обеспечения материальными благами за счет государства и общества²¹².

Право на социальное обеспечение отражает важную сторону социального государства – заботу о человеке. Она предусмотрена и в международно-правовых документах. Так, ВДПЧ (ч. 1 ст. 25) провозглашает право на социальное обеспечение, которое конкретизируется в ст. 9 МПЭСКП: «государства признают право каждого человека на социальное обеспечение, включающее социальное страхование»²¹³.

Конституция РТ признает право каждого на социальное обеспечение и возлагает на государство обязанность создавать те условия, которые необходимы для беспрепятственного осуществления этого права. Перечень правовых оснований, наличие которых вызывает у человека потребность в социальном обеспечении, закреплен в ст. 39 Конституции РТ. К таким причинам и обстоятельствам могут относиться, например, возраст, болезнь или инвалидность, потеря кормильца, воспитание детей, многодетность, а также нетрудоспособность. Каждый из этих случаев, иначе называемых социальными рисками, характеризуется утратой заработка или его недостаточностью для жизнеобеспечения человека и нетрудоспособных членов его семьи. Каждому человеку рано или поздно может понадобиться государственная и общественная помощь, которая будет ему оказана в виде социального обеспечения²¹⁴.

---

*заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета ТНУ, д.ю.н., доцент

²¹² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2006. – С. 265; Гаюров Ш. К. Социально-экономический характер гражданско-правовой политики. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4; Насурдинов Э.С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (Изд. РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43). – С. 40–45.

²¹³ Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе, «Андалеб-Р», 2015. – 164 с.

²¹⁴ Диноршоев А. М. Салохиддинова С. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2015. – 190 с.; Салохиддинова С. М. К вопросу о соотношении понятий «охрана» и «защита» прав человека. / Образование. Наука. Научные кадры. № 1. 2015. – С. 30–32.

Социальное обеспечение – это участие общества в содержании тех своих членов, которые из-за нетрудоспособности либо других не зависящих от них причин не имеют достаточных средств к существованию. Социальное обеспечение – это одна из наиболее важных конституционных форм социальной защиты населения. Конституция РТ признает право каждого на социальное обеспечение и возлагает на государство обязанность создавать те условия, которые необходимы для беспрепятственного осуществления этого права. Перечень правовых оснований, наличие которых вызывает у человека потребность в социальном обеспечении, не является исчерпывающим. Право на социальное обеспечение – это разновидность конституционных социальных прав. Такое право предполагает предоставление государством средств к существованию тем гражданам, которые не имеют возможности трудиться и получать доходы от своего труда. Следует отметить, что подобное право является субъективным²¹⁵.

Таким образом, под термином «социальное обеспечение» косвенно понимаются любые риски, связанные с потерей средств к существованию по не зависящим от человека причинам.

Но для того чтобы воплотиться в действительность, из декларированного превратиться в фактическое, другими словами, для того чтобы каждый человек, которому адресовано данное право, мог им реально воспользоваться, необходимы предпосылки, формирующие благоприятную социальную и правовую среду, обстановку, а также специфические юридические средства и способы реализации. Эту обстановку, или среду, состоящую из объективных и субъективных факторов, а также конкретные средства и способы реализации создает институт гарантий реализации и охраны субъективного права, являющийся важнейшим инструментом их обеспечения.

Социальное обеспечение в РТ имеет два вида – государственные пенсии и социальные пособия. Порядок предоставления пенсий регулируется пенсионным законодательством. В Таджикистане закон устанавливает наступление пенсионного возраста с 63 лет для мужчин и с 58 лет для женщин, связывая размер пенсии со стажем работы (однако, в связи с особыми условиями труда и по ряду других оснований, пенсии назначаются и с более раннего возраста). Подробно регламентируются основания для получения пенсий по инвалидности, под которой понимается потеря трудоспособности на длительный срок или постоянно, а также в связи с потерей кормильца либо вследствие его смерти или безвестного отсутствия.

Пенсионное законодательство устанавливает два основных вида пенсий: трудовые (связанные с наличием определенного стажа работы), социальные (назначаемые престарелым и нетрудоспособным при отсутствии права на трудовую пенсию).

---

²¹⁵ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. – С. 109.

Социальные пособия в зависимости от оснований обеспечения можно разделить на три группы: первая – по временной нетрудоспособности (к основаниям для получения данного вида социального пособия относятся: болезнь, карантин, уход за больным членом семьи и др.); вторая – по безработице; третья – пособия семьям, имеющим детей. Социальные пособия представляют собой денежные выплаты, предоставляемые в целях компенсации временно утраченного заработка либо дополнительных трудовых и иных законных доходов лиц в целях социальной поддержки при повышенных расходах, связанных, как правило, с рождением и воспитанием детей. Государство устанавливает различные виды пособий: по временной нетрудоспособности; по беременности и родам; ежемесячное пособие по уходу за ребенком; пособие гражданам, имеющим детей; пособие по безработице и др.

Социальное обеспечение предполагает не только денежные выплаты, но и другие формы, такие как, например, помещение в детские дома, дома престарелых, интернаты, социальное обслуживание на дому.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что реализация права на социальное обеспечение – это практическая возможность использования предусмотренных в законодательстве социальных возможностей, в результате которых человек получает различные материальные и духовные блага для удовлетворения своих личных нужд.

Литература:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2006.
2. Гаюров Ш. К. Социально-экономический характер гражданско-правовой политики. / Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4.
3. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе, «Андалеб-Р», 2015.
4. Диноршоев А. М., Салохидинова С. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2015.
5. Насурдинов Э. С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (Изд. РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43).
6. Салохиддинова С. М. К вопросу о соотношении понятий «охрана» и «защита» прав человека / Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 1.

Диноршоев А. М.

Аннотация

Вопросы реализации права на социальное обеспечение в Республике Таджикистан

Одним из принципов деятельности государства является защита и обеспечение интересов своих граждан. В любом обществе живут люди, которые от рождения, в силу болезни или старости нуждаются в особой заботе государства. Государство не может оставить таких людей на произвол судьбы, а потому создает государственную систему их обеспечения материальными благами за счет государства. В статье изучаются правовые основы реализации права на социальное обеспечение в РТ.

Dinorshoev A. M.

Annotation

Questions of the realization of the right to social security in the Republic of Tajikistan

One of the principles of activity of the state is protection and ensuring the interests of its citizens. In any society lives people who needs special care of the state since the birth, because of illness or old age. The state cannot leave these people to their fate, and therefore creates a state system of providing material benefits at the expense of the state. In the article is examined the legal basis of the right to social security in the Republic of Tajikistan.

САНГИНОВ Д. Ш. *

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Ключевые слова: социальное государство, социальное обслуживание, достойный уровень жизни, закон.

Keywords: social state, social services, decent standard of living, the law.

Право на социальное обслуживание имеет широкое юридическое обоснование в содержании Конституции РТ и других норм законодательства. Ст. 22 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. закрепляет право каждого человека как члена общества на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и свободного развития личности прав в экономической, социальной и культурной областях. При этом каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который нужен для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой.

---

*заведующий кафедрой предпринимательского и коммерческого права юридического факультета ТНУ, к.ю.н., доцент

Всеобщая декларация была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеей ООН, и поэтому, согласно Уставу ООН, она носит лишь рекомендательный характер. Однако при оценке юридической силы ее положений нужно учитывать, что в международном праве наряду с договором в нормотворческом процессе значительную роль играет обычай, который формируется в результате международной практики государств и постепенно признается ими в качестве обязательной правовой нормы. Подобным образом в настоящее время права и свободы, провозглашенные во Всеобщей декларации, рассматриваются в качестве юридически обязательных, обычных и договорных норм²¹⁶.

Анализ указанного документа подтверждает вывод о том, что Декларация, будучи обязательным документом для РТ, закрепила право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилье и необходимое социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, а также право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости и иного случая утраты средств существования по независящим от него обстоятельствам²¹⁷.

Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) также признает право каждого человека на достойный уровень жизни для него самого и его семьи, включая достаточное питание, одежду и жилище (ст. 11). Указанный документ является важной гарантией укрепления социального положения индивида и реализации его основных прав и свобод. В нем закрепляется право каждого человека на социальное обеспечение. Данный комплекс прав закреплен в ст.ст. 9–12 пакта.

Согласно пакту осуществление права на социальное обеспечение взаимосвязано с реализацией других прав, а именно – права на удовлетворительный жизненный уровень, право на охрану и помощь семье, матерям и детям, право на наивысший достигаемый уровень физического и психического здоровья²¹⁸.

Законодательство РТ, развивая позиции международных правовых актов, закрепляет право каждого на социальное обеспечение (включая социальное обслуживание), на достойный уровень жизни (включая необходимую социальную помощь).

Необходимо заметить, что, как видно из содержания ст. 1 и ст. 39 Конституции РТ, право граждан на социальное обслуживание не закрепляется прямо в Конституции, однако совершенно очевидно, что социальное обслуживание, бу-

---

²¹⁶ Нештаев Т. Н. Международные организации и права. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М, 1998. – С. 21.

²¹⁷ Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе, «Андалеб-Р», 2015. – 164 с.; Диноршоев А. М. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина по Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016.

²¹⁸ Диноршоев А. М. Салохидинова С. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2015. – 190 с.; Насурдинов Э. С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (Изд. РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43). – С. 40–45.

дучи составной частью системы социального обеспечения в РТ, включает в себя (помимо пенсий и пособий) также социальное обслуживание в случаях и на условиях, предусмотренных законом.

В литературе неоднократно указывалось, что отсутствие в основном Законе такого важного положения вовсе не означает, что государство не обязано обеспечить каждому гражданину и его семье надлежащие жилищные условия, рациональное питание, возможность пользоваться услугами медицинского и социального обслуживания, другими благами, объективно необходимыми для свободного развития личности. Такая обязанность возлагается на государства²¹⁹.

Следует отметить, что закрепленные в Конституции права и обязанности граждан при всей их важности не исчерпывают, однако, содержания правового статуса гражданина в социальном обеспечении. Правовой статус включает в себя также и те субъективные права и обязанности, которые установлены текущим законодательством²²⁰.

Так, Закон РТ от 5.01.2008 г., № 359, «О социальном обслуживании», закрепляя право граждан на социальное обслуживание, указывает, что РТ гарантирует гражданам право на социальное обслуживание в государственной системе социального обслуживания в его основных формах, установленных законом. При получении социальных услуг граждане имеют право на: уважительное и гуманное отношение со стороны работников социальных служб; выбор организации и формы социального обслуживания, за исключением случаев, предусмотренных ст. 12 закона; бесплатную информацию о своих правах, обязанностях, видах, порядке и условиях оказания социальных услуг; согласие на социальное обслуживание; отказ от социального обслуживания; конфиденциальность информации личного характера, ставшей известной работнику социальной службы при оказании социальных услуг; защиту своих прав и законных интересов, в том числе в судебном порядке. Социальное обслуживание осуществляется социальными службами на основании обращения гражданина, его опекуна, попечителя, другого законного представителя, органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественных объединений. Иностранцы граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Таджикистан, пользуются правом на социальное обслуживание на основании положений настоящего Закона, иных нормативных правовых актов, международных правовых актов, признанных РТ²²¹.

---

²¹⁹ Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Социальное обеспечение и обслуживание пенсионеров. – М., 1987. – С. 7.

²²⁰ Насурдинов Э. С. Правовая культура: монография / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – С. 31–32; Салохидинова С. М. К вопросу о соотношении понятий «охрана» и «защита» прав человека. // Образование. Наука. Научные кадры. № 1. 2015. – С. 30–32.

²²¹ Гаюров Ш. К. Социально-экономический характер гражданско-правовой политики. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4.

С учетом международно-правовых актов, положений Конституции РФ и статуса человека, гражданина, личности право на социальное обслуживание следует рассматривать в четырех взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, это право является социальным, отражающим (наряду с другими социальными правами) уровень материального развития конкретного государства и общества и их способность обеспечивать достойный уровень жизни и социальную защищенность индивида²²².

Во-вторых, право на социальное обслуживание является правом человека, которое имеет естественную природу и неотъемлемо от индивида, оно внетерриториально и внационально, существует независимо от закрепления в законодательных актах государства, является объектом международно-правового регулирования и защиты. Такое право характеризует индивида как представителя рода человеческого и производно от права на жизнь. В силу того, что это право закреплено в законодательных актах РФ, оно стало и правом национальным.

В-третьих, право на социальное обслуживание является правом гражданина. Это право относится к категории естественных прав, получивших отражение в нормативно-правовых актах РФ. Право на социальное обслуживание, будучи закрепленным в Конституции и иных законодательных актах, составляет неотъемлемый компонент правового статуса гражданина. Такое право квалифицирует человека как члена государственно-организованного общества.

В-четвертых, право на социальное обслуживание является правом личности, т. е. специфическим правом, принадлежащим конкретному индивиду в конкретной ситуации. Объем его зависит от социально-экономического положения, общественно-политического статуса, условий его жизни и проживания. Под «личностью» принято подразумевать человека, гражданина, иностранного гражданина, лица без гражданства, беженца, вынужденного переселенца и т. п.²²³

Социальное обслуживание осуществляется социальными службами в следующих формах: социальное обслуживание на дому; социальное обслуживание в стационарных учреждениях; социальное обслуживание в учреждениях временного пребывания.

Социальное обслуживание на дому осуществляется работниками социальных служб путем предоставления социальных услуг различного характера гражданам, нуждающимся во временном или постоянном социальном обслуживании, и проводится с целью использования естественных условий для их адаптации и реабилитации или постоянного поддержания нормальных условий их жизнедеятельности, для оказания помощи в трудных жизненных ситуациях, а также предупреждения подобных ситуаций. Социальное обслуживание на до-

---

²²² Теория государства и права: учебник // под ред. С.С. Алексеева. – М., 2001. – С. 540.

²²³ Буянова М. О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики: теоретико-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. – М.: РГБ, 2003. – С. 50.

му предоставляется работниками социальных служб также одиноким гражданам и гражданам, частично утратившим способность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, инвалидностью и другими случаями трудных жизненных ситуаций.

Социальное обслуживание в стационарных учреждениях социальных служб осуществляется путем предоставления работниками социальных служб услуг различного характера гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и другим клиентам социальных служб, частично или полностью утратившим способность к самообслуживанию и нуждающимся в постоянном постороннем уходе, путем обеспечения и создания условий жизнедеятельности, соответствующих их возрасту и состоянию здоровья, а также организации питания и ухода, посильной трудовой деятельности, мероприятий отдыха и досуга.

Социальное обслуживание в учреждениях временного пребывания социальных служб осуществляется работниками социальных служб путем предоставления услуг различного характера гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также самостоятельно поддерживающим свою нормальную жизнедеятельность и заинтересованным в предупреждении трудных жизненных ситуаций и формирования социальных проблем и кризисов на ранних этапах.

Право на социальное обслуживание следует считать субъективным. На специфику субъективного права как элемента правового статуса обратил внимание Н. Г. Александров. Он указывал, что «Право как элемент правового статуса представляет собой субъективное право в потенции, реализуемое в виде субъективных прав в различных правоотношениях, в которые вступает данный субъект»²²⁴. Соглашаясь в целом с его позицией о содержании правового статуса гражданина, О. В. Смирнов дополняет позицию Н. Г. Александрова, указывая, что правовой статус следует рассматривать как всю совокупность прав, которыми обладает гражданин или иной субъект, безотносительно к тому, находятся ли они или не находятся в стадии реализации²²⁵.

Совершенно очевидно, что правовой статус гражданина не должен исчерпываться определением его прав как такового. Здесь существует дифференцированный подход к статусу отдельных категорий граждан – со пенсионеров, инвалидов, беженцев и вынужденных переселенцев, детей²²⁶. Так, закон различает право каждого из указанных субъектов по его объему и содержанию. Инвалиды (помимо общих видов социального обслуживания) имеют право на реабилитацию особого вида (в соответствии с индивидуальной программой). В связи с этим правовой статус указанных категорий граждан будет характеризоваться как общими, так и особенными чертами. При этом у человека может

---

²²⁴ Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 230.

²²⁵ Смирнов О. В. Право граждан СССР на труд: дис. д-ра. юрид. наук. – Воронеж, 1966. – С. 41.

²²⁶ Воеводин Л. Д. Свобода личности и правовое положение граждан в общенародном государстве. – М., 1963. – С. 28–37.

возникнуть право как на комплекс социальных услуг (стационарное, полустационарное, надомное обслуживание, реабилитация), так и на отдельные виды услуг (материально-бытовые, санитарно-гигиенические, правовые и т. д.). На эту особенность уже указывалось в литературе²²⁷.

Действующая система социального обслуживания в Таджикистане унаследована на основе советской системы и постепенно, в соответствии с требованиями нового законодательства сферы, в нее были включены новые современные и инновационные элементы. В конечном счете, должна создаваться новая современная система с учетом национально-традиционных особенностей. Стратегия перехода на современную модель социального обслуживания предполагает совершенствование действующего законодательства, реализацию новых инновационных методов, основанных на мировой практике, снижение уровня бедности, равенство возможностей.

Статистические данные указывают на то, что величина спроса на социальные услуги, его структура и динамика будут складываться в основном за счет изменения социально-трудовых показателей, уровень которых невысок, а также непредвиденных ситуаций, которые связаны с группами социального риска. Согласно законодательству РТ к социально-уязвимым случаям относятся: а) инвалидность; б) преклонный возраст (старость); в) болезнь, последствия производственной травмы и профессионального заболевания; г) утрата попечительства, сиротство, бесконтрольность, одиночество; д) устойчивая психическая зависимость, последствия насилия или ситуаций, связанных с риском для жизни; е) иные трудные жизненные ситуации, отсутствие определенного места жительства²²⁸.

Таким образом, право на социальное обслуживание – это право граждан на комплекс социальных услуг, связанных с деятельностью социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых, других услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. А социальные услуги – виды деятельности, направленные на удовлетворение потребностей граждан, совершаемые в их интересах, по оказанию помощи в трудных жизненных ситуациях, по их профилактике.

Главной целью развития системы социального обслуживания должно стать развитие человеческого капитала за счет создания равных возможностей для равного участия всех граждан в общественной жизни через формирование свободной среды жизнедеятельности для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. В связи с этим действия должны быть ориентированы на повышение уровня и качества жизни граждан, нуждающихся в социальной поддерж-

---

²²⁷ Благодир А. Л. Правовое регулирование социального обслуживания граждан: дис. к. ю. н. – М., 2002. – С. 30.

²²⁸ Концепция развития системы социального обслуживания в Республике Таджикистан от 4.10.2013 г., № 446 // Централизованный Банк Правовой Информации. ADLIA. Версия 7.0. от 18.06.2015.

ке, а также улучшение благосостояния, развитие действующей системы социальных услуг.

Литература:

1. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961.
2. Благодир А. Л. Правовое регулирование социального обслуживания граждан: дис. к. ю. н. – М., 2002.
3. Буянова М. О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики: теоретико-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. – М.: РГБ, 2003.
4. Воеводин Л. Д. Свобода личности и правовое положение граждан в общенародном государстве. – М., 1963.
5. Гаюров Ш. К. Социально-экономический характер гражданско-правовой политики. // Правовая жизнь. – Душанбе, 2015. – № 4.
6. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе, «Андалеб-Р», 2015.
7. Диноршоев А. М. Салохидинова С. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2015.
8. Диноршоев А. М. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина по Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016.
9. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Социальное обеспечение и обслуживание пенсионеров. – М., 1987.
10. Насурдинов Э. С. Правовая культура: монография / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014.
11. Насурдинов Э. С. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // Вестник университета. (Издание РТСУ). – Душанбе, 2013. – № 4 (43).
12. Нештаев Т. Н. Международные организации и права. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М., 1998.
13. Салохидинова С. М. К вопросу о соотношении понятий «охрана» и «защита» прав человека. // Образование. Наука. Научные кадры. – № 1. 2015.
14. Смирнов О. В. Право граждан СССР на труд: дис. докт. юр. наук. – Воронеж, 1966.
15. Теория государства и права: учебник // под ред. С.С. Алексеева. – М., 2001.

Сангинов Д. Ш.

Аннотация

Правовая характеристика права граждан на социальное обслуживание

Конституция РТ, закрепляя право на социальное обеспечение, определяет основной вектор развития для государства в данном вопросе. Автор, анализируя положения Конституции и законодательства, приходит к выводу, что право граждан на социальное обслуживание не закрепляется прямо в Конституции. Однако совершенно очевидно, что социальное обслуживание, будучи составной частью системы социального обеспечения в РТ, включает в себя (помимо пенсий и пособий) различные социальные условия для реализации права на социальное обеспечение.

Sanginov D. Sh.

Annotation

The legal characteristic of the right of citizens to social service

The Constitution of the Republic of Tajikistan enshrines the right to social security, defines the main vector of the development for the state in this matter. The author analyzing the provisions of the Constitution and the legislation comes to the conclusion that the right of citizens to social service is not directly fixed in the Constitution. However, it is obvious that social service, as an integral part of the system of social security in Tajikistan, includes (in addition to pensions and benefits) the different social conditions for the realization of the right to social security.

V. ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ГАЮРОВ Ш. К.*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Ключевые слова: конституционные нормы, гражданско-правовая политика, проблемы языка, исламский банкинг, унитарные предприятия, квазифинансовая деятельность государства.

Keywords: constitutional norms, civil and legal policy, the problems of language, islamic banking, unitary enterprises, quasi-fiscal activities of the state.

Формирование современных представлений о политике является длительным историческим процессом. Являясь важным условием гражданско-правового регулирования частных отношений, гражданско-правовая политика тем не менее представляет собой до конца не изученный социально-правовой феномен. Интерес к познанию его сути продолжает оставаться высоким, поэтому научная разработка проблем гражданско-правовой политики приобретает еще большую актуальность, что обусловлено членством Республики Таджикистан (РТ) в ВТО и адаптацией национальной экономики к новым условиям. Переговорный процесс об условиях членства РТ в эту организацию продолжался чуть более 11 лет. РТ подала заявку 29.05.2001 г. Рабочая группа по урегулированию вопросов членства республики завершила свою работу 26.10.2012 года. 10.12.2012 г. на Генеральном совете ВТО были рассмотрены и одобрены отчет рабочей группы и пакет документов, связанных с процессом вступления республики в ВТО. Протокол о вступлении в ВТО был подписан Президентом РТ, уважаемым Эмомали Рахмон, и ратифицирован Парламентом. Республика Таджикистан 2.03.2013 г. стала полноправным членом этой организации. По истечении более чем 11-ти лет сложных переговоров Таджикистан стал 159-м членом ВТО. Вступление РТ во ВТО является важным направлением в формировании доступа к условиям функционирования мировой экономики. Членство в ВТО может послужить основой для дальнейшего развития гражданско-правовой политики посредством внешних факторов и трансформации действующих внутри государства явлений. Оно может дать толчок кардинальному реформированию всех частноправовых средств воздействия на экономику. Основным условием нахождения своего места в данной организации является научная обоснованность и эффективность гражданско-правовой политики, а также конкурентоспособность специалистов и товаров (работ, услуг). Для этого Правительством разработана и утверждена Программа адаптации национальной

---

*заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ТНУ, д.ю.н., профессор

экономики в связи с участием республики в ВТО. Приоритет данной программы прежде всего состоит в использовании действующих привилегий в рамках ВТО, налаживании на оптимальных условиях двустороннего взаимовыгодного сотрудничества, привлечении иностранных инвестиций, обеспечении прозрачности и равноправия в торговых и экономических отношениях²²⁹. Важным шагом в этом направлении должна стать политика РТ, направленная на обеспечение доступа к открытой информации о природных ресурсах и участие гражданского общества в контроле за полнотой поступления средств в Государственный бюджет от деятельности, связанной с добычей полезных ископаемых. РТ присоединилась к Инициативе прозрачности в добывающих отраслях²³⁰. Не вызывает сомнения то, что гражданско-правовая политика – составная часть внутренней политики государства. Она носит социальный, правоохранительный характер, имеет внешний (международный) аспект и связана с правовой политикой. Как составная часть политики государства гражданско-правовая политика имеет единую с последней социально-экономическую, общественно-политическую, нормативно-правовую базу, сущность, социальную направленность и общие системообразующие составляющие. Однако нельзя не учитывать следующее.

Во-первых, гражданско-правовая политика – это деятельность всех государственных органов в сфере гражданско-правового регулирования частных отношений, независимо от их имущественного или неимущественного содержания, и укрепления механизма защиты нематериальных благ, не отделимых от личности их носителя, с целью устойчивого развития общества, осуществляемая на основе комплекса административных, организационных, информационных и иных мер воздействия на общественные отношения.

Субъектами такой формы правовой политики являются система государственных органов, включающая органы государственной власти общей и отраслевой компетенции различных ветвей власти, и граждане. Это обусловлено тем, что понятие государства носит абстрактный характер. Будучи формой организации общества, государство призвано обеспечивать целостность и управляемость данного общества. В этой связи государство наделяется определенными функциями, которые отражают потребности общества и реализуются посредством механизма государства, структурным элементом которого являются государственные органы.

Во-вторых, в нем существуют и устойчиво развиваются два подхода. Первый – государственное регулирование общественных отношений, связанных с частным делом и предпринимательством. Проникновение властно-

---

²²⁹ Программа адаптации экономики Республики Таджикистан в связи с членством во ВТО, утв. Постановлением Правительства РТ от 31.10.2014 г., № 691 // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 6.0 / М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD – ROM).

²³⁰ Постановление о присоединении РТ к Инициативе прозрачности в добывающих отраслях. Утверждена Правительством РТ от 31.08.2012 г., № 449 // Адлия: Централиз. банк правовой информации РТ. Версия 6.0 / М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD – ROM).

административных предписаний в область частной жизни, в результате в частном праве внедряется все больше императивных норм регулирования. Государство не просто гарантирует соблюдения прав и свобод человека и гражданина, оно также ограничивает и контролирует обычаи и традиции, предписывает несовершеннолетним гражданам время пребывания в общественных местах, условия использования мобильного телефона, привлекает родителей или лиц, их заменяющих, к административной ответственности за неисполнение обязанностей по обучению и воспитанию детей.

Второй подход – применение частноправовых положений в сфере государственного управления и контроля. Государство стало активно применять частноправовые конструкции, используя их в сфере своих финансов и в непосредственном государственном управлении. Появление в публичном праве государственных услуг, договорное определение объектов налога с розничной продажи, налога на природопользование, аудиторские услуги, аутсорсинг, аутстаффинг и т. д. – это не просто внешний атрибут и формирование положительного образа государства, а новая сущность государства, которое отказывается от использования исключительно традиционных властно-административных методов воздействия на общественные отношения, используя частноправовые. При этом в таком заимствовании есть определенный предел. Государству в целях безопасности общества запрещено трансформироваться в коммерсанта. Стратегия устойчивого развития общества вырабатывается и претворяется в жизнь с помощью государства. Во всех развитых государствах перераспределение доходов всегда является ответом на вызовы справедливости, везде задачи роста экономической эффективности увязываются с задачами сохранения политической стабильности и морального состояния общества. Объединение в одном юридическом лице публичного права функции государственного регулятора и коммерческой организации приводит к негативным последствиям как для самого государства, так и для общества. Следовательно, гражданско-правовая политика представляет собой самостоятельную, специфическую сферу социального регулирования, включающую специфические общественные отношения. Специфика этой сферы правовой политики государства выражается в разумном сочетании публично-правовых и частноправовых средств в реализации гражданско-правовой политики.

Несколько слов о доктринальном аспекте гражданско-правовой политики. Совсем недавно была опубликована Концепция развития гражданского законодательства РТ, утвержденная решением Ученого Совета Национального центра законодательства при Президенте РТ от 30.04.2014 г., № 4. Оно состоит из введения и трех разделов, посвященных трем частям ГК РТ²³¹. К исследуемой проблеме непосредственно относится гл. 1 первого раздела «О технике граждан-

---

²³¹ Концепция развития гражданского законодательства РТ, утв. решением УС НЦЗ при Президенте РТ от 30.04.2014 г., № 4 // Законодательство. – Душанбе, 2014. – № 2 (14). – С. 134–151. – На тадж. языке.

ского (цивильного) законодательства». В ней актуализируется соотношение норм ст. 2 ГК РТ и ст. 70 Закона РТ «О нормативных правовых актах».

Согласно ст. 7 Закона РТ «О нормативных правовых актах» от 26.03.2009 г., № 506, (в редакции Закона РТ от 11.03.2010 г., № 597, от 28.06.2011 г., № 730) в иерархии законов кодексы и законы находятся на одном уровне. В ч. 1 ст. 2 ГК РТ предусмотрено, что нормы гражданского законодательства, содержащиеся в других законах и иных актах законодательства, должны соответствовать настоящему Кодексу. Однако в ч. 1 ст. 70 Закона РТ «О нормативных правовых актах» данная коллизия нормативно-правовых актов урегулирована следующим образом. Нормативный правовой акт одного уровня обладает большей юридической силой по отношению к нормативному правовому акту этого же уровня при наличии противоречий в случаях:

- если этот нормативный правовой акт по одному предмету регулирования принят позднее по отношению к другому нормативному правовому акту;
- если предмет регулирования этого нормативного правового акта является специальным по отношению к другому нормативному правовому акту, являющемуся общим.

Из этого положения следует, что кодекс и закон обладают одинаковой юридической силой. Специальный закон или закон, принятый позднее, имеет преимущества по отношению к кодексу, если устанавливает новые предписания по одному и тому же предмету регулирования.

С точки зрения теоретического анализа такое положение кодекса не всех устраивает. Так, например, Ш. М. Менглиев предлагает придать ведущее значение кодексу путем включения в иерархию нормативных актов самостоятельной группы – кодексов РТ, которые по юридической силе будут выше обычных законов²³².

Однако данное предложение не нашло своего применения в законотворческой деятельности. Это обстоятельство связано с тем, что действующий ГК РТ не совсем соответствует требованиям единого и упорядоченного кодифицированного закона, который регулирует в полном объеме частные отношения независимо от их имущественного или неимущественного содержания. Эти отношения в большей степени подвергнуты регулированию посредством множества законодательных актов.

Предлагается уменьшить нормативный объем ГК РТ путем совершенствования его содержания²³³. Спорная позиция. Совершенствование содержания ГК РТ подразумевает в том числе и увеличение его нормативного предписания. Это объективный результат. ГК РТ должен соответствовать определению ко-

---

²³² Менглиев Ш. М. Объективная необходимость унификации норм международного частного права // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. – Выпуск 29 // под ред. А.Г. Диденко. – Алматы: Раритет, Институт правовых исследований и анализа. – 2007. – С. 117.

²³³ Содики Кашруди. Таджикский язык и национальная культура // Чумхурият (Республика). 2014. — № 204 (22 509). 21 окт. – С. 3. На тадж. языке.

декса. В силу этого ГК РТ должен все больше охватить сферу гражданско-правового регулирования. Частные, трудовые, семейные, жилищные отношения, а также частные отношения по использованию природных ресурсов должны регулироваться ГК РТ в той мере, в которой они не урегулированы трудовым, семейным, жилищным, земельным, лесным, водным законодательством и законодательством РТ о недрах. Новая редакция ГК РТ должна определить направление правовой политики не только в сфере гражданского права, но и в смежных областях правового регулирования. Первостепенной задачей является не только сохранение, но и усиление роли ГК РТ как основного ресурса гражданско-правовой политики. Поиск путей решения этой задачи должен основываться на бережном отношении к уже достигнутым результатам гражданско-правового регулирования и необходимости расширения зоны его естественного охвата. В этом и заключается идеология гражданско-правовой политики в РТ, что соответствует тенденции реформирования гражданского законодательства не только в России, но и в странах Центральной Европы²³⁴. Такое положение не исключает проведения анализа регулятивного воздействия (АРВ). Дублирование и противоречие нормативно-правовых предписаний вредит гражданско-правовой политике в форме сокращения инвестиций, отсутствием инноваций, коррупцией, ростом теневой экономики и финансированием деструктивных сил, поэтому необходимо использовать АРВ. При научно обоснованном подходе АРВ повышает эффективность регулятивных предписаний, сокращает количество декларативных и некачественных нормативно-правовых актов и активизирует участие членов гражданского общества в разработке и принятии общественно значимых решений. Он улучшает прозрачность принятия решений. Правительство РТ решило создать систему АРВ. Ожидается, что такая система начнет функционировать к концу 2016 г.

В Концепции развития гражданского законодательства РТ особое внимание уделено соблюдению требований таджикского языка. Предлагается изменить не только название ГК²³⁵, но и совершенствовать его терминологию на таджикском языке. В тексте ГК РТ можно обнаружить слова, которые придают некую двусмысленность в трактовке того или иного предписания. Эти слова стали труднодоступными в смысле понимания сути текста правовой нормы на таджикском языке. Такое положение в таджикском варианте текста ГК РТ не соответствует статусу государственного языка (ч. 1 ст. 2 Конституции РТ). Таджикский язык как основной язык страны, в соответствии с положениями Закона РТ «О государственном языке Республики Таджикистан» от 05.10.2009 г., применяется во всех сферах политической, экономической и социальной жизни общества. Таджикский язык в статусе государственного языка испытывает по-

---

²³⁴ Кабанова И. Е. Тенденции реформирования гражданского законодательства в странах Центральной Европы: сравнительно-правовой обзор // Гражданское право. 2013. – № 1. – С. 39–41.

²³⁵ Рахимзода М., Бабаджанов И. Х., Меликов У. А., Бадалов Ш. К. О категории «гражданское» в действующем законодательстве и необходимости его подмены на категорию «цивильное» // Законодательство. 2014. – № 3 (15). – С. 35–40. – На тадж. языке.

требность в усовершенствовании норм и моделей словообразования, охватывающего различные сферы терминологии и новых международных значений. Одним из актуальных вопросов таджикского языка на сегодняшний день и в перспективе его развития признан процесс непосредственного заимствования международных словоформ и терминов из английского языка или через посредничество русского языка. В этом направлении необходимо использовать единый научный подход на основе устойчивых исторических и литературных норм с учетом фонетических особенностей таджикского языка. Соразмерность заимствованных слов с фонетическими особенностями таджикского языка при переводе способствует сохранности их естественного и изначального значения.

К сожалению, в Концепции развития гражданского законодательства РТ не уделено должное внимание светскому характеру гражданско-правового регулирования. Актуальность этого вопроса заключается в том, что в РТ принят Закон «Об исламской банковской деятельности» от 26.07.2014 г., № 1108. Особенность такой нетрадиционной кредитной деятельности (исламского банкинга) заключается в следующем. Исламские кредитные организации обязаны разъяснять клиентам особенности банковских операций, основанных на принципах исламского финансирования, и связанные с ними риски. Исламские кредитные организации не вправе: взимать вознаграждение в виде процентов; гарантировать возврат инвестиционного депозита или доход по нему; финансировать (кредитовать) деятельность, связанную с производством и (или) торговлей табачной, алкогольной продукции, оружием и боеприпасами, игорным бизнесом и незаконным оборотом наркотических веществ и прекурсоров; финансировать иные виды предпринимательской деятельности, (кредитование) которые запрещены шариатом.

До предоставления денежных средств клиентам исламские кредитные организации обязаны: убедиться в способности клиента исполнить свои обязательства в срок; провести подробную оценку клиента на предмет дееспособности, платежеспособности, рентабельности проекта и наличия залогового обеспечения.

Исламские кредитные организации не являются участниками системы обязательного страхования депозитов, и депозиты в исламских кредитных организациях не гарантируются системой страхования вкладов.

Требования законодательства РТ, регулирующие пределы участия в уставном капитале в случае приобретения ими акций (долей участия) в целях финансирования производственной и торговой деятельности юридических лиц, не применяются к исламским кредитным организациям (ст. 5).

По Конституции (ст. 1) РТ является светским государством, поэтому гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, распространять и менять любые религиозные и иные убеждения, а также действовать в соответствии с ними. В этом контексте можно сказать, что все равны в гражданском обороте, незави-

симо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. При этом в исламском банкинге, в соответствии с ст. 5 указанного закона, клиентам исламского банка, в зависимости от религиозной принадлежности, предоставляются определенные преимущества и устанавливаются некоторые ограничения. Возникает вопрос: насколько такое положение соответствует светскому характеру гражданско-правовой политики? Нам представляется, что гражданско-правовая политика не исключает органическое взаимодействие и сотрудничество государства с традиционными религиозными конфессиями в соответствии с конфессиональным выбором его граждан, в том числе в сфере банковской деятельности. Потом, как справедливо отмечает А. Д. Гафуров: «основные цели и задачи исламской финансовой системы являются универсальными, и сама исламская финансовая система адресована для применения не только мусульманским странам, но и для использования ее положительных аспектов и в других мировых системах»²³⁶. Существует практика создания исламских банков в ведущих странах Европейского Союза, а также в Казахстане.

Не секрет, что государство само есть производное от общества образование, а общество составляют носители религиозных традиций, и искусственное вычленение и отделение религиозной сферы общества от правовой жизни было бы противоестественным социальным феноменом и нарушало бы права верующих. Религиозный плюрализм предполагает сотрудничество государства с традиционными религиозными общинами, высоко оценивая их вклад в духовно-нравственное воспитание и просветительскую деятельность в обществе. Такое сотрудничество в сфере банковской деятельности может способствовать устойчивому развитию банковских услуг и улучшению качества жизни населения.

Роль и значение исламского фактора четко выражается в словах Президента РТ, уважаемого Эмомали Рахмона: «Сегодня между мусульманским миром и Западом возникла стена недопонимания, представляющая все большую угрозу. К сожалению, в представлениях кругов Запада начинает преобладать мнение о том, что экстремизм якобы свойственен природе ислама – одной из мировых религий. ...Светлая религия ислам, как и все другие религии, учит человечество терпимости, милосердию, смиренности и осуждает любые виды насилия, в том числе убийство, поэтому было бы грубой ошибкой связывать терроризм и экстремизм с исламом. Терроризм нельзя отождествлять с какой-либо религией, вероучением или нацией»²³⁷, поэтому адекватная гражданско-правовая политика Таджикистана требует всестороннего изучения исламского фактора, его специфики и практики в связи с глобализацией национальной эко-

---

²³⁶ Гафуров А. Д. Формирование и развитие финансового права развивающихся стран (на примере Исламской Республики Афганистан, Исламской Республики Иран и Республики Таджикистан): автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора юрид. наук / 12. 00. 01; 12. 00. 14. Бишкек, 2015. – С. 11.

²³⁷ Рахмонов Эмомали. Независимость Таджикистана и возрождение нации / Э. Рахмонов. Том пятый. – Душанбе: «Ирфон», 2006. – С. 117.

номики, интенсификацией внешнеторговых связей, а также ростом товарооборота со странами, где ислам является доминирующей религией.

С приобретением независимости в РТ были предприняты важные шаги для создания правовой экономики. Тем не менее слаборазвитость государственного управления и неэффективность функционирования государственных унитарных предприятий все еще создают правовую нестабильность, препятствующую экономическому росту и снижению уровня бедности.

Как вытекает из предложения, «унитарное предприятие» состоит из двух слов «унитарное» и «предприятие», каждое из которых имеет свое значение, а употребление их вместе в словосочетании означает во многих случаях объект права собственности, а в некоторых случаях – организационно-правовую форму юридического лица. Путаница. Сходство в обозначении объекта и субъекта гражданского права. Острая проблема доктрины и гражданского законодательства. Между тем, как отмечается в п. 9 Программы государственной поддержки предпринимательства в РТ на 2012–2020 г., утвержденной постановлением Правительства РТ от 30.04.2012 г., № 201, наблюдается низкий уровень развития промышленных и сельскохозяйственных предприятий, использование устаревшей техники и производственного оборудования, низкий уровень технологического производства, низкое качество и неконкурентоспособность выпускаемой отечественной продукции. Эти проблемы не будут решены, пока не будет решен вопрос о юридической личности унитарного предприятия. Ситуация усугубляется и тем, что «на данный момент процедуры контроля и надзора за рынком непрозрачны, излишне обременительны для бизнеса и не обеспечивают эффективной защиты прав субъектов регулирования. Предпринимательство сталкивается с высокими издержками деловой активности, которые возникают в связи с противоречиями в нормативных правовых актах или с отсутствием определенных положений в законодательстве, недостаточным исполнением законов, распространенной практикой вмешательства центральных и местных органов государственной власти в хозяйственную деятельность и связанным с ней процессом принятия решений»²³⁸.

Слово «унитарный» означает единый, объединенный, составляющий одно целое. Категория «предприятие» означает имущественный комплекс, используемый для осуществления экономической деятельности. Оно в целом или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав. В его состав входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая права пользования земельным участком, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, право требования, долги, а также право

---

²³⁸ Глава 1 «Анализ ситуации» Стратегии реформирования системы государственного управления Республики Таджикистан на 2005–2015 г., утвержд. Указом Президента РТ от 15.03.2006 г., № 1713. // [Электрон. ресурс] // АДЛИЯ: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0 / М-во юстиции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD – ROM).

на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания) и другие объекты исключительных прав, если иное не предусмотрено законом или договором. Получается, что применение категории «унитарный» в отношении категории «предприятие» ни какой нагрузки для обозначения организационно-правовой формы юридического лица не несет. Без этой же категории понятие «предприятие» по смыслу ст. 144 ГК РТ и ст. 132 ГК РФ как единый имущественный комплекс признается недвижимостью, объектом права собственности. При этом категория «предприятие» рассматривается как коммерческая организация (ст. 308–312 ГК РТ, ст. 2 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»). В этих нормах понятие «предприятие» практически совпадает с понятием юридического лица, поскольку в целом для законодательства характерно использование этой категории для обозначения организаций всех форм собственности и организационно-правовых форм. Н. Н. Ковалева считает, что употребление понятия предприятия в отношении коммерческих организаций всех форм собственности характерно для правовых актов, имеющих административно-правовую направленность, что является целесообразным и даже необходимым²³⁹.

С такой позицией автора согласиться нельзя. Организационно-правовые формы юридических лиц являются важными институтами гражданского права. Их использование в других отраслях права и законодательства должно соответствовать смыслу гражданско-правовой трактовки. Спорным является представление о том, что категория «юридическое лицо» используется для характеристики «частноправовых возможностей юридического лица»²⁴⁰. Нам представляется, что понятие юридического лица является крупным достижением цивилистической мысли, и оно имеет общеправовой характер, обеспечивающий устойчивое развитие всей правовой системы.

По нашему мнению, использование категории «предприятие» в целях обозначения всех коммерческих организаций является следствием недопонимания сущности юридического лица. Юридическое лицо – это не предприятие, а организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении, оперативном управлении и ином праве обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные гражданские права, нести обязанности, а также имеет процессуальную правосубъектность. Если унитарное предприятие соответствует требованиям юридической личности общественной деятельности, то оно может быть зарегистрировано в качестве особой разновидности юридического лица, причем унитарное предприятие является разновидностью организации, а не только коммерческой организацией. При этом

---

²³⁹ Ковалева Н. Н. Административно-правовой статус предприятий: дисс. на соискание ученой степ. канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – С. 18.

²⁴⁰ Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М. Зерцало, 2009. – С. 750.

значении указанное слово предопределило характер осуществляемой организацией деятельности: производство товаров, выполнение работ, оказание услуг. Унитарное предприятие, в соответствии с ст. 20 Закона РТ «О государственных предприятиях», может действовать в особых сферах экономической деятельности.

Как вытекает из положений указанной нормы, унитарное предприятие создается с целью удовлетворения публичных интересов государства, а не с целью получения прибыли, льгот или компенсаций, поэтому для характеристики видов деятельности унитарного предприятия используется словосочетание не коммерческая, а производственно-хозяйственная деятельность. Она направлена не на любые виды деятельности, а только лишь на те, которые будут соответствовать функциям, возлагаемым на государство народом. Конституция РТ провозглашает Таджикистан суверенным, демократическим, правовым, светским и унитарным государством. По его замыслу, Таджикистан должен быть социальным государством, создающим условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека (ст. 1). В нем провозглашается политическое и идеологическое многообразие, отделение религиозных организаций от государства, гарантируется свобода экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовая защита собственности, в том числе частной (ст.ст. 8, 12.). Важной для Таджикистана является ст. 13 Конституции, которая закрепила землю, ее недра, воду, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы как исключительную собственность государства. В ней гарантируется эффективное использование этих ресурсов в интересах народа, поэтому государство обязано направлять эти ресурсы на создание социально-ориентированной рыночной экономики. А это подразумевает следующее:

- а) институциональное преобразование и совершенствование государственного управления;
- б) создание современной конкурентной среды на внутреннем рынке и повышение ликвидности производимой продукции;
- в) постепенное преодоление сырьевой направленности в структуре экономики;
- г) обеспечение занятости трудовых ресурсов, реформирование системы заработной платы и пенсионного обеспечения.

Государство не только имеет право создавать социально-ориентированную рыночную экономику, но и обязано соблюдать требования Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятой 12.12.1974 г. на пленарном заседании 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В соответствии со ст. 7 Хартии: «Каждое государство несет основную ответственность за содействие экономическому, социальному и культурному развитию своего народа. С этой целью каждое государство имеет право и несет ответственность за выбор целей и средств развития, полную мобилизацию и использование своих ресурсов, осуществление прогрессивных экономических и социальных реформ,

а также обеспечение полного участия своего народа в процессе и выгодах развития. Все государства обязаны индивидуально и совместно сотрудничать, с тем чтобы устранить препятствия, которые мешают такой мобилизации и использованию».

По сравнению с этатистской и либеральной моделями экономики социально-ориентированная экономика рационально применяет рыночные и государственные механизмы воздействия, в которых нередко сочетаются или периодически сменяют друг друга различные модели экономики, а рыночные институты находятся на стадии становления. Однако государство выступает как субъект, регулирующий общественные отношения, в частности в области экономики. А правовое регулирование – это воздействие государства на экономику при помощи правовых предписаний, поэтому оно является одной из форм государственного регулирования экономики.

Институт вещных прав является основным элементом государственного регулирования экономики. Однако для формирования социально-ориентированной экономики одного вещного права мало. В настоящее время важнейшим фактором производства и развития производительных сил, кроме классических трех (труд, капитал, земля), становится актуальная информация. Это означает, что современное производство требует высших уровней использования объектов интеллектуальной собственности. Каждому предоставлено право на свободное участие в культурной жизни общества, художественном, научном и техническом творчестве и использование их достижений. Культурные и духовные ценности охраняются государством. Интеллектуальная собственность находится под защитой закона (ст. 40 Конституции РТ).

Взаимосвязь и взаимодействие триады «государство – право – экономика» ни в коем случае нельзя представлять односторонне и упрощенно. Это сложный процесс, в котором, кроме государства и права, участвуют и другие элементы надстройки общества: духовные, политические, национальные, этнические. И в данном вопросе не следует упускать из виду и обратное воздействие государства на экономику.

Проведенный анализ показывает, что унитарное предприятие в трансформационной экономике РТ является одной из ведущих форм осуществления права собственности государства. Оно составляет основное звено государственного сектора экономики. Однако унитарное предприятие не является понятием одноуровневого значения с государственным сектором экономики. Хотя унитарное предприятие усиливает роль государства не только как регулятора наиболее значимых общественных отношений, но и как собственника. Понятно, что в условиях кризиса усиливается роль государства, однако это не означает, что все стороны общественной жизни подлежит огосударствлению. Цель государственности – обеспечение уравновешенного баланса между частным и общественным интересами. В этом и заключается современная модель правовой политики. Такая политика успешна и создает общее благо, если она соответствует следующим основным направлениям правового прогресса: обогащению

позитивного права естественно-правовыми идеями и ценностями; утверждению начал правового государства; возвышению частного права; возвышению и развитию правосудия²⁴¹.

Продолжая свои рассуждения об унитарных предприятиях, можно сказать, что их деятельность связана с решением ряда важных общественных проблем, к числу которых следует отнести: плановое и целевое использование государственного имущества в качестве юридического лица, субъекта права хозяйственного ведения; производство отдельных видов продукции, изъятых из оборота или ограниченно оборотоспособных; осуществление деятельности по производству товаров, выполнению работ, оказанию услуг при непосредственной финансовой поддержке государства в целях решения социальных проблем.

Таким образом, унитарное предприятие не «коммерческое лицо государства», а особая юридическая личность, наделенная комплексным правовым статусом, выражающимся в том, что унитарное предприятие одновременно выступает в гражданском обороте от своего имени и в своих интересах и в интересах государства. Его финансы играют важную роль в материальном обеспечении реализации гражданско-правовой политики. Они обеспечивают не только производство жизненно важных товаров и социальную защиту трудового коллектива, но и используются для образования государственных финансов. Однако существующая квазифискальная нагрузка ограничивает потенциал устойчивого развития унитарных предприятий, поскольку она не позволяет сфокусироваться на профильной (уставной) деятельности.

Литература:

1. Гафуров А. Д. Формирование и развитие финансового права развивающихся стран (на примере Исламской Республики Афганистан, Исламской Республики Иран и Республики Таджикистан): автореф. дисс. на соискание учен. степен. доктора юрид. наук / 12. 00. 01; 12. 00. 14. – Бишкек, 2015.
2. Кабанова И. Е. Тенденции реформирования гражданского законодательства в странах Центральной Европы: сравнительно-правовой обзор // Гражданское право. – 2013. – № 1.
3. Ковалева Н. Н. Административно-правовой статус предприятий: дисс. на соискание ученой степ. канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
4. Менглиев Ш. М. Объективная необходимость унификации норм международного частного права // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. – Выпуск 29 // под ред. А.Г. Диденко. – Алматы: Раритет. Институт правовых исследований и анализа. 2007.

---

²⁴¹ Слова С. С. Алексева. Цит.: по кн. Поляков С. Б. Юридическая ответственность государства. – М. Юридический мир, 2007. – С. 68.

5. Поляков С. Б. Юридическая ответственность государства. – М. Юридический мир, 2007.
6. Рахимзода М., Бабаджанов И. Х., Меликов У. А., Бадалов Ш. К. О категории «гражданское» в действующем законодательстве и необходимости ее подмены на категорию «цивильное» // Законодательство. – 2014. – № 3 (15). – На тадж. языке.
7. Рахмонов Эмомали. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Том пятый. – Душанбе: «Ирфон», 2006.
8. Содики Кашруди. Таджикский язык и национальная культура // Чумхурият (Республика). – 2014. – № 204 (22 509). – 21 окт. – На тадж. языке.
9. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2009.

Гаюров Ш. К.

Аннотация

Гражданско-правовая политика: некоторые проблемы формирования

В настоящей статье анализируются наиболее острые проблемы формирования гражданско-правовой политики. В ней рассматриваются некоторые вопросы языка закона, вопросы исламского банкинга, функционирования унитарных предприятий и квазифинансовой деятельности государства.

Gayurov Sh. K.

Annotation

The civil and legal policy: some problems of formation

In given article is analyzed the most acute problems of the formation of civil and legal policy. It is considered certain issue of the language of the law, islamic banking issues, the operation of the unitary enterprises and quasi finance activities of the state.

САИДОВ Х. М. *

**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВОДОСНАБЖАЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Ключевые слова: ответственность, гражданско-правовая ответственность, водоснабжающая организация, договор водоснабжения, вред, компенсация морального вреда.

---

* ассистент кафедры гражданского права юридического факультета ТНУ

Keywords: *liability, civil and legal liability, water supply organization, water supply contract, harm, compensation of moral harm.*

Каждое отношение имеет свои определенные последствия. Последствия выражаются в двух формах. Первая форма – положительные последствия и вторая – последствия, выраженные в негативной форме. Вопрос ответственности возникает только при негативных последствиях, так как они влияют на ту или другую сторону, чего не ожидала ни та, ни другая сторона. Это обстоятельство в отношениях водоснабжения также имеет место, так как неисполнение или ненадлежащее исполнения обязательств сторонами гражданско-правового договора (водопользователь, водоснабженец) может оказать негативное влияние на одну из сторон. Данное обстоятельство порождает гражданско-правовую ответственность для правонарушителя в целях восстановления или возмещения вреда другой стороне. Все указанные обстоятельства законодатель определил одним понятием – “ответственность”. Как указывается, отношения по снабжению ресурсами через присоединенную сеть, в том числе отношения по снабжению водой (водоснабжению) и принятию сточных вод (водоотведению), характеризуются необходимостью ограничения ответственности за нарушение обязательства²⁴².

Вопрос о юридической ответственности является одним из наиболее сложных в общей теории права, вокруг которой, многие авторы выражают свою позицию. В данной статье рассматривается только один из видов юридической ответственности – гражданско-правовая ответственность. В юридической литературе характеристика этого вида ответственности является спорной²⁴³. В. А. Тархов отмечает, что в качестве важной особенности гражданско-правовой ответственности выступает соответствие объема ответственности и объема вреда²⁴⁴. Каждый субъекты общественных отношений должны надлежаще исполнять принятые на себя обязательства. Однако в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения частных обязательств возникает гражданско-правовая ответственность.

По договору водоснабжения санкции могут применяться в таких моментах: санкции за нарушение условий договора, за несоблюдение качества поставляемой воды и ее сроках; санкции за нарушение условий о цене и расчетах; санкции за иные нарушения обязанностей по договору.

В договоре водоснабжения должен применяться принцип надлежащего исполнения обязательств. Водоснабжающие организации являются активными участниками в вопросах удовлетворения прав каждого гражданина в водопользовании, поэтому необходимо, чтобы данные организации исполняли эту свою

---

²⁴² Блинкова Е. В. Договор водоснабжения в Российском гражданском праве. – Рязань, 2001. – С. 146.

²⁴³ Гражданское право. Часть первая / отв. ред. М.А. Махмудов (автор главы Рахимов М. З.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2007. – С. 370.

²⁴⁴ Тархов В. А. Гражданское право: курс: Общая часть. – Уфа, 1998. – С. 285.

основную задачу своевременно и полно. В ходе неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей со стороны водоснабжающих организаций, установленных Правилами пользования системами коммунального водоснабжения и канализации в РТ²⁴⁵ и договором водоснабжения, возникает гражданско-правовая ответственность. Одной из особенностей ответственности водоснабжающей организации является их повышенная ответственность, так как во всех случаях ответственность снабжающей организации наступает без вины.

Водопроводно-канализационные организации несут ответственность за нарушение договорного обязательства независимо от наличия их вины. В юридической литературе ответственность анализирована без наличия вины и подчеркивается, что ответственность без наличия вины не является предметом такого исследования²⁴⁶. Однако мы не согласны с тем, что это правило должно распространяться на договор водоснабжения между водоснабжителем (организация) и клиентом (водопользователь) и только в отношении водоснабжающей организации, так как этот субъект является юридическим лицом и занимается предпринимательской деятельностью, а в предпринимательской деятельности ответственность возникает независимо от вины. Исходя из этого, в соответствии с Законом РТ “О государственных предприятиях”, водоснабжающая организация выступает как государственное унитарное предприятие. Государственное унитарное предприятие считается коммерческой организацией. Коммерческая организация в гражданских правоотношениях имеет ответственность без наличия их вины, поэтому водоснабжающая организация также отвечает за свое действие без наличия вины.

В этой связи возникает вопрос, во всех ли случаях ответственность снабжающей организации наступает без вины? Правила пользования системами коммунального водоснабжения и канализации в РТ на данный вопрос ответа не содержат. В п 23 правил предоставления коммунальных услуг²⁴⁷ указано, что исполнитель освобождается от ответственности, если докажет, что нарушение произошло вследствие непреодолимой силы. В правилах пользования системами коммунального водоснабжения и канализации нет даже такой оговорки.

Ответственность водоснабжающей организации может также возникнуть во время приостановки воды. Снижение оплаты не допускается, если перерыв в предоставлении услуг связан с устранением угрозы здоровью, жизни граждан, предупреждением ущерба имуществу или вследствие непреодолимой силы. Но

---

²⁴⁵ Утвержден постановлением Правительства РТ от 30.04.2011 г., № 234. // АДЛИЯ: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0 / М-во юстиции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

²⁴⁶ Тархов В. А. Гражданские права и ответственность. Монография. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1996. – С. 97–100; Плотников В. Предпринимательская деятельность и принцип ответственности за вину // Российская юстиция. – 1993. – № 19. – С. 28; Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997. – С. 32–47.

²⁴⁷ Утверждено постановлением Правительства РТ от 6.06.2005 г., № 209 (в редакции постановления Правительства РТ от 3.08.2007 г., № 419). // АДЛИЯ: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0 / М-во юстиции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

в правилах пользования системами коммунального водоснабжения и канализацией в РТ не устанавливается ответственность водоснабжающей организации за перерывы в подаче воды и ограничения в принятии сточных вод перед абонентами. Но, несмотря на это, водоснабжающие организации отвечают за перерывы в подаче воды и ограничения принятия сточных вод перед абонентами лишь при наличии их вины, поэтому мы солидарны с Е. В. Блинковой в том, что водоснабжающая организация несет ответственность при наличии вины только за перерывы в подаче воды и принятии сточных вод²⁴⁸. В остальных случаях за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства ответственность водоснабжающей организации строится исходя из признания ее субъектом, осуществляющим предпринимательскую деятельность (ч. 3 ст. 432 ГК РТ), значит, ответственность наступает независимо от его вины. Таким образом, водоснабжающая организация несет ответственность независимо от вины и независимо от того, кто является абонентом – физическое или юридическое лицо.

В договоре водоснабжения с целью защиты прав и законных интересов сторон в большинстве случаев устанавливается неустойка. За нарушение установленных договором сроков устранения недостатков в качестве или превышении допустимых перерывов в предоставлении воды возможно применение и другой меры ответственности – неустойки. Организация водопроводно-канализационного хозяйства (исполнитель) в данном случае обязана уплатить потребителю неустойку в размере трех процентов за каждый день просрочки, если срок или перерыв определен в днях, и один процент за каждый час просрочки, если срок или перерыв определен в часах одного процента за каждый час просрочки (п. 4.23 Правил).

В общем ответственность водоснабжающей организации может возникнуть в следующих случаях: если исполнитель после заключения договора своевременно не приступил к предоставлению услуг, потребитель вправе потребовать уменьшения размеров оплаты за услуги и возмещения убытков; в случае обнаружения недостатков в качестве предоставляемых услуг потребитель вправе потребовать от исполнителя уменьшения оплаты услуг; за нарушение установленных договором сроков устранения недостатков в качестве предоставляемых услуг или превышение допустимых перерывов в предоставлении услуг исполнитель обязан уплатить потребителю неустойку в размере трех процентов за каждый день просрочки, если срок или перерыв определен в днях, и один процент за каждый час просрочки, если срок или перерыв определен в часах; исполнитель несет ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя, в полном объеме, а также за моральный вред в размере и порядке, определяемом в соответствии с законодательством РТ; исполнитель

---

²⁴⁸ Блинкова Е. В. Указ соч. – С. 152.

освобождается от ответственности за нарушение качества предоставления услуг, если докажет, что оно произошло вследствие непреодолимой силы.

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков в соответствии с гражданским законодательством и законодательством о защите прав потребителей.

Зачастую могут иметь место факты передачи Водоканалом воды ненадлежащего качества. Последствия данного нарушения определяются нормами ГК РТ по договору водоснабжения и в общем по договору купли-продажи. Водоснабжающая организация не будет нести ответственность, если без промедления заменит воду ненадлежащего качества на воду надлежащего качества.

Напоминаем, что, в силу ст. 431 ГК РТ, по отдельным видам обязательств и по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, законом может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность). Однако вышеуказанное, по нашему мнению, не применимо к обязательствам, которые возникают на основании договора водопользования между водопользователем и водоснабжающей организацией, потому что часть вторая данной статьи устанавливает, что соглашение об ограничении размера ответственности должника по договору присоединения или иному договору (договор водоснабжения), в котором кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя, ничтожно. Именно эта статья определяет кредитора как гражданина – потребителя, а если в договоре водоснабжения нарушен законный интерес водопользователя (гражданина), то на него распространяется норма ч. 2 ст. 431 ГК РТ, и нельзя ограничить размер возмещения убытков.

Таким образом, объем возмещаемого должником вреда не уменьшается, если кредитором выступает потребитель – физическое лицо.

Литература:

1. Блинкова Е. В. Договор водоснабжения в Российском гражданском праве. – Рязань – 2001.
2. Гражданское право. Часть первая (на тадж. языке) / отв. ред. М.А. Махмудов (автор главы Рахимов М. З.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2007. –
3. Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997.
4. Плотников В. Предпринимательская деятельность и принцип ответственности за вину // Российская юстиция. – 1993. – № 19.
5. Тархов В. А. Гражданские права и ответственность. Монография. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1996.
6. Тархов В. А. Гражданское право: курс: общая часть. – Уфа, 1998.

Аннотация

Особенности гражданско-правовой ответственности водоснабжающей организации

В данной статье рассматриваются особенности гражданско-правовой ответственности одной из сторон договора водоснабжения – водоснабжающей организации. В работе основное внимание уделяется особенностям гражданско-правовой ответственности водоснабжающей организаций, определяются основания возникновения такой гражданско-правовой ответственности.

Saidov H. M.

Annotation

The features of civil and liability of the water supply organization

In this article is considered the features of civil and liability of one subjects of the water supply contract – water supply organization. In this work, the main attention is directed to the features of the water supply organization's civil and legal liability, determined grounds of the water supply organization civil and legal liability.

КУРБОНАЛИЗОДА Н. Ш.*

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В РЕСПУБЛИКЕ
ТАДЖИКИСТАН**

Ключевые слова: ребенок, защита прав ребенка, информационные права ребенка, образование и воспитание детей.

Keywords: child, protection of the rights of the child, informational rights of the child, children's education and upbringing.

Проблема защиты прав ребенка является не только сегодняшней проблемой РТ, а охватывает все государства мира, поэтому на международном уровне в отношении ребенка и его прав проявляют особое внимание. С этой целью впервые в 1959 году на международном уровне была принята Декларация прав ребенка, в соответствии с которой ребенок, принимая во внимание его физическое и умственное развитие, нуждается в защите и особой заботе. Важнейшим правовым документом, который признает ребенка как самостоятельного субъекта права, является Конвенция о правах ребенка, принятая в 1989 году и признанная свыше 200 государствами, за исключением США и Сомали. Республи-

---

*Ассистент кафедры гражданского права юридического факультета ТНУ, к. ю. н.

ка Таджикистан ратифицировала ее в 1993 году²⁴⁹. Это еще раз доказывает, что данная конвенция является важнейшим документом в области защиты прав ребенка. Согласно ст. 1 данной конвенции под понятием “ребенок” понимается физическое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. В национальном законодательстве понятие «ребенок» имеет такое же значение. Например, согласно ч. 1 ст. 1 Закона РТ «О защите прав ребенка» и ст. 55 Семейного кодекса Республики Таджикистан, “ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)”.

Следует отметить, что ребенок, как и другие лица, пользуется всеми правами человека и гражданина. Права и свободы ребенка, согласно Конвенции о правах ребенка и национального законодательства, можно разделить на следующие группы:

1. Личные права и свободы.
2. Политические права и свободы.
3. Социальные права и свободы.
4. Экономические права и свободы.
5. Культурные права и свободы.

В настоящее время в некоторой правовой литературе также выделена новая категория группы прав – информационные права ребенка. Понятие “информационные права ребенка” в правовой литературе трактуется по-разному. Под данным понятием подразумеваются право на образование, право на соответствующее (надлежащее) воспитание, право на творчество, право на честь и славу и т. д.

Как было отмечено, одним из информационных прав ребенка является право на образование. Под понятием “право на образование” подразумевается получение обязательного общего среднего образования, которое, с учетом следующих особенностей, также относится к числу информационных прав:

1. Является нематериальной ценностью.
2. Имеет воспитательную особенность, как правило, выражается в устной форме.
3. Является одним из элементов современных оплачиваемых услуг – информационных обслуживаний.

Данный вид информационных прав ребенка, являясь одним из конституционных прав граждан, непосредственно закреплен в ст. 41 Конституции РТ. Согласно данной норме каждый имеет право на обучение, и предусматривается получение основного общего образования в обязательном порядке. Наряду с

---

²⁴⁹ Диноршоев А. М., Сафаров Б. А., Сафаров Д. С. Право ребенка. Учеб. пособие. Изд-во «Контраст». – Душанбе, 2013. – С. 65.; Диноршоев А. М. Понятие ювенальной юстиции и перспективы ее развития в Республике Таджикистан. / Правозащитная деятельность органов государственной власти РТ: проблемы правовой реформы. Сборник материалов круглого стола. – Душанбе, 2013.; Диноршоев А. М. Ювенальное право как правовое явление, направленное на защиту прав ребенка в РТ. / Сборник материалов круглого стола: «Ответственность несовершеннолетних: проблемы и пути их решения». – Душанбе, 2013.

этим в ст. 17 Закона РТ «О защите прав ребенка» предусмотрено, что ребенок имеет право на образование, и ему гарантировано безвозмездное среднее общее и начальное профессиональное образование, бесплатное среднее образование и высшее профессиональное образование. Для осуществления данного права государство, обеспечивая благоприятные условия, гарантирует общее основное обязательное бесплатное обучение в государственных образовательных учреждениях.

Следует отметить, что охват детей обучением возложен на родителей еще с давних времен. В наставлениях сказано, что если у вас родился сын, то есть, обращаясь к родителям, говорится: ему надо дать образование с самого детства, так как знание – это светоч ума. Даже со времен Зороастризма эти обязанности возлагались на главу семьи – отца. Согласно правовым нормам зороастрийского права мужчина должен был не только привлечь своего ребенка к образованию, но и свою жену²⁵⁰.

Следует отметить, что проблема образования детей рассматривалась даже в исламской религии. По мусульманским канонам получение образования для каждой мусульманки и мусульманина является обязательным. Вышеизложенное подтверждается первым высказыванием исламского пророка “Икра” (из арабского слова означает – читай), которое было написано в священной книге – Коран²⁵¹. Один из хадисов пророка Мухаммеда (с. а. с.) гласит: “Ищи знания с колыбели до могилы”. Это означает, что получение знаний для каждой мусульманки и мусульманина является обязательством²⁵².

Конечно, право на получение образования является одним из видов информационных прав ребенка и оказывает огромное положительное влияние для дальнейшего духовного развития ребенка²⁵³. Учитывая именно эти положительные стороны, законодательством Республики Таджикистан получение среднего основного образования до 9 класса установлено в обязательном порядке. Согласно действующему законодательству ребенок не может быть исключен из государственного образовательного учреждения до получения среднего общеобразовательного или начального профессионального обучения, за исключением тех случаев, если имеется согласие государственного уполномоченного органа по защите прав ребенка.

Для правильного обеспечения осуществления данного права в главе 12 СК РТ предусмотрены обязательства родителей. Независимо от этого, принимая во внимание важность данной задачи, права и обязательства родителей укреплены в законе РТ «Об ответственности родителей за воспитание и обучению детей».

---

²⁵⁰ Халиков А. Г. Правовая система зороастризма (древнее право) / А.Г. Халиков. – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2005. – С. 34–43.

²⁵¹ Коран, Сура «Сгусток», 96:1. Аль-Фуркан. – М., 2000.

²⁵² Халиков А. Г. Хадис как источник мусульманского права. – Душанбе: «Ирфон», 1998. – С. 92.

²⁵³ Курбоналиев Н. Ш. Проблемы защиты гражданских информационных прав ребенка в Республике Таджикистан. Монография. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 23.

Согласно этому закону родители имеют право выбирать способы, виды и методы образования, а также образовательные учреждения для своих детей.

В соответствии со ст. 9 данного закона родители в рамках получения образования детьми имеют следующие обязанности:

- обеспечить получение образования детьми и не препятствовать учебе ребенка в среднем общеобразовательном учреждении;
- обеспечить ребенка всеми необходимыми предметами для учебы и создать все условия для его обучения;
- контролировать получение знаний ребенком в ходе учебного процесса, систематически сотрудничать с коллективом преподавателей и руководством образовательных учреждений и т. д.

За невыполнение данных обязательств родители могут лишиться родительских прав, что является мерой семейно-правовой ответственности. Также право ребенка на образование защищается другими отраслями права. В частности, согласно ст. 90 Кодекса об административных правонарушениях РТ, в отношении родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних установлено предупреждение или наложение штрафа в размере от одного до трех показателей для расчетов.

Кроме того, согласно ст. 164 УК РТ, воспрепятствование физическим лицом каким бы то ни было способом получению общего основного обязательного образования (девятилетнего) наказывается штрафом в размере от одной тысячи до двух тысяч показателей для расчетов либо ограничением свободы на срок до двух лет.

Принимая во внимание важность этой задачи, Президент страны Эмомали Рахмон в своем Послании к Маджлиси Оли от 23.01.2015 года, особо подчеркнув образование и воспитание детей, с целью обеспечения прав ребенка в РТ в частности, предложил создать Полномочный институт по правам ребенка. Это еще раз свидетельствует о проявлении особого внимания руководством страны на образование и воспитание детей.

В конце хочу отметить, что для достижения цели в направлении обеспечения прав ребенка на образование созданы все правовые базы, и единственным делом, которое следует завершить, является разъяснение обществу важности данной задачи. Это можно осуществить путем показа видеороликов по телевизору, съемки воспитательных фильмов, проведения собраний и т. д.

Один из результативных методов решения этой задачи – это повышение уровня правового образования родителей, так как большинство родителей не осведомлены о своих правах и обязанностях, в результате чего это влечет их безответственность. Когда родители предупреждены о своих обязанностях и осведомлены о последствиях их невыполнения, тогда они будут чувствовать ответственность.

**Некоторые вопросы защиты прав ребенка в Республике Таджикистан
Аннотация**

В статье рассматриваются некоторые вопросы защиты прав ребенка в Республике Таджикистан. В настоящее время больше всего нарушаются информационные права ребенка, к которым относятся право на образование и право на надлежащее воспитание. Также в статье рассматриваются вопросы ответственности родителей за нарушение этих прав согласно с законодательством Республики Таджикистан.

Kurbonalizoda N. Sh.

**Some issues of the protection of the rights of the child in the Republic of Tajikistan
Annotation**

In the article is considered some issues of the protection of the rights of the child in the Republic of Tajikistan. Currently the rights of the child to information is violated most of all. They are the right to education and the right to proper training. It is also considered the questions of parent's responsibility for the violation of these rights according to the legislation of the Republic of Tajikistan.

Литература:

1. Диноршоев А. М. Понятие ювенальной юстиции и перспективы ее развития в Республике Таджикистан. / Правозащитная деятельность органов государственной власти РТ: проблемы правовой реформы. Сборник материалов круглого стола. – Душанбе, 2013.
2. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А., Сафаров Д. С. Право ребенка. Учеб. пособие. Изд-во «Контраст». Душанбе, 2013.
3. Диноршоев А. М. Ювенальное право как правовое явление, направленное на защиту прав ребенка в РТ. / Сборник материалов круглого стола: «Ответственность несовершеннолетних: проблемы и пути их решения». – Душанбе, 2013.
4. Коран, Сура «Сгусток», 96:1. Аль-Фуркан. – М., 2000.
5. Курбоналиев Н. Ш. Проблемы защиты гражданских информационных прав ребенка в Республике Таджикистан. Монография. – Душанбе: «Ирфон», 2014.
6. Халиков А. Г. Правовая система зороастризма (древнее право) / А.Г. Халиков. – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2005.
7. Халиков А. Г. Хадис как источник мусульманского права. – Душанбе: «Ирфон», 1998.

VI. ПОСТУПИВШИЕ РЕЦЕНЗИИ

АЗИЗКУЛОВА Г. С.*

РЕЦЕНЗИЯ

НА МОНОГРАФИЮ И. А. МАМАДАЛИЕВА «РОССИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ: ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА». – ИЗД-ВО «НОШИР». ХУДЖАНД, 2013 Г. – 399 С.

Проблема присоединения Средней Азии к России относится к достаточно исследованной в историко-правовой литературе. Те или иные аспекты процесса колонизации Средней Азии Россией рассмотрены в трудах таких ученых, как Бобохонов М. Б., Семенов А. О., Муллоджонова А., Гафуров Б. Г., Попов А. Л., Яковлев Н. Н., Рябинская А. М., Мирошников Л. И., Пирумшоев Х., Масов Р., Искандаров Б., Хотамов Н., Галуза П. К., Сафаров Г., Соколов Н. К., Наливкин В. П., Рожкова М. К., Халфин Н. А., Хайдаров Г. Х., Тухтаматов Ф. Т. и др., а потому читатель заинтригован, что нового можно узнать из предлагаемой монографии.

Русские дореволюционные авторы использовали такие термины, как «водворение в Средней Азии русского гражданства», «распространение русского владычества в Средней Азии», «наступательное движение русских в Туркестан», «завоевание Туркестана».

В 50-е – 60-е годы в советской историографии использовался термин «присоединение», что является заслугой ученых Бекмаханова М. Б. и Халфина Н. А. и объясняется общей идеологической концепцией и вытекающим из нее принципом интернационализма. С 70-х годов XIX века в Среднюю Азию, в том числе и в Бухарский эмират, проникает русская культура, которая имела «... огромное значение, – читаем мы у С. А. Раджабова, – для духовного развития узбекского, казахского, таджикского, киргизского и каракалпакского народов»²⁵⁴.

В постсоветский период используются термины «завоевание», «агрессивное вторжение», что свидетельствует о негативном взгляде на присоединение Средней Азии к России, исключая явные позитивные последствия, присущие данному историческому событию. После распада СССР были сняты препятствия, мешавшие объективному подходу к исследованию исторических проблем. «В конце XX – начале XXI века в Центральноазиатских республиках превалирует предвзятый подход к исследованию проблемы, стремление переписать историю, безразборно присвоить исторические и культурные достижения в регионе, не оставляя место для таджиков, стоявших у истоков древней и средневековой

---

* доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ТНУ, к.ю.н.

²⁵⁴ Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. – Ташкент, 1955. – С. 60.

региональной цивилизации», – читаем во введении к монографии, написанной известным историком Пирумшоевым Х.

Сегодня появились благоприятные условия для более углубленного объективного подхода к имеющимся источникам, снят гриф «Совершенно секретно», что дает возможность в условиях деидеологизации науки по-новому подойти к оценке известных исторических фактов. Автору удалось комплексно исследовать правовые основы института генерал-губернаторства. При этом подчеркивая, что два традиционно мусульманских института остались неприкосновенными, более того, получили официальное признание в законодательстве об управлении Туркестанским краем – шариатские суды и вакфы. Что касается последнего, с приходом в Центральноазиатский регион царской России ее чиновники столкнулись со сложной, но весьма ограниченной системой вакфного права²⁵⁵. Впервые с приходом русских светская власть взяла на себя вопрос регулирования вакфной собственности. Вопрос вакфа оказался настолько сложным, что за весь период своего правления Туркестанским краем (1867–1917 гг.) российское руководство так и не смогло решить данную проблему. В вопросе о вакфном праве царская Россия исходила прежде всего из своих национальных интересов. Оставляя вакфную собственность мусульманскому духовенству, они не лишали его основного источника дохода, но при этом освобождали себя от необходимости выделять финансовые средства на медицину, образование, науку и др.

Кстати, о духовенстве и о медицине. И. А. Мамадалиев указывает, что «русские не могли с доверием отнестись к туземному духовенству, потому что мусульманское духовенство почти везде было самым упорным и самым опасным для иноверцев, особенно для христиан. Хотя духовенство не высказывалось против русских, как обыкновенно мусульмане высказывались против христиан, но уже само по себе, по требованию религии, по обязанности, оно носило элемент, если не враждебный, то недружелюбный. Деятельность же некоторых членов духовенства, как например раисов, наблюдающих за точным исполнением мусульманского закона и религиозных прав и требований, положительно не отвечают нашим интересам и требованиям русских» или в другом абзаце: «привилегированных сословий, ходжей (потомков святых), мы не касаемся, но и не признаем ни их прав, ни преимуществ этих тунеядцев» – со ссылкой на Губаеву С.С. (с.163-164).

Относительно борьбы с цингой автор, утверждая, что погибли 1000 человек, 10000 верблюдов и 8000 лошадей, относит к положительному аспекту завоевания Средней Азии работу российских врачей и ветеринаров. О позитивной стороне присоединения Средней Азии к России Тухтаметов Т. пишет, что в русских поселениях были построены различные заводы по первичной обработке сельскохозяйственного сырья, открыты почтово-телеграфные конторы, по-

---

²⁵⁵ Мирбабаев А. А. История развития правового института вакфной собственности и его современное значение в Таджикистане (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. ... к. ю. н. – Душанбе, 2012. – С. 14–15.

строены различные культурные учреждения и заведения. В работе на основе богатого научного архивного материала приводятся аргументы в пользу цивилизующего значения присоединения Средней Азии к России. Вхождение в Россию приоткрыло окно в Европу, через которое процессы капитализации коснулись и среднеазиатских ханств. К. Маркс, признавая «цивилизаторскую миссию» в царской России, отмечал: «русское господство при всей его гнусности, при всей его славянской неопрятности имеет цивилизующее значение для черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар»²⁵⁶. Кстати, о башкирцах и татарах. Автор определенную вину возлагает на них касательно переводов или работ русских и европейских переводчиков. Между тем в произведении С. Айни «Бухарские палачи» описана роль приезжих из России татар, которые были достаточно образованны, выполняя в том числе и обязанности переводчиков. В повести рассказано о том, как в помещении Регхана (помещение для песка) была учинена расправа над двумя подростками Баки и Махмудом, сыновьями татарина Мулланизама Сабитова. Преступление этих мальчиков 14-ти и 16-ти лет заключалось лишь в том, что их отец открыл у себя новометодную школу и имел неосторожность отстаивать свои просветительские воззрения перед муллой – татаринном Камаром, главарем Бухарских реакционеров, и, что еще опаснее, поспорить с ним. К тому же, когда эмир и политический представитель русского императора издал указ, запрещающий в Бухаре новометодные школы, Мулланизам отправил сыновей учиться в Самарканд. Из-за этого у Мулланизама создалась репутация опасного преступника. К нему в дом ворвались верноподанные эмира и служители Аллаха, зверски растерзали его самого, его жену, свояченицу, малолетнего сына Сафи и грудную дочку²⁵⁷.

Авторским решением, полагаю, надо считать представление в монографии позиции российской стороны о необходимости присоединения (завоевания) Средней Азии. Читаем: «В XVIII–XIX вв. во всемирно-историческом масштабе настает время, когда Запад в своем освоении мира продвигается на Восток. В сознании и мировоззрении Запада утверждается «европоцентристская концепция мира», согласно которой Европа играет цивилизующую роль в Азии. Восточные народы в глазах «цивилизованных» завоевателей представлялись дикими, необузданными и было распространено мнение, что все дикари одинаковы» (Анисимов Е. Геополитика. Трудным оказалось распространение с имперскими взглядами // Родина, 1989. – № 12. – С. 40–45) (с. 31).

Или: «Дикие народы должны созреть, чтобы сделаться действительными членами семьи образованных народов» (Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1880. – С. 20) (с. 31). Научная доктрина того времени, стоявшая на страже политических интересов государства – метрополии, будучи идеологизирована, также отражала восточную политику царской России. Наука

---

²⁵⁶ Письма Маркса К. к Энгельсу Ф. в Манчестр от 23 марта 1851 г. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 2. – С. 241 (684 с.) с. 30 монографии.

²⁵⁷ С. Айни. Бухарские палачи / С. Айни. Повести. Публицистика. – М., 1978. – С. 99–105.

должна помогать и оправдывать наши завоевания, наше движение вперед» – восклицал первый генерал-губернатор Туркестана. П. К. Кауфма (Соколов Н. П. «О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции. Ч. 1. – М., Ташкент, 1993 (1934). – С. 13) (с. 32). Другая цитата: «Именно в Средней Азии находится весь узел международных вопросов и всей мировой политики» (Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С. 294). Политика России имплицитно исходила из детерминистских представлений от жесткой предопределенности прихода России в Среднюю Азию. Автор монографии обращается к проблеме трагедии таджикского народа, указывая, что таджики превалировали над другими народами. Сарты, как известно, были выходцами из таджиков и узбеков, представляя собой оседлую, культурную часть населения. В монографии приведена цитата из работы Халфина Н. А.: «Термин «сарт» не существует, и этот термин всюду должен быть заменен словом «узбек» (Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. – М.: Наука, 1974. – С. 11). «Сарты – это хозяйственно-культурное понятие, которое главным образом относится к таджикам», – читаем на стр. 174 монографии, – т. е. таджиков – горожан называли сартами. Вообще это был народ в высшей степени религиозный – они всегда аккуратно в положенные часы читали свой намаз, строго выполняли пост и преследовали тех, кто нарушал их религиозные обряды. Полагаем, трагедия таджикского народа началась задолго до описываемых событий: первая страница трагедии началась, когда предки таджиков входили в состав двух государств – Согда и Бактрии. Завоевание Александром Македонским нанесло непоправимый вред культуре предков таджикского народа. Не менее трагичны были следующие страницы истории – завоевание арабами (автор указывает, говоря о мехкаме – судебном учреждении, что оно было давно известно мусульманскому миру, поскольку было придумано (?) еще арабами, когда цивилизация возвысилась над мусульманством, и по мере распространения цивилизации вводилось везде и везде принималось, хорошо держалось, пока держалась цивилизация на своей высоте. До той поры пока она не ослаблялась новыми вспышками фанатизма и сопровождавшими их политическими переворотами, когда снова усиливались мусульманство и его духовенство – с. 166).

Следующая страница трагедии – монгольские завоевания.

Автор определенно высказывает отношение к колониальному периоду, поскольку такая трагическая судьба более других выпала на долю древнего таджикского народа, который подвергался беспрерывным вторжениям и агрессии, вытеснению и ассимиляции, в результате чего таджики не только потеряли свою национальную государственность и независимость, но и стали народом – изгнанником, народом бесправным, по существу пленником деспотических режимов, которые сменяли друг друга на территории Средней Азии (с. 14). Исследуя вопрос о влиянии негативных процессов на национальный менталитет, И. А. Мамадалиев указывает, что снисходительность ошибочно принимается за слабость, а примирительные меры – за боязливость, поэтому невозможно с

азиатами обращаться как с европейцами», ссылаясь на источник – Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 13. Не обошел вниманием автор монографии и «Большие циклы Евразии» (с. 42), составляющие примерно 800 лет и характеризующиеся зарождением напряжения в восточной части Средней Азии, пассионарным толчком и колоссальным выплеском, захлестывающим весь материк. Эти выплески проявились в великих переселениях народов, как правило сопровождающихся глобальными завоевательными походами (с. 42) (Неклесса А. И. Постсоветский мир в новой системе координат. – «Восток», 1997. – № 2). Следует сказать в связи с этим о единственном в мире глобальном проекте «Великие миграции», запущенном по инициативе Казахстана при содействии ЮНЕСКО, в рамках которого создается Атлас великих миграций человечества и главная цель которого доказать, что не только кочевые племена, но и оседлые предки славян жили в древней Передней Азии, предки германцев – там же и в Малой Азии, что все народы вышли из общей «колыбели», в историческом прошлом находились в движении по планете, постоянно вступали во взаимодействие друг с другом, непрерывно смешивались и изменялись, становясь новым народом или разновидностью старого. Это доказывает тот факт, что какими бы далекими ни казались народы, на самом деле они не чужие друг другу. И это узнавание происходит, когда человечество стоит на краю обрыва, вот-вот оборвется еще неузнанная история человечества («Казахстан изучает великие переселения народов». – Азия плюс (Казахстан) – № 23. – 17 декабря 2015 г. – С. 4).

Мамадалиев И. А. исследует причины объективного порядка, сделавшие возможным завоевание Средней Азии царской Россией. К числу их отнесены местные междоусобицы и конкуренция России с Англией. «Завоевание нами (русскими) Туркестанского края в среде местного мусульманского населения прежде всего сказалось в ослаблении режима антагонизма между местными общественно-политическими фракциями, в примирении их между собою, в крупном шаге к объединению всего местного мусульманского населения под влиянием иноземного владычества» (Морозова И. Ю. «Китай – Монголия – Россия в XIII веке. Взаимопроникновение общих моделей». / Ломоносов – 96, вып. 1. – Москва, 1996. – С. 899). Государственные образования на территории Средней Азии после распада империи Тимура так и не смогли консолидироваться до степени образования среднеазиатских сильных государств, представляя собой фактически вплоть до конца XIX в. конгломератные феодальные образования оседлых и кочевых народностей с элементами рабовладельческого строя и родоплеменного уклада, не имевшие твердо определенных границ. Дехкане платили государству, светским и духовным феодалам 40 видов налогов, считавшихся основными. Более десяти видов носили дополнительный характер. Наиболее обременительными из них считались: херодж – поземельный налог; зякат – налог с продажи (зякат-савоим – со скота, свыше 40 голов, зякат-чакана – со скота, менее 40 голов); аминана – торговый сбор в размере 1,5 % от стоимости товаров; пули тахтаджой – сбор за место, занимаемое скотом или това-

ром на базаре; тарозу-пули – маклерские деньги; миробона – сбор за содержание ирригационной администрации; бокия-пули – особый сбор для нужд ирригационной системы; чигирпули – сбор в пользу местной администрации за пользование водоподъемными колесами; лабаки-пули – сбор за рытье арыка; джизия – подушный налог с еврейского населения эмирата; аворизот – чрезвычайный военный налог; кара-чирик – подать на содержание бухарской армии; фарсах-пули – подорожный налог; яксара или кош-пули – сбор с пары быков; осие-пули – налог с водяной мельницы, которая приводилась в движение водой из казенных арыков; хавли-пули – подворный налог; чуб-пули – сбор за траву; алаф-пули – сбор с клеверных полей; кима-пули – сбор за переправу; харбуз-пули – сбор за выращивание арбузов и дынь; оджас-пули – налог за огород; санджит-пули – сбор за дерево санджит; чорбог-пули – сбор с фруктовых деревьев; хас-пули – сбор за продажу хвороста; мухрона – сбор в пользу казая и других начальников за приложение печати. Тягостными были и второстепенные налоги: никохона – налог при вступлении в брак; талокона – налог за расторжение брака; хатмона – уплачивался по случаю обрезания мальчика (сына); хукмона – плата казию за вынесение решения в пользу истца; шодиена – налог по случаю рождения ребенка и т. д. Оброк взимался по каждому поводу, даже по случаю поездки эмира в Петербург, Москву, Крым и Кавказ²⁵⁸.

Неплатежеспособное население поднимало бунты, ибо часто дехкане, будучи не в состоянии уплатить налоги, вынуждены были продавать своих детей или отдавать их в залог. Россия пыталась замирить междуусобицы и прекратить «разбойничьи набеги», доставлявшие беспокойства на пограничных путях, цивилизовать отсталые азиатские народы, приобщить их к благам мировой цивилизации. Обратное можно прочесть у Тухтаметова Т. Г.: «царское правительство и русская буржуазия проводили колониальную политику по отношению к трудящимся эмирата, политику грабежа, насилия, унижения и оскорбления»²⁵⁹.

Другая причина заключается в том, что в первой половине XIX в. Россия проявила некоторый интерес к пограничному среднеазиатскому региону, пыталась наладить с ним экономические связи, изучить возможность завоевания и последующего освоения. Однако решительных внешнеэкономических действий Россия не вела. Во второй половине XIX в. ситуация кардинально изменилась из-за стремления превратить их в свою колонию. Россия не могла допустить появления «английского льва» в непосредственной близости от своих южных рубежей. Соперничество с Англией стало основной причиной активизации русской внешней политики на Среднем Востоке. В конце 50-х годов XIX в. Россия предприняла практические шаги для проникновения в Среднюю Азию. Были организованы три русские миссии: научная (под руководством ученого востоковеда Н. В. Ханькова), дипломатическая (посольство Н. П. Игнатьева) и торговая (во главе с Ч. Ч. Валихановым). В их задачу входило изучение политиче-

---

²⁵⁸ Тухтаметов Т. Г. Истоки дружбы. – Душанбе, 1987. – С. 63–64.

²⁵⁹ Тухтаметов Т. Г. Указ. раб., – С. 5.

ского и экономического положения государств Среднего Востока, установление с ними более тесных контактов²⁶⁰.

Обычно в учебники выносятся устоявшиеся понятия. В данном случае авторы используют термин «Средний Восток». С. А. Раджабов, И. А. Мамадалиев, Т. Г. Тухтаметов и др. оперируют словосочетанием «Средняя Азия», причем Т. Г. Тухтаметов пишет, что «борьба велась за мировое государство, за источники сырья и рынки сбыта промышленных товаров в Средней Азии, на ближнем и среднем Востоке, а также на Дальнем Востоке».

Академик Р. Масов, анализируя что произошло с территориями, на которых проживали таджики, а также с их языком, культурой, бытом, самой историей народа после присоединения Средней Азии к России, утверждает, что положительным является исчезновение угрозы уничтожения таджикского народа. Была прекращена имевшаяся прежде продажа таджиков в рабство, произошли изменения в социально-экономической жизни нашего народа. Он был относительно избавлен не только от голодной смерти, но и от распространенных в то время массовых заболеваний. Таджикский народ получил возможность приобщиться к передовой культуре русского народа и народов Европы²⁶¹. Предлагаемая монография не восполняет пробел в историко-правовой науке, ибо как в русской дореволюционной, так и советской историографии, история присоединения или завоевания Средней Азии получила широкое освещение. Издано много работ, освещающих те или иные стороны этого исторического периода. Русские дореволюционные исследователи стремились отразить этот процесс как благородное, гуманистическое действие передовой цивилизованной страны по отношению к отсталым и диким народам с целью приобщения их к мировой цивилизации. Автор предпринимает экскурс в историю освоения (исследования) Средней Азии с 1589 года при царе Михаиле Федоровиче. В 1732 году Народное киргизское собрание Малой и Средней Орды подписало запись о поступлении своем в подданство России. С этого времени началась борьба русской цивилизации с пастушескими дикими племенами азиатских степей²⁶².

Или: «Много было испытано способов привить дикарям, если не гражданское устройство, то какие-нибудь понятия о праве и справедливости, но все попытки оказались бесплодными. Дикари (имеется в виду местные номады уважали только одно право – право силы). Русское владычество приобрело в Средней Азии огромное обаяние, потому что оно ознаменовало себя гуманным миролюбивым отношением к местным, и, вызвав сочувствие народных масс, явилось для них желательным владычеством»²⁶³.

---

²⁶⁰ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. Учебник. – М., 2006. – С. 262.

²⁶¹ Масов Р. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально-государственном строительстве. // Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе, 2005. – С. 211–212.

²⁶² Халфин Н. А. Россия и ханство Средней Азии. – М., 1974. – С. 341.

²⁶³ Бларамберг И. Ф. Воспоминание. – М., Восточная литература. 198. – С. 321.

В советский период все было подчинено главной задаче – теоретическому обоснованию необходимости включения среднеазиатского региона в революционную ситуацию, в последующие преобразования и строительство социалистического общества на территории всей бывшей Российской империи. «Предпосылки социалистической революции в Таджикистане и установление впоследствии Советской власти своим исходным моментом имели присоединение территории современного Таджикистана к России»²⁶⁴.

И. А. Мамадалиеву удалось по-новому подойти к оценке исторических источников, что называется «остатком прошлой жизни, свидетельством о прошлом». В монографии приведен огромный архивный материал, что поможет историкам и правоведам, ибо нельзя сбрасывать со счетов и особенности русского варианта пути развития человеческой цивилизации. Рассматриваемые исторические события, изменения в традиционных институтах управления Средней Азии, образование системы военно-народного управления, образование Туркестанского генерал-губернаторства, создание новой административной и судебной систем есть проявление того, как в рамках мировых закономерностей (в частности колониальной политики Англии, Франции, Германии) эволюционировало огромное евразийское геополитическое пространство.

Несомненной заслугой автора является богатая библиография, именной и географической указатели. Работу отличает научная редакция и отточенный язык, причем в изложении используются категории и понятия, редко используемые русскоязычными авторами, например, «нациустройство», «автохтонные таджики», «автохтонная Средняя Азия» (с. 25), «имперский нарратив» (с. 15), «пассионарный толчок» (с. 42), «идея оттоманизма» (с. 43), «замирение муждуусобиц», «рекогносцировка» (с. 217), «парцелярные дехканские хозяйства» (с. 240), «местные номады» (с. 62), «казахские номады» (с. 63), «вольный колонист», «официальный поселенец» (с. 282), «дихотомность» (с. 304), «получарь ярымподшох», «теория франтира» (с. 53).

Вместе с тем, на наш субъективный взгляд, работа не свободна от некоторых погрешностей. В оглавлении и в тексте монографии указывается образование военно-народного управления (2.2); на слух и визуально такое словосочетание взаимоисключаемо, тем более что в литературе использовалось несколько иное – военное гражданское управление. Автор же оперирует названием из текста Положения об управлении Туркестанского края 1865 года, хотя подобное словосочетание требует разъяснения о том, что имеется в виду не институт гражданства, а сочетание военных и гражданских (цивильных) методов управления.

По логике вначале следовало бы изложить социально-экономическую структуру среднеазиатского общества в колониальный период (что прекрасно изложено со многими цифровыми выкладками, показателями), а затем институ-

---

²⁶⁴ Хакимов Н. Х. Предпосылки социалистической революции и установление советской власти в Таджикистане в советской историографии. Автореф... к. ю. н. – МГУ, 1983. – С. 9–10.

ты управления и административную систему. Это устоявшееся в историко-правовой науке положение, согласно которому предметами исследования в любой исторический период являются: 1) исторический обзор, 2) общественный строй, 3) государственный строй, 4) источники и основные институты права; видимо автор не ставил такой подобной задачи, что, впрочем, характерно для работ последних лет (например: Насурдинов Э. С., Сафаров Д. С. «История государства и права Таджикистана» ч. 1 (от древнейших времен до X в.). / Учебник. – Душанбе, 2013. – 357 с.).

План работы не отражает процесс добровольного присоединения Памира к России, в тексте же достаточно места уделено этому вопросу (с. 295–304). В качестве технической погрешности можно указать повторение материала со с. 69 (последний абзац об осадах и штурмах крепостей и разделения их на 3 категории на стр. 215–216 («Осады и штурмы крепостей и городов русскими войсками в Средней Азии следует разделить на три категории...»)).

И наконец, при отличной редакторской работе монография страдает многочисленными грамматическими ошибками, которыми испещрены буквально все страницы. Объяснить это можно тем, что, кто владеет русским языком тот не владеет компьютером, и наоборот, ибо присоединение Средней Азии к России имеет и такие далеко идущие последствия – через более чем сто лет произошла вторая гражданская война в Таджикистане, повлекшая за собой отток русскоязычного населения, тотальный непрофессионализм, смену роли советской женщины – товарища в социальной структуре общества в женщину – домохозяйку и многое другое, что требует самостоятельного исследования на уровне научной статьи.

И последнее, отрадно, что в г. Ходженте ученые активно пользуются финансовой поддержкой различных международных фондов, как данная работа, опубликованная при финансовой поддержке Международной Ассоциации Центрально-Евразийского Издательского Фонда ЦЕИФ и Ассоциации по исследованию Персидских обществ (АИПО).

РЕЦЕНЗИЯ

НА КНИГУ ЗЕЛЕНЦОВА А. Б. «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ: ТЕОРИЯ СУДЕБНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» / А.Б. ЗЕЛЕНЦОВ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 399 С.»

В условиях построения правового государства в теории и практике правового регулирования все большее внимание уделяется формированию одного из важнейших его институтов – института административной юстиции. Действующее законодательство РФ, регламентирующее административную юстицию, ставит проблему разработки учебных курсов по административному судопроизводству, которые отвечали бы целям и задачам административной юстиции, а также стандартам международного уровня по реализации данного института. В этом контексте в РФ особо остро ощущается необходимость подготовки профессионально подготовленных учебных пособий и учебников, освещающих на должном теоретическом уровне в обоснованном продуманном и систематизированном виде базовых категорий административной юстиции и процедуры административного судопроизводства. Все это служит подтверждением своевременности выхода в свет учебного пособия «Административная юстиция. Общая часть: теория судебного административного права», подготовленного доктором юридических наук, профессором А. Б. Зеленцовым, который может быть одним из источников для обучения студентов юридических вузов.

Данное учебное пособие является продолжением серии работ А. Б. Зеленцова и его школы, которые подытоживают опыт преподавания им курса административной юстиции на кафедре административного и финансового права РУДН с 1995 г. и учитывают новейшие тенденции в регулировании административного судопроизводства в РФ и за рубежом²⁶⁵.

Учебное пособие основывается на Кодексе об административном судопроизводстве (КАС) РФ (который действует с 1.09.2015 г.), посвящено изложению ключевых вопросов теории административной юстиции и ориентировано на построение ее строгого категориально-понятийного аппарата как науки и учебной дисциплины, раскрытию общих концептуальных положений, на которых базируется правовое регулирование административного судопроизводства в РФ

---

*профессор кафедры коммерческого права юрид. факультета ТГУК.

*старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета ТНУ, к.ю.н.

*Ассистент кафедры конституционного права юрид. факультета ТНУ.

²⁶⁵ Зеленцов А. Б. Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы: монография. – М.: Буки-Веди, 2014; Он же. Административная юстиция (судебное административное право): в схемах и с комментариями: учебное пособие. – М.: РУДН, 2014; Административное судебное право: концептуальные проблемы формирования // Административное право и процесс. – М., 2015, № 2 и др.

и зарубежных стран, обладающих развитыми системами административной юстиции. Автор дает развернутое понятие административной юстиции на основе анализа различных подходов к ее пониманию и выделяет ее сущностные характеристики как института правового государства, опираясь на содержательную интерпретацию общей категории «юстиция». В этом теоретическом контексте обосновывается необходимость административной юстиции для стабильного функционирования системы публичного управления и определяется ее место как одной из форм осуществления судебной власти.

Генезис и эволюция административной юстиции в учебном пособии раскрывается на фоне смены парадигм в ее теории. Такой подход позволяет представить развитие административной юстиции во всем многообразии ее процессуальных форм и достаточно рельефно показать место и значение КАС РФ, знаменующего становление новой парадигмы в области защиты прав частных лиц от неправомерных действий и решений органов публичного управления.

Содержание административной юстиции как организационно-правового механизма раскрывается в единстве ее четырех составных частей: материальной (предметной), организационной, процессуальной и нормативно-правовой. Соответственно этим содержательным элементам в учебном пособии представлено четыре блока тем, последовательно касающихся сферы действия, предмета, цели и задач административной юстиции, ее организационной структуры, процессуальной формы и комплекса правовых норм, регулирующих отправление правосудия по административным спорам.

Излагая проблематику предметной стороны административной юстиции, автор особое внимание уделяет теории административно-правового спора как спора о праве. Такой акцент вполне обоснован тем, что в гражданской процессуально-правовой доктрине до принятия КАС РФ, и в том числе Кодекса об административных процедурах (КАП) РТ 2007 г., которым регламентирован и административный судебный процесс по рассмотрению публично-правовых споров, господствовал подход, отрицающий наличие спора о праве в делах, возникающих из административно-правовых отношений. Это обусловило появление в учебном пособии специальной главы (гл. 5), в которой уточняется понятие спора о праве, выявляется юридическая природа спора о праве административном, описывается его формальное и материальное понимание, дается развернутая субъектная и предметная классификация административно-правовых споров. В этой части работы *de lege ferenda* вызывают интерес разработанные А. Б. Зеленцовым конструкции споров об административной ответственности и его суждения о юридической природе споров о возмещении вреда, причиненного частным лицам органами публичной власти. В теоретическом плане вполне заслуживает поддержки авторская классификация административных споров на споры о субъективных публичных правах и споры об объективном праве.

Вполне оправданно, на наш взгляд, с теоретической и практической точек зрения достаточно развернутое описание в рецензируемом труде юридической конструкции административно-правового спора, позволяющее определить спе-

цифику правового положения его субъектов в материально-правовом отношении, особенности предмета и оснований данного спора. Эти теоретические положения не оставляют сомнений в возможности споров о праве в делах, возникающих из административно-правовых отношений, и создают необходимый контекст для более глубокого понимания студентами новелл в правовом регулировании административного судопроизводства, введенных КАС РФ, такие положения отчасти содержатся и в КАП РТ.

Характеризуя организационную структуру административной юстиции, автор описывает не особенности ее построения в какой-либо отдельной стране (по его мнению, это – задача особенной части курса), а решает вопрос теоретического плана – раскрывает основные элементы, из которых она складывается в любом государстве. В этой части работы акцент делается на изложение теории юрисдикционного органа как органа административной юстиции: дается его понятие, классификация видов (суды в их различных разновидностях, квазисудебные учреждения), выясняются их качественное своеобразие в условиях специализации по разрешению административных споров и значение этой специализации. Критерии определения границ организационно-правовой структуры административной юстиции выделяются на основе метода сравнительного правоведения, что служит предпосылкой для понимания оптимальных моделей ее построения.

Представляется обоснованным выделение в данном учебном пособии самостоятельной главы о понятии, структуре и правовом регулировании системы разрешения административных споров. Содержанием этого понятия охватывается вся совокупность институтов, процедур и средств, используемых в конкретном государстве для разрешения административно-правовых споров. В объеме этого общего понятия включается не только административная юрисдикция суда, но и альтернативные этой юрисдикции процедуры и средства, значение которых в разрешении административных споров в современном мире неуклонно возрастает. Соответственно, в данной главе, помимо вопросов о понятии, видах и методах административной юрисдикции и функциях судебной власти при отправлении административного правосудия, достаточно подробно с использованием компаративного метода анализируются различные согласительные (альтернативные) процедуры в публичном праве. При изложении этого материала в контексте обязательств по совершенствованию административно-процессуального законодательства, взятых на себя РФ при вступлении в Совет Европы, автором учтены и раскрыты новейшие европейские стандарты, определенные в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (2001) государствам-членам «Об альтернативах судебному разбирательству споров между органами исполнительной власти и частными лицами».

В понятийно-категориальный аппарат общей теоретической части курса административной юстиции в учебном пособии вполне обоснованно включается, наряду с понятиями сущности, содержания, видов административной юстиции, еще и такая ключевая категория, как «функции административной юсти-

ции». Система этих функций строится исходя из понимания административной юстиции в первую очередь как механизма реализации полномочий судебной власти, предназначенного для разрешения административных споров.

В концептуальном плане интерпретация системы функций административной юстиции отличается новизной и оригинальностью и, несомненно, отвечает духу КАС РФ. Автор отказывается от традиционной трактовки функций судебной власти, которая конструируется на основе принципиального разграничения двух ее базовых функций: правосудия и судебного контроля. В рамках этой трактовки сформировался стереотип, в соответствии с которым административная юстиция отождествлялась только с судебным контролем, а к правосудию относились лишь гражданское и уголовное судопроизводство. В книге убедительно доказывается, что в правовом государстве административная юстиция отвечает всем признакам правосудия как формы осуществления судебной власти, что закреплено, в частности, в ст. 2 Конституционного закона РТ «О судах РТ».

Следует согласиться с утверждением автора о том, что правосудие – это не функция судебной власти, а форма, способ реализации всех ее функций, всех направлений ее деятельности, связанных с осуществлением в сфере властных полномочий (С. 223). Властные полномочия и функции судебной власти могут осуществляться в сфере только одним способом – в форме правосудия. Исходя из этого, делается обоснованный вывод о том, что основными функциями судебной власти являются не правосудие и судебный контроль, а судебная защита прав и судебный контроль. Судебная деятельность по разрешению административных споров, как следует из КАС РФ и гл. 6 КАП РТ, связана в первую очередь с реализацией именно этих функций.

Вместе с тем автор не ограничивается только их описанием, а выстраивает целую систему функций административной юстиции, конкретизируя отдельные из них. В частности, интересен подход к разграничению функций судебно-административного санкционирования и судебно-административного контроля, основанный на различии их юридической природы, а также выделение автором таких форм контроля как: контроль за правоприменением и нормоконтроль (абстрактный и конкретный) и др., которыми автор стремится показать их связь с отдельными видами производств, содержащиеся в КАС РФ.

Одно из центральных мест в учебном пособии по праву занимает глава, посвященная теории административного судопроизводства, которое рассматривается как важнейшая форма административной юстиции (наряду с ее досудебной или квазисудебной формой). А. Б. Зеленцовым умело раскрывается весьма широкий круг формальных источников (законодательного и подзаконного уровня), свидетельствующих о существовании этой квазисудебной формы и недопустимости сведения административной юстиции только к ее судебной форме – административному судопроизводству (С. 330–331).

Глава об административном судопроизводстве во многом носит методологический характер и подразделяется на весьма интересные в теоретическом

плане части, характеризующие предмет, структуру административного судопроизводства, его соотношение с такими ключевыми категориями, как административное правосудие, административный процесс и др. Автор предлагает собственную оригинальную позицию по определению этих понятий и их соотношения. Интересным является материал об административном иске и его не только юридико-техническом, но и мировоззренческом значении для отечественного правового менталитета. Все теоретические положения, касающиеся судебного-административного процесса, опираются на нормы и принципы, установленные КАС РФ.

Особо следует отметить весьма доходчивое и убедительное изложение вопросов (до недавнего времени весьма дискуссионных в процессуальной доктрине) о сторонах судебного административного процесса и нетрадиционный заслуживающий полную поддержку подход к объяснению специфики их административно-процессуального статуса. Изложенные в этой части учебного пособия положения об общих правилах, принципах и структуре судебного административного процесса создают непосредственную теоретическую основу для последующего рассмотрения в особенной части курса отдельных видов производств, осуществляемых в его рамках.

Нельзя не признать достойным пристального внимания и отвечающим современному уровню развития законодательства и теоретических знаний обоснование автором концепции судебного административного права как новой формирующейся в России отрасли права. Это обоснование строится на значительном массиве формальных источников права и солидном методологическом фундаменте. Анализ формальных источников, характеризующих нормативно-правовую сторону административной юстиции, показывает, что в РФ сформировался самостоятельный комплекс норм отраслевого уровня, системообразующим фактором которого выступает конституционная норма об административном судопроизводстве как одной из четырех форм осуществления судебной власти. Раскрывая отраслевое значение этого комплекса норм, регулирующих административное судопроизводство, автор не ограничивается двумя традиционными признаками (предмет и метод), а использует еще пять новых критериев для характеристики отраслевого статуса судебного административного права. Убедительно звучит его аргументация о преимуществах обозначения этого комплекса норм как судебного административного права, поскольку в нашей науке понятием «административно-процессуальное право» традиционно принято обозначать право, регулирующее деятельность исполнительной власти.

Концепция судебного административного права, изложенная А. Б. Зеленцовым в учебнике, претендует на то, чтобы снять противоречия между традиционным и современным пониманием административно-процессуального права. На данном этапе он является наиболее удачным для обозначения комплекса норм, регулирующих административное судопроизводство и, несомненно, может служить солидным теоретическим основанием для дальнейших исследований в этой области. При этом автор верно замечает, что

данный комплекс норм вполне может обозначаться также как «судебное административно-процессуальное право», поскольку костяк его составляют не судоустройственные, а судопроизводственные (административно-процессуальные) нормы.

Вызывает интерес авторское видение объекта и системы административной юстиции как науки (С. 353–358), а также обстоятельное изложение истории ее формирования и развития не только в РФ, но и за рубежом. В конце книги прилагается программа курса «Административная юстиция», которая в условиях вступления КАС РФ в действие вполне может стать основой для обсуждения содержания и структуры соответствующей учебной дисциплины. Данная учебная программа, на наш взгляд, вполне подходит для преподавания курса «административная юстиция» и в юридических вузах РТ.

Изложение вопросов о судебном административном праве как самостоятельной отрасли, науке и учебной дисциплине в учебном пособии дается в завершающей, а не в первой главе учебника, как это обычно принято. Изучение предшествующего этой главе теоретического материала, на наш взгляд, поможет студентам глубже понять смысл и значение судебного-административного права, имеющего своим предметом спорные вопросы материального административного права. При таком подходе данная глава может одновременно рассматриваться как логическое завершение общей части и переходным мостиком к особенной, самостоятельной части административной юстиции, которая по замыслу автора должна быть полностью посвящена изучению нормативно-правового регулирования этого института в РФ. Такой подход приемлем и для РТ.

Следует подчеркнуть, что учебное пособие, подготовленное А. Б. Зеленцовым, имеет методически обоснованную структуру, написано последовательно и логично стилистически отточенным и доступным для национального читателя юридическим языком. В работе содержится базовый библиографический аппарат на русском и иностранных языках, который предоставит возможность читателю более глубоко ознакомиться с тематическими вопросами, рассмотренными в учебном пособии, изучить специальную литературу и другие материалы. Представленная в нем общая теоретическая часть административной юстиции как судебного административного права характеризуется логической завершенностью и исчерпывающим изложением базовой проблематики.

В настоящее время в учебниках по административному праву преимущественно рассматриваются лишь институты российского права, не проводится их сравнительно-правовой анализ, поэтому, на наш взгляд, особой поддержки заслуживает использование в рецензируемом учебнике метода сравнительного правоведения в его наиболее развитой проблемной форме. Автор умело использует оригинальный литературный и законодательный материал многих зарубежных стран, выявляя общее и особенное в развитии судебного административного права, что дает возможность задать весьма высокий теоретический

уровень его осмысления и изложения базовой проблематики. Это позволяет также использовать подготовленный к изданию учебник в процессе обучения не только российских, но и зарубежных студентов юридических вузов. Анализ в необходимых случаях зарубежного законодательства в сфере административной юстиции позволяет создать более широкий контекст в понимании проблем и тенденций развития этого нового для российской правовой системы института.

В целом в рецензируемой работе удачно сочетаются традиционный подход к изложению институтов административной юстиции с новизной высказываемых автором точек зрения. Подготовленная работа в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к данному виду работ, и может служить как учебник не только для российских, но и для вузов стран содружества. Тщательная проработка современных отечественных и зарубежных нормативных документов и литературных источников позволила автору создать интересное и основательное произведение, полноценно отражающее современное состояние науки административной юстиции, а также раскрывающее актуальные теоретические и практические проблемы в области судебного административного права.

Рецензируемое учебное пособие может быть рекомендовано для изучения студентами юридических вузов РТ, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Представляется, что наша рецензия поможет студентам юридических вузов Таджикистана, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами административного права, обратить внимание на учебник доктора юридических наук, профессора А. Б. Зеленцова «Административная юстиция. Общая часть: теория судебного административного права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/ – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 399 с.».

VII. Порядок рецензирования статей, предоставляемых в научно-информационный журнал «Правовая жизнь».

Правила для авторов

1. В журнале «Правовая жизнь» печатаются статьи, являющиеся результатом научных исследований по юридическим наукам.
2. Статьи принимаются к печати по рекомендации одного из членов редколлегии в соответствии с настоящими правилами.
3. Объем статьи не должен превышать одного п. л. (до 16 страниц) компьютерного текста, включая в этом объеме рисунки, таблицы, графики, текст аннотации и ключевые слова. Объем аннотации – не более 0,5 страницы. Три рисунка считаются за одну страницу.
4. К статье прилагаются направление от учреждения (для внешних авторов), рецензия соответствующего отдела, аннотации и ключевые слова (на русском и английском языках) в двух экземплярах, с указанием названия статьи, инициалов и фамилии автора (авторов).
5. Статьи принимаются по одному экземпляру в текстовом и электронном вариантах. Статья должна быть напечатана на компьютере с одной стороны листа через 1,5 (полуторный) интервал. Слева от текста следует оставлять поля (4 см.). Страницы должны быть пронумерованы.
6. В конце статьи после текста и аннотации дается список использованной литературы, слева указываются название учреждения, представляющего статью, сведения об авторе (авторах), а также телефон и подпись.
7. При оформлении списка использованной литературы следует указать:
  - а) для книг – фамилию и инициалы автора (авторов), полное название, место издания, издательство, год издания, номер тома, страницу;
  - б) для журнальных статей и сборников – фамилию и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала или сборника, год издания, номер и страницу (для сборника). При повторной ссылке на литературу допустимы общепринятые сокращения.
8. К имеющимся в тексте таблицам необходимо отпечатать дубликаты и приложить к статье с указанием страницы, к которой таблица относится.
9. В случае возвращения статьи автору (авторам) для существенных исправлений или для ее окончательного редактирования, автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи.
10. Редакция оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей.
11. Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.
12. Статьи, не соответствующие настоящим правилам, не принимаются.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят предварительную экспертизу (проводится членами редколлегии – специалистами по соответствующей отрасли науки) и принимаются в установленном порядке. Требования к оформлению оригинала статей приводятся в «Правилах для авторов», публикуемых в каждом номере журнала. Если рукопись принята, то редакция сообщает автору замечания по содержанию и оформлению статьи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование. Затем статьи рецензируются в обязательном порядке членами редколлегии журнала или экспертами соответствующей специальности (кандидатами и докторами наук).

Рецензия должна содержать обоснованное перечисление качеств статьи, в том числе научную новизну проблемы, ее актуальность, фактологическую и историческую ценность, точность цитирования, стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление ее недостатков. В заключение дается общая оценка статьи и рекомендации для редколлегии – опубликовать статью, опубликовать ее после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить. Объем рецензии – не менее одной страницы текста.

Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. После доработки статья повторно рецензируется и редколлегия принимает решение о ее публикации. Статья считается принятой к публикации при наличии положительной рецензии и в случае ее поддержки членами редколлегии. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от даты поступления ее окончательного варианта. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии статей для своих нужд. Рецензенты, а также члены редколлегии не имеют права использовать в собственных интересах информацию, содержащуюся в рукописи, до ее опубликования.